

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Кафедра международного права

**«К УПРОЧЕНИЮ
ПРАВОПОРЯДКА В МИРЕ
НА ОСНОВЕ УСТАВА ООН»**

Материалы международной
научно-практической конференции,
посвященной 30-летию
«Московского журнала международного права»
(Москва, 20–21 октября 2021 г.)

Под редакцией
доктора юридических наук, профессора А.Н. Вылегжанина

Москва
Издательство «МГИМО-Университет»
2022

УДК 341
ББК 67.412
К11

Редакционная коллегия:

доктор юридических наук *А.Н. Вылегжанин*
доктор юридических наук *Б.И. Нефедов*
кандидат юридических наук *Д.В. Иванов*
кандидат юридических наук *И.И. Сиякин*

Издание подготовлено в рамках программы «Приоритет-2030»

К упрочению правопорядка в мире на основе Устава ООН :
К11 материалы международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию «Московского журнала международного права» (Москва, 20–21 октября 2021 г.) / под редакцией А.Н. Вылегжанина ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра международного права. — Москва : МГИМО-Университет, 2022. — 302, [1] с.

ISBN 978-5-9228-2597-9

В настоящее издание включены научные доклады российских и зарубежных правоведов-международников, сделанные на научно-практической конференции, посвященной 30-летию «Московского журнала международного права», проходившей в МГИМО МИД России 20–21 октября 2021 г. В сборнике отражены результаты анализа широкого спектра актуальных теоретических вопросов современного международного права как безальтернативного регулятора межгосударственных отношений.

Для юристов, практических работников МИД России, других федеральных органов власти, ученых и аспирантов, ведущих исследования в области международного права, а также всех, кто интересуется его прогрессивным развитием.

УДК 341
ББК 67.412

ISBN 978-5-9228-2597-9

© МГИМО МИД России, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово ректора МГИМО МИД России академика РАН А.В. Торкунова	5
<i>Приветствие министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова</i>	8
<i>Приветствие президента Российской ассоциации международного права А.Я. Капустина</i>	9
<i>Приветствие министра Правительства Москвы, руководителя Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы С.Е. Черёмина</i>	11
<i>Научные доклады, представленные докторами юридических наук</i>	
<i>Бахин С.В. Реинкарнация общей теории международного права</i>	13
<i>Бирюков П.Н. Регулирование цифровых валют в Швейцарии</i>	49
<i>Воронцова Н.А. Международно-правовой анализ результатов экономического сотрудничества ЕАЭС — Вьетнам (2021)</i>	62
<i>Лабин Д.К., Овчинникова Е.О. Возможности для иностранных инвестиций в Арктическую зону Российской Федерации</i>	72
<i>Лобанов С.А., Анянова Е.С. Особенности международно-правового регулирования охраны стационарных платформ и плавучих буровых установок в Арктическом регионе</i>	82
<i>Нешатаева Т.Н. Независимость суда и судей в цифровую эпоху</i>	98
<i>Ястребова А.Ю. Международно-правовая защита покровительствуемых лиц в международном гуманитарном праве: содержание и приоритеты</i>	120

**Научные доклады,
представленные кандидатами юридических наук**

<i>Амиров Д.Р.</i> Эволюция научных взглядов на систематику международного права	137
<i>Кукушкина А.В.</i> Международно-правовое урегулирование территориальных и трансграничных споров	148
<i>Кутузов И.М.</i> Конвенционные нормы в механизме правового регулирования международных частных денежных отношений	157
<i>Слепцов А.Н.</i> К вопросу имплементации норм Декларации ООН по правам коренных народов в законодательство Российской Федерации	163
<i>Смирных С.Е.</i> Влияние пандемии COVID-19 на международно-правовое положение детей и молодежи	184
<i>Солнцев А.М.</i> Трудности кодификации и прогрессивного развития международного экологического права	210

**Научные доклады, представленные аспирантами кафедры
международного права МГИМО МИД России**

<i>Корженяк А.М.</i> Деятельность ООН в сфере противодействия финансированию терроризма: правовые проблемы и перспективы	225
<i>Магомедова О.С.</i> Концепция международно-правовой политики государства во французских доктринах международного права	248
<i>Сотскова П.В.</i> Международно-правовое значение понятия «морские генетические ресурсы»	271
<i>Штодина Д.Д.</i> Понятие киберпространства в международном праве	282

Вступительное слово ректора МГИМО МИД России академика РАН А.В. Торкунова

Представляя читателю собрание научных докладов, сделанных на международной научно-практической конференции в МГИМО в октябре 2021 г., отмечу значимость информационного повода для ее проведения: 30-летие «Московского журнала международного права», самого старшего на постсоветском пространстве из тех журналов, которые специализируются в данной области правоведения.

Материалы конференции отражают результаты анализа широкого спектра актуальных теоретических вопросов современного международного права. В условиях нынешнего полицентричного мира, новых вызовов и угроз ему объективно возрастает значение международного права как безальтернативного регулятора межгосударственных отношений, как критерия правопослушности, а значит — и долгосрочной перспективности внешней политики конкретного государства.

Правовое измерение современного мира находит свое аналитическое отражение в российской науке международного права, причем не только в признанных учебных курсах международного права МГИМО и других университетов. Многие составляющие современных международных отношений требуют теоретического осмысления *de novo*. Современное миротворчество пока не нашло консенсусного ответа на такие, например, вопросы, как реагирование на резкое расширение в 1990-е годы блока НАТО на восток, с захватом территорий не только стран Варшавского договора, но и бывших республик СССР — Латвии, Литвы, Эстонии;

как принуждение к миру силой; как соотношение принципа невмешательства во внутренние дела государства, с одной стороны, и, с другой — принципа нераспространения ядерного оружия; как соотносимая, соразмерная реализация принципа самоопределения народов и принципа территориальной целостности. Предпринята даже концептуальная попытка заменить основные принципы международного права, заложенные в Уставе ООН, на некий аморфный «порядок, основанный на правилах». Министр иностранных дел России С.В. Лавров показал политическую опасность такой подмены, и очень хорошо, что в «Московском журнале международного права» позиция нашего министра поддержана в академическом формате. Журнал знакомит широкую аудиторию с результатами исследования и многих других актуальных международно-правовых вопросов, часто — впервые в отечественной науке. Такова, прежде всего, аналитика опасности искажения юридических итогов Второй мировой войны; исследование соучастия США в силовой замене в 2014 г. конституционно избранного президента Украины на назначенного главу государства; такова и теоретическая платформа совершенствования международно-правовых основ сотрудничества государств в Арктике, на фоне климатических изменений. «Московский журнал международного права» заслуженно награжден Президентом Российской Федерации знаком «Победа».

В России последовательно подчеркивается приверженность принципу верховенства международного права в международном общении. Сегодня глубокие теоретические интерпретации этого принципа интересны не только юристам-международникам. Они востребованы и в общеакадемическом сообществе ученых-международников, и даже на политическом уровне. Но существующие глубокие различия в таких толкованиях — это тоже реальность, подтверж-

даемая не только последними по времени разногласиями между Россией и НАТО в вопросе признания независимости Донецкой и Луганской Народных Республик. Достаточно напомнить о разном прочтении международного права, применимого к вооруженной интервенции США в Ирак и к последующему военному сопровождению США казни президента Ирака. Современные внутригосударственные и международные конфликты показывают, насколько востребовано международно-правовое обозначение критериев правомерности, заложенных в Уставе ООН.

МГИМО МИД России поощряет фундаментальные правовые исследования проблем современной международной жизни, в том числе и наиболее острых. О высоком научном уровне представленных на конференции научных докладов, особенно докторов юридических наук, свидетельствует и академический авторитет авторов.

Думаю, что данное научное издание МГИМО, реализуемое в рамках программы «Приоритет-2030», приведет к дальнейшим приращениям отечественной международно-правовой науки.

*Ректор МГИМО МИД России,
председатель Редакционного совета
«Московского журнала международного права»
академик РАН А.В. Торкунов*

*Приветствие министра иностранных дел
Российской Федерации С.В. Лаврова*

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

**Организаторам и участникам международной
научно-практической конференции, посвященной 30-летию
«Московского журнала международного права»**

Приветствую организаторов и участников международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию юбилею «Московского журнала международного права».

Созданный по инициативе МГИМО и являющийся одним из старейших в России изданий по международному праву журнал за три десятилетия утвердился в качестве авторитетной академической площадки для анализа наиболее актуальных вопросов, возникающих в этой сфере.

Сегодня публикуемые в нем материалы отражают растущую роль науки в юридическом сопровождении внешней политики государств. Такие интеллектуальные усилия особенно востребованы в целях противодействия деструктивным подходам, направленным на расшатывание и ревизию действующих международно-правовых основ современного миропорядка.

Российская дипломатия будет и впредь последовательно выступать за приоритет международного права в межгосударственных делах, отстаивать безальтернативность сформированной по итогам Второй мировой войны ооноцентричной глобальной архитектуры.

Убежден, что содержательные дискуссии в рамках конференции внесут полезный вклад в привлечение внимания к этим важным вопросам научных, студенческих кругов, в целом широкой общественности.

Желаю вам плодотворной работы и всего наилучшего.

 С.ЛАВРОВ

г.Москва, «20» октября 2021 года

*Приветствие президента
Российской ассоциации международного права А.Я. Капустина*

**Председателю Редакционного совета
«Московского журнала международного права»,
Ректору МГИМО МИД России
Академику РАН А.В. Торкунову**

**Главному редактору
«Московского журнала международного права»,
заведующему кафедрой международного права
МГИМО МИД России
доктору юридических наук, профессору А.Н. Вылегжанину**

Уважаемые коллеги!

От имени Исполкома и всех членов Российской Ассоциации международного права примите поздравления по случаю 30-летия «Московского журнала международного права».

Юбилей «Московского журнала международного права», одного из ведущих научных юридических изданий России – знаменательное событие в отечественной и мировой науке международного права и российском юридическом образовании. «Московский журнал международного права» пользуется заслуженным уважением и способствует подготовке высококлассных юристов-международников, теоретиков и практиков, работающих в России и на международном уровне.

Сильной стороной большей части публикаций «Московского журнала международного права» является тесная связь теории с практикой, науки и педагогики. Так, один из последних номеров журнала посвящен таким актуальным вопросам международного права как: принципы в современном международном праве (некоторые вопросы

понятия, природы, генезиса, сущности и содержания); евразийские основы международно-правовой политики Российской Федерации; проблемы борьбы с кибершпионажем; международно-правовые меры обеспечения безопасности судоходства; совершенствование нормативно-правового регулирования противодействия экстремизму.

Публикация в «Московском журнале международного права» - это надежный показатель ее высокого научного уровня, актуальности и теоретической значимости, а ее автор получает заслуженное признание профессионального сообщества в качестве творца международно-правового знания.

Авторы, сотрудники и подавляющее число читателей журнала - члены Российской Ассоциации международного права, Ваша деятельность приумножает наши ряды, а дискуссии на платформе Ассоциации содействуют наполнению редакционного портфеля журнала. Вместе мы придаем импульс развитию науки международного права и способствуем ее востребованности в международной практике. Хотелось бы пожелать руководству и сотрудникам «Московского журнала международного права» и впредь продолжать заданный его основателями курс и повышать международный престиж российской науки международного права.

С уважением и пожеланиями дальнейших успехов в Вашей благородной деятельности,

Президент Ассоциации,
заслуженный деятель науки РФ,
д. ю. н., профессор

А. Я. Капустин

*Приветствие министра Правительства Москвы,
руководителя Департамента внешнеэкономических
и международных связей города Москвы С.Е. Черёмина*

МИНИСТР ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

Тверская ул., д.13, Москва, 125032; Вознесенский пер., д. 22, Москва, 125009
Тел.: (495) 633-68-66, факс: (495) 633-68-65
E-mail: dvms@mos.ru, <http://www.mos.ru/dvms>
ОКПО 83251969, ОГРН 1077762344230, ИНН/КПП 7710695744/771001001

**Приветствие министра Правительства Москвы, руководителя
Департамента внешнеэкономических и международных связей
города Москвы С.Е. Черёмина в адрес международной научно-
практической конференции, проводимой в честь 30-летия
Московского журнала международного права**

**Уважаемый Анатолий Васильевич!
Уважаемые дамы и господа!
Уважаемые коллеги!**

Разрешите от имени Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы поздравить всех участников конференции с юбилеем Московского журнала международного права.

Примечательно, что Правительство Москвы в лице Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы многое связывает с международно-правовым факультетом МГИМО. Среди сотрудников Департамента немало выпускников МП-факультета.

В данной аудитории нет необходимости говорить о востребованности и важности подобного издания для отечественной и мировой доктрины международного права. Журнал является, по сути, не просто академическим изданием, а основой для формирования современного международного правосознания.

Сегодня мы являемся свидетелями возросшей роли регионов не только в международных экономических отношениях, но и, как следствие, в формировании международно-правовых рамок такого взаимодействия. В этих условиях города зачастую становятся локомотивами в области формулирования новых практик межрегионального сотрудничества, по образу которых впоследствии реализуется межгосударственное общение.

Надеюсь, что сегодняшнее мероприятие станет началом нового этапа в развитии журнала, а Правительство Москвы получит в конечном итоге

авторитетную академическую трибуну для освещения и продвижения своих международных и внешнеэкономических контактов в различных отраслях.

Уверен, что совместными усилиями нам удастся придать дополнительный импульс процессу совершенствования журнала и в полной мере использовать его в международной и межрегиональной практике. Гарантией успешной работы является высокий профессионализм, компетентность и авторитет как авторов журнальных статей, так и редколлегии издания.

Желаю Вам успехов в вашей очень интересной и нужной международному сообществу работе и выражаю надежду на развитие конструктивного сотрудничества.

**Министр Правительства Москвы,
руководитель Департамента
внешнеэкономических
и международных связей
города Москвы**

С.Е. Черёмин

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ,
ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ДОКТОРАМИ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Бахин Сергей Владимирович,
проф., д-р юрид. наук,
Санкт-Петербургский
государственный университет

Реинкарнация общей теории международного права

Резюме. Рассматриваются принципиальные положения монографии профессора Г.М. Вельяминова «Право национальное и международное». За эту книгу в 2019 г. по решению Российской академии наук Г.М. Вельяминову присуждена премия имени Ф.Ф. Мартенса за выдающиеся научные работы в области международного права и международных отношений. Г.М. Вельяминов, возрождая лучшие традиции отечественной науки международного права, предпринял оригинальную попытку посмотреть на современное состояние международного права как уникального правового феномена. Рассматриваются выдвинутые Г.М. Вельяминовым концепции соотношения международного и национального права, взаимосвязи объективного и субъективного права, всемирного правового полиморфизма, правовой природы международного частного права, всемирного права и мирового правительства.

Монография профессора Г.М. Вельяминова «Право национальное и международное»¹, безусловно, станет заметной

¹ Вельяминов Г.М. Право национальное и международное. М. : РГ-Пресс, 2017. 248 с.

вехой в отечественной науке международного права, ибо мало кто из специалистов выступает в последние годы с концептуальными изысканиями относительно природы международного права. Чем же привлечет читателя эта книга?

Во-первых, она написана авторитетным специалистом, мэтром в нашей науке — Георгием Михайловичем Вельяминовым. Все, что выходит из-под его пера, неизменно вызывает интерес у читателей. Имя Г.М. Вельяминова в нашей науке подобно давно завоевавшему авторитет научному бренду — здесь не будет общих мест и тривиальных выводов.

Во-вторых, в 2019 г. по решению Российской академии наук автору этой книги присуждена премия имени Ф.Ф. Мартенса за выдающиеся научные работы в области международного права и международных отношений. Думается, что это вполне заслуженная оценка работы нашего коллеги.

В-третьих, монография Г.М. Вельяминова, безусловно, стоит особняком в отечественной международно-правовой литературе последних лет. Она посвящена узловым вопросам теории и практики международного права, и, таким образом, стала вкладом в развитие его общей теории.

Нужно пояснить, что мы вкладываем в понятие «общая теория международного права». Дело в том, что в отечественной юриспруденции существует такой раздел, как общая теория права. Считается, что общая теория, в отличие от отраслевых юридических наук, занимается изучением кардинальных вопросов доктрины права безотносительно к его разграничению на отрасли и вне зависимости от того, идет ли речь о внутригосударственном или международном праве.

Однако при подобном подходе нивелируются специфические особенности международно-правовой системы, качественно отличной от национальных правовых систем. Более того, специалисты в области общей теории права формули-

ругают свои выводы преимущественно на основе анализа внутригосударственного права, не вдаваясь в хитросплетения межгосударственного правового регулирования. Сказанное вовсе не принижает роли и значения общей теории права, а лишь указывает на сложившееся положение вещей. Очевидно, что в прокрустово ложе тех теоретических конструкций, которые выявлены теорией права применительно к национальному праву, отнюдь не всегда можно уложить то, что свойственно праву международному.

В силу сложившейся ситуации общие положения о сущности и специфике международного права стали предметом детального рассмотрения в рамках науки международного права. По сути дела, основополагающие работы Р.Л. Боброва, Г.В. Игнатенко, Д.Б. Левина, И.И. Лукашука, А.П. Мовчана, Г.И. Тункина, Д.И. Фельдмана, С.В. Черниченко, Е.Т. Усенко, Н.А. Ушакова и др. представляют собой не что иное, как общую теорию международного права. В работах, вышедших из-под их пера, предметом рассмотрения выступало международное право в целом, как специфическое правовое образование особого рода. Во главу угла при этом ставились вопросы сущности и социального назначения международного права, его предмета, субъектов и источников, соотношения с национальным правом, специфики международно-правового регулирования.

В последнее время подобные фундаментальные исследования в нашей науке стали редкостью. Ныне мало кто отваживается посмотреть на международное право *in corpore*, т.е. в целом, отыскать его суть и оценить как явление *sui generis*. У нас нет недостатка в работах специальных, в которых исследуются отдельные отрасли и разделы международного права или его обособленные узловые проблемы. Вне всякого сомнения, наука международного права пошла вглубь, детально исследуя специфику различных

международно-правовых институтов или вопросов кардинальных для сегодняшнего состояния международно-правового регулирования.

Однако при этом почти сошла на нет дискуссия о природе международного права как такового и путях его дальнейшего развития. В последние годы чаще всего можно встретить лишь с пространными рассуждениями о некоем кризисе международного права, который якобы чуть ли не ставит существование международного права под сомнение. Правда, далее общих мест с указанием на многочисленные нарушения норм международного права дело не идет. При этом никого почему-то не смущает, что многочисленные нарушения внутригосударственного права не дают повода ставить вопрос о его системном кризисе.

Г.М. Вельяминов, возрождая лучшие традиции отечественной науки международного права, предпринял оригинальную попытку посмотреть на современное состояние этого правового феномена. На гигантском полотне, нарисованном рукой мастера, тесно переплетаются вопросы доктрины права, философии, экономики, политологии, гуманитарного изменения права и политики. Рассмотрение вопросов международного права в тесной связи с национальным правом позволяет автору делать широкие обобщения относительно права вообще, вне связи с его делением на отдельные системы.

Монографию «Право национальное и международное» нельзя считать стоящей особняком в творчестве Г.М. Вельяминова. Фактически она представляет собой развитие тех исследований, которые были предприняты автором ранее в его широко известных работах².

² Мы имеем в виду монографии и статьи: Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. М., 2015; Вельяминов Г.М. Глобализация: правовые аспекты, успехи и перспективы // Вестник Дипломатической

Новая работа Г.М. Вельяминова интересна тем, что ней излагается оригинальная позиция автора по ряду ключевых вопросов международного права. Подача материала в монографии носит заостренно-полемический характер, автор как бы сам приглашает коллег к дискуссии. К тому же в предисловии «От автора» Г.М. Вельяминов выражает надежду на отклики и критические отзывы коллег.

Конечно, в монографии Г.М. Вельяминова, как во всяком фундаментальном научном труде, есть дискуссионные положения, и, соответственно, есть немало поводов включиться в полемику. Но отнюдь не с тем, чтобы опровергнуть или поставить под сомнение постулаты мастера, а с тем, чтобы принять участие в увлекательной дискуссии о сущности международного и национального права.

Объективное и субъективное международное право

К примеру, трудно согласиться с попыткой Г.М. Вельяминова объединить воедино объективное и субъективное право. В философском ключе — это, конечно, две стороны одной медали, точнее одно есть воплощение другого. Однако применительно к догме права должны быть разграничены само право и его реализация. Не случайно в правовой доктрине была изобретена и получила прописку конструкция правовой системы, позволяющая связать в одно целое собственно право, правопонимание и правоприменение.

В разных интерпретациях и под разными наименованиями (правовая система, правопорядок и т.д.) эта идея нашла широкое признание. Суть ее сводится к тому, что указанные

академии МИД России. Международное право. Сборник статей, посвященных 90-летию известного ученого в области международного права и дипломата О.Н. Хлестова / под общ. ред. А.А. Моисеева. М., 2013. С. 86–97; Вельяминов Г.М. Международное экономическое право и процесс. М., 2004 и др.

правовые феномены (т.е. само право, правопонимание и правоприменение) входят в состав права в широком смысле слова, но не сливаются с ним, а образуют его «превращения», или, иными словами, дают возможность рассматривать право не в статике, а в реальном воплощении — от зарождения (т.е. что обуславливает появление права), через конституирование (т.е. учреждение именно в качестве права), к реализации на практике.

Отвергая конструкцию правовой системы, Г.М. Вельяминов приходит в противоречие с п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, в котором установлено, что международные обязательства России в виде общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров входят в правовую систему России. Конечно, формулировка п. 4 ст. 15 не идеальна, ибо законодатель отдал на откуп доктрине определить, что представляет собой эта самая правовая система, каковы ее составляющие, их соотношение, взаимодействие и т.д. Но это — формула закона, и с этим необходимо считаться.

Рассуждения Г.М. Вельяминова приводят его к весьма парадоксальному выводу о том, что в международном праве объективным правом выступает лишь международный обычай, в то время как международный договор должен быть отнесен к субъективному праву. Правда, рассуждения Г.М. Вельяминова на этот счет не всегда последовательны.

На с. 49 он утверждает, что объективное международное право состоит из двух блоков 1) общепризнанных принципов и норм, а также общих принципов права; 2) международных конвенций. Однако уже на следующей странице Г.М. Вельяминов утверждает нечто иное. Он пишет, что в отличие от внутригосударственных правовых систем, включающих всеобъемлющий корпус объективного права, международное право сводится к: 1) международному обычаю

и 2) общим принципам права. Что же касается субъективного права, то оно выражается в международных конвенциях.

Но этого мало. Г.М. Вельяминов утверждает, что «у каждого государства свой собственный “набор” международных договоров» и, соответственно, «у каждого государства “свое” собственное международное право»³. Сюда же относятся рассуждения автора о «слабости» международного права, а также «малокровии» и «малоэффективности» международного права в сравнении с национальным⁴.

Казалось бы, рассуждения о некоей ущербности международного права, его слабости и неэффективности, игнорировании его положений некоторыми государствами более уместны для молодых ученых, еще не постигших глубины и сложности международно-правовой материи, нежели для маститого ученого. Впрочем, полагаем, что международное право не нуждается в адвокатах, ибо самой жизнью давно доказано, что существовать без международного права общество государств на нашей планете не может. Многочисленные случаи нарушения национального права почему-то не приводят к возникновению подозрений в его неэффективности. Почему к международному праву в этом отношении более строгие требования? Впрочем, каждый вправе самостоятельно интерпретировать роль и значение международного права.

В данном случае трудно согласиться с методологией, позволяющей Г.М. Вельяминову сравнивать международное право с национальным, выставляя последнее в виде некоего образца для международного права. Это разные феномены, действующие в разных социальных системах и имеющие несовпадающую регуляторную природу. Об этом

³ Вельяминов Г.М. Право национальное и международное. С. 53.

⁴ Там же. С. 50.

писал проф. Г.И. Тункин, подчеркивая, что подходить к международному праву «с мерками национального права было бы так же неверно, как считать, что международное право должно развиваться по тому пути, по которому шло развитие внутригосударственного права. Конечно, сравнение международного права и внутригосударственного допустимо и полезно, но при обязательном условии, что при этом не будет упускаться из виду, что они функционируют в разных социальных системах»⁵. В данном случае мы полностью солидарны с Г.И. Тункиным.

Нельзя согласиться и с утверждением Г.М. Вельямина о том, что международное право «принципиально публичное»⁶. По нашему мнению, международное право не является ни публичным, ни частным, оно — межгосударственное. Поскольку вовне государство выступает как институт, отражающий интересы соответствующего общества, государство может отстаивать в равной мере, как интерес публичный (т.е. собственно государственный), так и интересы принадлежащих ему частных лиц. Деление на публичное и частное возможно лишь применительно к национальному праву⁷.

Наконец, вызывает возражения тезис о том, что выражением субъективного права выступают международные конвенции и что у каждого государства свое международное право. Наши доводы сводятся к следующему.

⁵ Тункин Г.И. Понятие международного права // Курс международного права. В 7 т. Т. 1. Понятие, предмет и система международного права / отв. ред. Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин. М., 1989. С. 18.

⁶ Вельямин Г.М. Право национальное и международное. С. 49.

⁷ Подробнее см.: Бахин С.В. Международное и национальное право: соотношение правовой природы // Современное международное право: теория практика. Liber amicorum в честь профессора С.В. Черниченко / под ред. Б.М. Ашавского. М., 2015. С. 79–101.

Во-первых, довольно широко признанно, что современное международное право по преимуществу носит уже не обычный, а договорно-правовой характер. К сегодняшнему дню количество международных договоров, видимо, перевалило за сотни тысяч. Отчасти признает это и Г.М. Вельяминов, отмечая, что «подавляющая доля международных отношений регулируется не обычным международным правом, но конвенционным»⁸. Доля международного обычая в регламентации межгосударственных отношений неуклонно снижается по мере кодификации международного права. Как быть в этих условиях с утверждением Г.М. Вельяминова о том, что только обычай составляет объективное международное право?

Во-вторых, утверждая, что у каждого государства свой набор международных конвенций, Г.М. Вельяминов, по сути, отрицает за международным правом свойство системности и ставит под сомнение существование общего международного права. Между тем, международное право — это не «набор» конвенций, а сложноструктурированная система. Свойство системности придают ему основные принципы международного права, а также конвенции, кодифицирующие целые пласты международного права. Таких конвенций немало — это основополагающие соглашения по правам человека; гуманитарному праву; праву международных договоров; дипломатическому и консульскому праву; о запрете оружия массового уничтожения и его испытаний; морскому и космическому праву и т.д. Государство, конечно, может не присоединиться к какой-либо из этих конвенций, но по факту оно в этом случае ставит себя вне закона в соответствующей области международных отношений.

⁸ Вельяминов Г.М. Право национальное и международное. С. 53.

В-третьих, как быть со случаями, когда одна и та же норма для одних государств действует как норма международного договора, а для других — в качестве нормы международного обычая? Такое, как известно, случается в ситуациях, когда государство, формально не присоединяясь к международному договору, тем не менее признает отдельные его положения в качестве обязательных для себя.

Особняком стоит вопрос об основных принципах международного права — считать ли их договорно или обычно закрепленными? Как известно, они воплощены в положениях Устава ООН, а ст. 103 Устава предусматривает, что, если обязательства государств по Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по любому другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по Уставу. Более того, согласно ст. 2 Устава ООН эта организация обеспечивает, чтобы государства, не являющиеся членами ООН, действовали в соответствии с принципами, закрепленными в ст. 2, если это окажется необходимо для поддержания международного мира и безопасности. Следовательно, даже если государство не является членом ООН, для него будут действовать основополагающие положения Устава, ибо обеспечить можно только должное поведение.

В-четвертых, сам Г.М. Вельяминов, неоднократно ссылается на ст. 38 Статута Международного суда ООН, в которой говорится о том, в какой форме могут быть выражены нормы международного права, применяемые Судом. А в ст. 38 Статута международные договоры обозначены как источник международного права в равной мере с международным обычаем, да еще поставлены при этом на первое место.

Все изложенное выше позволяет, по крайней мере, усомниться в предложенном Г.М. Вельяминовым делением на объективное и субъективное международное право.

Соотношение международного и национального права

Из всего множества вопросов, которые имеют первостепенное значение для доктрины международного права и которые по-прежнему ждут своего разрешения, Г.М. Вельяминов выбрал один из самых сложных и, можно сказать, кардинальных — вопрос о соотношении национального и международного права, поставив его в центр своего исследования. Почему мы вправе считать этот вопрос узловым? Потому, что для ответа на него требуется ясное понимание того, что представляют собой национальное и международное право, каковы их границы, каким образом они взаимодействуют в процессе правового регулирования и т.д. К этому следует добавить, что этот вопрос имеет важную практическую составляющую, ибо от ответа на него зависит деятельность государств по сопряжению своего национального права с обязательствами по международному праву.

Вопрос этот архи сложен, международно-правовая наука многие столетия пытается дать на него внятный ответ, однако мало преуспела в этом. Бесплодные попытки разрешения рассматриваемой проблемы привели к формированию непримиримых и даже враждебных друг другу течений в науке, ожесточенным спорам, взаимным упрекам и бесконечному движению по кругу в смысле перетасовывания одних и тех же доводов. Позиции специалистов в данном вопросе разошлись столь кардинально, что превратились в, казалось бы, не имеющее конца и края противостояние специалистов, жаркие споры между которыми стали чем-то вроде визитной карточки доктрины международного права. В данном случае расхождения не в деталях, а в существе, ибо с неизбежностью приводят к необходимости ответить на вопрос, что же представляет собой такой феномен, как международное право, и как оно сочетается с системами национального права.

На этот счет имеется два противоположных подхода — дуалистический и монистический. Монизм и дуализм — не просто два варианта объяснения взаимоотношения национального и международного права, это две крайние точки спектра мнений по данному вопросу. По сути дела, это — Северный и Южный полюсы, противостоящие друг другу и, соответственно, не способные приблизиться друг к другу. Но дело отнюдь не только в теоретических разногласиях, ибо на соответствующих доктринальных построениях базируются позиции государств относительно своих обязательств по международному праву.

Формулируя общие закономерности относительно сопращения международного и национального права, Г.М. Вельяминов приходит к выводу о том, что в настоящее время в мире превалирует концепция монизма. Правда, рассуждения и выводы Г.М. Вельяминова на этот предмет в известной мере противоречивы.

Г.М. Вельяминов полагает, что дуалистическая концепция вышла из моды⁹, и рассматривается специалистами как архаично-неактуальная¹⁰. Заметим, что подобная постановка вопроса представляется нам довольно странной: неужели в научной дискуссии имеет значение довод о том, что та или иная концепция находится в тренде, является модной или имеет больше приверженцев? Думается, что поиск научной истины и мода — обстоятельства мало между собой совместимые, а количество приверженцев той или иной концепции не свидетельствует о ее истинности.

Одновременно Г.М. Вельяминов констатирует, что подлинного монизма в его классическом варианте ныне не существует. Под классическим (парамаунтным, верховенствующим) монизмом Г.М. Вельяминов понимает объединение

⁹ Вельяминов Г.М. Право национальное и международное. С. 56.

¹⁰ Там же. С. 55.

в одной общемировой правовой системе международного права и всех систем национального права на основе иерархического верховенства международного права¹¹. В реальности, как полагает Г.М. Вельяминов, существует лишь локальный монизм, т.е. множественность двуединых (парцелярных) систем, образованных каждая на базе конкретной национальной правовой системы с включением в ее состав также международного права¹².

Провозгласив существование парцелярного монизма, Г.М. Вельяминов тут же замечает, что в его рамках «парадоксально дуалистически (sic!) сохраняется качественная двойственность, „антагонизм” между (с одной стороны) международно-правовой частью национальной правовой системы со статусом автономности... и (с другой стороны) всей остальной частью системы, т.е. внутринациональным правопорядком»¹³.

Представляется, что схема, которую под вывеской «монизма» изображает Г.М. Вельяминов, очень похожа на описание самого настоящего дуализма. Косвенно признает это и сам Г.М. Вельяминов, указывая, что коллизии между нормами международных договоров и внутригосударственными нормами являются по сути дуалистическими¹⁴. В другом месте он замечает, что при ратификации международного договора имеет место акт дуалистического характера¹⁵. Наконец, он приходит к выводу, что «огосударствление» обычного международного права осуществляется в тех формах, которые использовались и ранее (надо полагать в период господства дуалистической концепции) без «вывески» монизма¹⁶.

¹¹ Там же. С. 57.

¹² Там же. С. 58.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 55–56.

¹⁵ Там же. С. 56–57.

¹⁶ Там же. С. 59.

Создается впечатление, что Г.М. Вельяминов стремится скрестить желаемое (т.е. парамаунтный монизм) с реально существующим положением дел, т.е. существующим по факту дуализмом. Но этого мало, парамаунтный монизм он пытается представить в виде некоего идеала, к которому надо стремиться. Так, по крайней мере, выглядят его рассуждения о «прогрессивно-желаемом» всеобщем едином правопорядке и реально существующем, но реакционном, множестве взаимозависимых правопорядков. Правда эти рассуждения Г.М. Вельяминов излагает со ссылкой на немецкого ученого Е. Кляйна, но из контекста явствует, что он разделяет подход немецкого коллеги.

Самое же удивительное в рассуждениях Г.М. Вельяминова то, что реализацию и монистического, и дуалистического подходов он видит не иначе, как через трансформацию норм международного права в нормы национального права. Концепция трансформации видится нам принципиальным моментом, и мы коснемся сути этой теории ниже.

Всемирный правовой полиморфизм

Во главу угла в монографии Г.М. Вельяминова поставлена концепция всемирного правового полиморфизма. Этот термин Г.М. Вельяминов вводит в научный оборот впервые. Под правовым полиморфизмом он понимает актуальное состояние общемирового правового пространства, т.е. множественность и многообразие суверенных национальных правовых систем¹⁷.

Если бы речь шла лишь о разнообразии форм, в которых воплощаются национальные правовые системы, то введение термина «полиморфизм» было бы вполне оправдано. Правовые системы различных государств — это и в самом

¹⁷ Вельяминов Г.М. Право национальное и международное. С. 87.

деле разновидности одного и того же принципиального явления — внутригосударственного права.

Однако Г.М. Вельяминов идет дальше и объявляет правомерными (т.е. входящими в понятие полиморфизма) и устанавливаемые в национальных правовых системах положения об их соотношении с международным правом. В этой части с рассуждениями Г.М. Вельяминова согласиться едва ли возможно. Соотношение национального и международного права не может быть многовариантно и определяться в каждом конкретном случае подходом того или иного государства. Вместо объективно существующего взаимоположения национального и международного права Г.М. Вельяминов предлагает «легализовать» субъективную оценку этого факта государствами.

При этом получается, что отыскивать реальное соотношение национального и международного права нет необходимости, ибо каждое государство вправе решить этот вопрос самостоятельно. Причем не просто определить это соотношение, но и действовать в соответствии со своим видением, т.е. присвоить международному праву то положение, которое данному государству выгодно. Такой субъективный подход к своим обязательствам по международному праву едва ли совместим с принципом *pacta sunt servanda*, предполагающим безусловность международных обязательств государств.

Согласно словарям иностранных слов, термин «полиморфизм» используется в биологии и ряде других естественных наук для обозначения разнообразия форм, в которых могут существовать объекты живой и неживой природы. Из контекста и смысла рассуждений Г.М. Вельяминова можно понять, что при использовании термина «полиморфизм» мы должны исходить из многообразия форм соотношения национального и международного права. Подобный подход

представляется, по крайней мере, странным. Реальное взаимоотношение двух социальных феноменов Г.М. Вельяминов предлагает заменить интерпретацией их соотношения, существующей в субъективном восприятии различных государств. Отказавшись от выявления объективной истины, Г.М. Вельяминов предлагает признать легальным любой подход, который тому или иному государству предпочтителен и соответствуют его геополитическим интересам.

Полиморфизм в интерпретации Г.М. Вельяминова превращается, по сути дела, в череду технологий, при помощи которых государства сопрягают свои национальные правовые системы с международным правом. Что и говорить, разницей в подходах государств к этому вопросу весьма значителен, но это вовсе не освобождает нашу науку от выяснения того, каково же реальное соотношение национального и международного права.

Правовая природа международного частного права

Интересно отметить, что в монографии Г.М. Вельяминова, посвященной международному публичному праву, целая глава отведена рассмотрению природы международного частного права (МЧП). В самом деле, МЧП — это частный случай соотношения национального и международного права.

Позиция Г.М. Вельяминова относительно МЧП хорошо известна, она была неоднократно изложена в ряде статей и монографий¹⁸. Согласно его подходу, МЧП по существу не международное, а внутригосударственное, и в каждом го-

¹⁸ См., например: Вельяминов Г.М. Международное частное право (понятие) и наука о транснациональных частнопровых отношениях // Современное международное частное право в России и Евросоюзе / под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. Кн. 1. М. : Норма, 2013. С. 25–66.

сударстве свое. Оно не только частное, но преимущественно публичное. Наконец, МЧП — это не самостоятельная отрасль права, а всего лишь правовой институт¹⁹.

Занимая подобную позицию, Г.М. Вельяминову, впрочем, как и другим сторонникам национальной природы МЧП, приходится дать объяснение тому непреложному факту, что помимо норм внутригосударственного происхождения существует значительное число международных договоров, заключенных с целью регламентации трансграничных частноправовых отношений. Другим весьма распространенным источником регулирования указанных отношений выступают международные торговые (коммерческие) обычаи. Естественно, что ни международные договоры, ни международный торговый обычай не являются частью национального права. Для объяснения данного феномена у приверженцев идеи о национальной природе МЧП существует палочка-выручалочка в виде так называемой концепции трансформации. Согласно данной теории, нормы, содержащиеся в международных договорах, трансформируются в нормы национального права и лишь в таком качестве применяются для регулирования соответствующих отношений. Правда при этом обходится молчанием вопрос, распространяется ли теория трансформации на международные коммерческие обычаи.

С концепцией Г.М. Вельяминова относительно правовой природы МЧП можно соглашаться или не соглашаться, она занимает свое особое место в широком спектре мнений относительно статуса МЧП. Вопрос о сущности МЧП столь сложен и обширен, что требует не беглого обсуждения *a propo*, а специального исследования. Посему мы не станем оспаривать весьма специфические суждения Г.М. Вельяминова о том, что МЧП — это исключительно национальное

¹⁹ Вельяминов Г.М. Право национальное и международное. С. 133.

право, оставив этот вопрос для другого удобного случая. Однако позволим себе поставить под сомнение один из тезисов, на которых базируется концепция автора, ибо он напрямую касается соотношения национального и международного права. Речь идет о теории трансформации.

Бросается в глаза, что рассуждения Г.М. Вельяминова на этот предмет несколько противоречивы. Во-первых, для обозначения рассматриваемого явления он использует два термина — «рецепция» и «трансформация», причем подчас как взаимозаменяемые, хотя понятия эти не идентичны. В другом случае, Г.М. Вельяминов утверждает, что с известными нюансами термин «трансформация» (преобразование) может быть заменен такими понятиями, как рецепция, инкорпорация, адаптация, признание²⁰.

Во-вторых, сам механизм трансформации в разных случаях Г.М. Вельяминов описывает по-разному. В главе, посвященной полиморфизму (гл. 2), он, подчеркивая, что международное право не может действовать на территории государства *proprio vigore*, т.е. своей собственной силой, указывает на необходимость специальной внутригосударственной процедуры, обычно нормотворческого акта, имплементирующего международно-правовые правила, т.е. превращающего их в интегральную часть соответствующего внутригосударственного правопорядка. Таким образом, международная норма преобразуется, превращаясь в норму внутригосударственную. Эта процедура и должна именоваться трансформацией²¹.

В главе, посвященной МЧП (гл. 4), механизм трансформации описывается иначе. По Г.М. Вельяминову в результате трансформации в национальном праве появляется новая норма, идентичная трансформируемой. Таким образом, в ре-

²⁰ Вельяминов Г.М. Право национальное и международное. С. 56.

²¹ Там же.

зультате трансформации будут действовать две идентичные нормы, но одна из них международно-правовая, а другая — национальная. «Если, — пишет Г.М. Вельяминов, — будучи реципированной в национальный правопорядок, норма регулирует отношения национальных субъектов права, то международно-правовая норма как таковая продолжает регулировать межгосударственные отношения».

Где именно находится эта рецепируемая норма во внутригосударственном праве, Г.М. Вельяминов умалчивает. Вообще сведения об этих вновь возникших нормах предельно лаконичны. Г.М. Вельяминов выделяет и подчеркивает лишь одно свойство этих новоявленных норм — они не могут быть произвольно изменены государствами единолично.

Относительно двойственной природы подобных норм Г.М. Вельяминов указывает: «...с одной стороны, они сохраняют все изначальные свойства норм международного права и к ним применимы все общие нормы (принципы) этого права; с другой стороны, они, будучи рецепированы в национальные правопорядки, действуют в качестве национальных норм, но норм “автономных”, “связанных”, иммунных... от произвольных изменений национальными властями²²».

Мы усматриваем в этих высказываниях явные противоречия. Либо в результате трансформации норма международного права превращается во внутригосударственную норму и сама при этом исчезает, либо параллельно с нормой международного права возникает идентичная ей национально-правовая норма. Одновременно оба варианта невозможны. Что касается автономности норм, возникших в результате трансформации, то указание на невозможность их изменения — не самый главный вопрос. Принципиальным

²² Там же. С. 140.

представляется другое: каким образом эти нормы должны толковаться в процессе правоприменения — как нормы национального или международного права?

В который раз с прискорбием приходится отмечать живучесть пресловутой теории трансформации. Уж сколько раз твердили миру... Надуманность этой концепции, казалось бы, самоочевидна: нельзя коня превратить в трепетную лань, да и лань едва ли может вдруг обернуться конем. Международное и внутригосударственное право, хотя и относятся к одному типу социальных явлений, едва ли являются общающимися сосудами, в которых содержимое может перетекать из одного в другое. Различия в предмете регулирования, порядке нормообразования, реализации, источниках, субъектах, способах интерпретации и т.д. явно свидетельствуют об этом.

Интересно заметить, что позиции сторонников теории трансформации не были поколеблены ни с появлением в Конституции РФ 1993 г. специального п. 4 ст. 15, ни с разработанной во исполнение данного положения законодательной базой. Ни в Конституции, ни в законодательстве РФ никакой трансформации норм международного права в нормы права РФ не предусмотрено. Напротив, в ст. 5 Закона РФ о международных договорах предусмотрено, что положения официально опубликованных международных договоров РФ, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в РФ непосредственно.

Казалось бы, данное положение вполне однозначно: самоисполнимые нормы международного договора РФ применяются к отношениям в пределах юрисдикции РФ непосредственно, т.е. без всякого превращения, адаптации или иного видоизменения. Иными словами, если норма международного договора сформулирована таким образом, что она может быть применена напрямую (т.е. без необходимости что-

нибудь уточнять, дополнять, адаптировать) к отношениям, которые осуществляются в пределах юрисдикции РФ, то эта норма будет применяться, невзирая на то, что она не является нормой российского права.

Нормы такого рода создаются государствами довольно часто, это нормы специфической группы международных договоров, получивших наименование договоров по унификации. Уже в момент создания таких международных договоров предполагается, что содержащиеся в них нормы будут применяться государствами — участниками такого договора для единой регламентации в какой-либо области отношений вместо разноречивых национальных норм. В этом назначение унификации права как таковой. Попытка превратить рассматриваемую норму в норму национального права лишило бы унификацию всякого смысла, ибо, обернувшись в норму национального права, такая норма подлежала бы толкованию уже как норма внутреннего права, т.е. как составная часть правовой системы того или иного государства.

Не случайно во многие международные договоры по унификации включено специальное положение, согласно которому, «при толковании настоящей Конвенции надлежит учитывать ее международный характер и необходимость действовать достижению единообразия в ее применении...». Казалось бы, данное положение содержит напоминание об обстоятельстве достаточно очевидном — конвенция международная и, следовательно, толковаться она должна именно как акт международного права. Однако разработчики вполне обоснованно опасались, что государства, привыкшие к тому, что отношения, осуществляемые в рамках их юрисдикции, регулируются национальным правом, станут и положения конвенций по унификации толковать по правилам интерпретации национального права. Посему, во избежание недоразумений и была сделана указанная оговорка.

Поскольку словосочетание «международный характер» в приведенной выше формуле выглядело недостаточно четким, позднее текст рассматриваемой нормы был уточнен и в заключенных позднее международных договорах по унификации принял следующий вид: «При толковании настоящей Конвенции учитываются ее объект и цели, указанные в преамбуле, ее международный характер и необходимость содействия единообразию при применении Конвенции...».

Толкованию в свете объекта и целей согласно ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (далее — Венская конвенция 1969 г.) подлежат положения международного договора. Следовательно, положения конвенций по унификации не могут быть превращены в нормы национального права. Все это достаточно очевидно, чтобы отмести теорию трансформации как не согласующуюся с логикой трактовки и применения международных договоров по унификации.

Но тут, конечно, есть нюанс. Следует согласиться с тем, что ни одна норма международного права не может действовать на территории государства *proprio vigore*, т.е. без согласия государства. Государство должно признать эту норму для себя обязательной. Вот тут и встает вопрос о том, каким образом это может быть осуществлено. Четкий и ясный ответ на этот вопрос дается в ст. 11 Венской конвенции 1969 г. В ней предусмотрено: «Согласие государства на обязательность для него договора может быть выражено подписанием договора, обменом документами, образующими договор, ратификацией договора, его принятием, утверждением, присоединением к нему или любым другим способом, о котором условились».

Заметим, что никакого превращения норм международного договора в нормы национального права при этом не предусматривается. Напротив, весь смысл права между-

народных договоров сводится к тому, что от государства, присоединившегося к международному договору, требуется лишь добросовестное исполнение принятых на себя обязательств. По большей части международное право не предопределяет вопроса о том, как именно государство будет это делать. Существуют государства, допускающие прямое действие норм международного права на своей территории, и тогда никаких проблем возникать не должно.

Если же государство отрицает возможность прямого действия норм международного права в сфере своего правопорядка, то перед ним встает довольно сложная задача точного исполнения своих международно-правовых обязательств, ибо превращение нормы международного права в норму национального права позволяет государству интерпретировать ее положения по собственному усмотрению, поскольку норму внутреннего права оно толкует самостоятельно, причем как составную часть своей правовой системы.

Для такого государства стало бы неразрешимой проблемой применение международного договора по унификации. Посему мы должны прийти к выводу, что указанные государства, присоединяясь к конвенциям по унификации, тем самым по факту (хотя бы и в виде изъятия из своей политики в данном вопросе) должны признавать прямое действие его норм в рамках своей юрисдикции.

Следует, однако, задаться вопросом: а касаются ли приведенные выше рассуждения лишь международных договоров по унификации? Логика приведенных аргументов свидетельствует, что и любой иной международный договор, содержащий самоисполнимые нормы, не может быть превращен в национально-правовой акт, ибо он потеряет в этом случае связь с породившей его и определяющей его природу правовой системой.

Между тем нормы национального и международного права не просто «прописаны» в том или ином правопорядке, они накрепко прикреплены к нему и вне его, т.е. в безвоздушном пространстве, существовать не могут. Хотя любые сравнения правовых явлений с миром органической природы весьма относительны, позволим себе уподобить идею о том, что норма международного права может быть перенесена из системы международного права в национальную правовую систему тому, как если бы мы попытались произрастающую в Сибири сосну выкопать и посадить где-нибудь в африканской Сахаре. Совершенно очевидно, что расти она там не будет и моментально завянет. Равным образом едва ли удастся операция с попыткой укоренить экваториальную пальму в районе вечной мерзлоты. Бесплодность подобных ботанических экзерсисов вполне очевидна.

По нашему глубокому убеждению, равным образом противоречит здравому смыслу и идея о возможности трансплантации правовых норм из системы международного права в национальное и наоборот. Подобно дереву правовая норма всеми своими корнями привязана к породившей его правовой системе, удалить ее из конкретного правопорядка означает не что иное, как лишить корней, которые обеспечивают ее существование.

Нам, конечно, могут возразить, что в сфере права существует такое явление, как рецепция, т.е. заимствование одним государством правоположений, действующих в другом государстве. Такое явление реально существует, однако оно принципиально отличается от трансплантации норм международного права в национальные правовые системы. При рецепции норма национального права одного государства копируется и используется в национальном праве другого. Природа национальных правопорядков в принципе идентична, посему рецепируемая норма переносится в сходную си-

стему координат. Правда, и в этом случае с неизбежностью возникают трудноразрешимые вопросы.

Во-первых, они будут касаться толкования и практики использования позаимствованной нормы. Мы имеем в виду, будет ли суд, применяющий рецепированную норму, ориентироваться на толкование и практику реализации, которые сложились применительно к данной норме в изначальном правовом порядке или будет вырабатывать собственную интерпретацию и порядок применения. В последнем случае мы должны вести речь не об имплементации нормы из другой правовой системы, а, по сути дела, о появлении новой нормы, созданной по образцу и подобию существующей в другом правовом порядке. Собственно говоря, рецепция в подавляющем большинстве случаев к этому и сводится.

Если же правоприменительные органы по новому «месту жительства» рецепированной нормы станут толковать и применять ее так, как она применяется в правовой системе, из которой она позаимствована, то перед нами возникает довольно парадоксальная ситуация. Получается, что эта норма, будучи перенесена в новую систему координат, живет и действует так, будто она по-прежнему остается в составе первичного правового порядка. Абсурдность подобной ситуации вполне очевидна.

Во-вторых, ни одна правовая норма не существует сама по себе, вне времени и пространства. Лишь для удобства ознакомления или изучения мы можем мысленно обособить ее от контекста, в котором она находится. В реальной жизни правовая норма — это не вещь в себе, а неотъемлемая составная часть нормативного акта, в который она включена, и правовой системы, к которой она относится. Она вплетена в жестко структурированную систему норм, многие из которых определяют сферу ее действия, порядок и условия применения, взаимоотношения с другими нормами и т.д.

Позволим себе вновь воспользоваться аналогией с объектами органической природы. Так, мы можем мысленно обособить от человеческого организма и размышлять о строении, функциях и работе сердца, почек, легких и т.д. Но в реальной жизни они без ущерба для человека изъяты и пересажены быть не могут. Они работают и живут лишь постольку, поскольку они связаны с другими органами и тканями человека и существуют в рамках единой системы человеческого организма. Если же орган или ткань пересаживаются другому человеку, то там им придется встраиваться в систему жизнедеятельности другого индивида, и они, включившись в иную систему координат, будут подчинены ему, т.е. будут жить, подчиняясь порядку функционирования нового организма.

Применительно к любой правовой норме с неизбежностью возникает вопрос о предмете ее регулирования, действии в пространстве, во времени и по кругу лиц. В отношении нормы международного права это всегда определяется не национальным, а международным правом.

Предмет регулирования международного договора согласовывается государствами в тексте самого договора, и ни одним из участников не может быть изменен в одностороннем порядке. Правда государство может индивидуально расширить сферу применения международного договора, распространив действие его положений на отношения, применительно к которым государства — участники использовать договор не предполагали. Однако такие односторонние действия, как правило, никак не затрагивают ни сам договор, ни других участников, т.к. другие государства не обязаны следовать этому расширительному толкованию, ибо оно осуществляется, собственно говоря, за пределами самого договора.

Действие норм международного договора в пространстве определяется положениями самого этого договора.

В международном договоре может не быть никаких специальных постановлений на этот счет, и тогда презюмируется, что положения договора распространяются на всю территорию государства, а если договор касается каких-то специальных территорий — на эти территории. Иногда в международном договоре участникам предоставляется возможность изъять из-под действия договора какие-либо территории, подпадающие под юрисдикцию государства. В данном случае государство лишь пользуется возможностью ограничить пространственную сферу применения договора, предусмотренную в самом договоре.

Действие международного договора во времени также определяется самим этим договором и соответствующими международно-правовыми установлениями. Вопросы вступления договора в силу, временного применения, денонсации договора и т.д. будут разрешаться не национальным законодательством, а установлениями самого договора вкупе с нормами права международных договоров.

Но самое главное это, конечно, толкование международного договора. Нормы международного договора должны толковаться не по правилам интерпретации внутригосударственных положений того или иного из его участников, а согласно положениям международного договора. Специальные установления на этот счет закреплены в ст. 31-33 Венской конвенции 1969 г.

Более того, международный договор во многих случаях не может толковаться как некая обособленная единица, существующая сама по себе. Довольно часто в международном праве встречаются случаи тесной связи между положениями нескольких международных договоров. Скажем, один договор заключается во исполнение другого, или в одном договоре содержатся прямые отсылки к другому договору²³.

²³ Подробнее см.: Бахин С.В., Игнатьев А.С. Международные договоры: коллизионное измерение // Закон. 2020. № 6. С. 34–44.

Но и это еще не все. Толкование международного договора предполагает, что он интерпретируется как часть системы международного права, а это значит, что при его толковании должны приниматься в расчет основные принципы международного права и другие императивные нормы международного права, относящиеся к сфере действия международного договора.

Таким образом, представление о том, что нормы международного договора при присоединении к нему государства превращаются в нормы национального права просто нелогично, ведь все их существование подчинено установлениям международного права, они действуют как часть международного права и из международного права, как системы норм, изъяты быть не могут.

Трансформация норм международного права в нормы национального права — это фикция. Посему в качестве декларации, ничего общего не имеющей с реальным положением дел, следует расценивать положения национальных конституций или иных национальных правовых актов некоторых государств, предусматривающие, что нормы международного права становятся частью национального права или национальной правовой системы. Записать можно, что угодно, бумага стерпит все, но к действительности это отношения не имеет.

Если суммировать все, изложенное выше, то с неизбежностью становится очевидной абсурдность теории трансформации в любой ее интерпретации — как превращения норм международного права в национальные, так и создания на основе международной нормы дублирующей нормы в национальном правовом порядке. Рассуждения об автономии таких норм ничем не подкреплены. А между тем с неизбежностью возникает вопрос: что же это за нормы национального права, которые по предмету регулирования, по действию

во времени и пространстве, относительно круга лиц, а также толкования подчинены не положениям национального права, а соответствующим международно-правовым установлениям? Ни в теории права, ни в судебной и арбитражной практике никогда даже не возникает вопроса о таких диковинных нормах, ибо в природе их нет и быть не может. Посему все выкладки относительно трансформации мы вынуждены признать сугубо умозрительными.

О всемирном праве и мировом правительстве

Пожалуй, самым неожиданным и даже революционным в работе Г.М. Вельяминова выглядит пассаж о мировом правительстве и всемирном праве. Правда, автор говорит об этом вскользь и явно не доводит свою мысль до конца. А это следовало бы сделать...

Казалось бы, обе эти идеи, т.е. как мирового правительства, так и всемирного права, давным-давно должны быть сданы в архив в связи с тем, что они просто-напросто лишены всякого смысла. Перья по этому поводу скрещивались неоднократно, но в целом рассуждения на эту тему были признаны утопией. О том, что такой вариант сожителства государств на нашей планете фантастичен, мимоходом замечает и сам Г.М. Вельяминов. Однако он тут же пускается обсуждать эту тему в сугубо практическом ключе. По сути, он выдвигает два взаимосвязанных тезиса. Первый сводится к констатации того, что *conditio sine qua non* появления всемирного права является создание всемирного государства. Согласно второму тезису, для создания всемирного государства требуется совсем немного: отказ четырех-пяти супердержав (а за ними всех остальных государств) от своего суверенитета в пользу мирового правительства.

Все рассуждения Г.М. Вельяминова об этом предмете уместаются в одном абзаце, занимающем едва ли полстраницы.

Однако эти полстраницы порождают огромное количество вопросов сущностного плана, от которых невозможно отмахнуться просто так. Ну, не случайно же Г.М. Вельяминов затеял разговор на эту тему. Нет, в монографии мэтра не может быть ничего случайного. Попробуем расставить некоторые точки над «і».

Во-первых, хотелось бы знать, что это за четыре-пять супердержав, за которыми непременно должны последовать все остальные государства? Если судить по количественному критерию, речь, вероятно, может идти о пяти постоянных членах Совета Безопасности ООН.

Действительно, в соответствии со ст. 24 Устава ООН, государства — члены ООН «возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и соглашаются в том, что при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности, Совет Безопасности действует от их имени». Статья 25 Устава ООН предусматривает, что члены ООН «соглашаются, в соответствии с настоящим Уставом, подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их». Таким образом, чисто гипотетически Совет Безопасности мог бы принять решение о том, что для поддержания международного мира и безопасности требуется отказ государств от принадлежащего им суверенитета. Другой вопрос, есть ли подобное право у Совета Безопасности? Полагаем, что это весьма сомнительно, учитывая значение и статус такого свойства как суверенитет.

Однако в главе V Устава ООН речь идет о полномочиях Совета Безопасности в целом, а не об обязательности решений его постоянных членов. Членов Совета Безопасности не четыре-пять, а пятнадцать, посему надо полагать, что Г.М. Вельяминов имеет в виду какой-то другой вариант.

Использование неюридического, спорного и весьма обтекаемого термина «супердержава» позволяет предполо-

жить, что речь может идти о неформальном объединении под наименованием G7. Этот формат интересен тем, что в числе его участников — три государства из числа постоянных членов Совета Безопасности (Великобритания, США, Франция). Два государства исторически не могли войти в состав Совбеза ООН, т.к. были признаны агрессорами в период второй мировой войны (Германия, Япония). И, наконец, к этим пяти государствам примыкают Италия и Канада.

Таким образом, в этом ареопаге нет ни России, ни Китая, ни Индии, ни Бразилии, ни целого ряда других ведущих мировых держав, которые могли бы, хотя бы в чисто условном ключе, быть зачислены в «супердержавы». К тому же членом G7 никто не избирал, не назначал и не уполномочивал определять судьбы человечества. Решения G7 не обязательны даже для его участников, не говоря уже обо всех других государствах. И наконец, их не четыре-пять, а проф. Г.М. Вельяминов едва ли мог ошибиться в расчетах. Посему читатель так и остается в неведении относительно того, как же именно будут отбираться (назначаться, избираться?) эти 4-5 государств, отказ которых от своего суверенитета должен дать старт к массовому отказу от суверенитета всех остальных государств.

Во-вторых, даже если предположить, что все или некоторые из указанных выше государств согласованно решат отказаться от своего суверенитета в пользу мирового правительства, то с неизбежностью возникает вопрос: связывает ли это каким-либо образом все другие государства планеты? Представляется, что ни одно государство в здравом уме и твердой памяти ни под каким предлогом не станет отказываться от принадлежащего ему суверенитета. Но даже если предположить, что какая-то часть государств все же пойдет на такой шаг, как быть с теми, кто этого не захочет? Возможно ли в этом случае принуждение в отношении тех

государств, которые отказываться от своего суверенитета не пожелают?

В-третьих, для того, чтобы отказаться от суверенитета в пользу мирового правительства, такое правительство должно быть изначально создано. В самом деле, не станут же государства отказываться от суверенитета в пользу гипотетически неизвестно кем и когда созданного в будущем правительства. Следовательно, первоначально должно быть сформировано это самое мировое правительство, а уже потом ему можно будет передавать свои суверенные права.

Но тут возникает кардинальный вопрос — о принципах и механизмах формирования мирового правительства. Если принять во внимание опыт создания и функционирования так называемых «наднациональных органов» в некоторых интеграционных объединениях или безуспешные попытки расширить состав постоянных членов Совета Безопасности ООН, можно с уверенностью предположить, что на этом пути возникнут труднопреодолимые разногласия.

Однако самый интересный пункт в этой программе — это собственно отказ государств от своего суверенитета. Если учесть, что все нынешнее миростроительство на планете базируется именно на суверенитете государств, интересно было бы посмотреть, что произойдет, если он будет отменен. Означает ли это, к примеру, что вопросы территории будут решаться мировым правительством без согласия государств?

Поскольку взаимных претензий относительно территориальных переделов к настоящему времени скопилось великое множество, будет даже любопытно посмотреть, как с ними справится мировое правительство. Можно даже не гадать по этому поводу, а живо представить себе, как потекут реки крови в результате вполне «благих» территориальных размежеваний под эгидой мирового правительства.

История демонстрирует нам здесь замечательные образцы «нарезки» территорий международными чиновниками, водившими пальцем по географической карте.

Еще интереснее, чем с территорией, окажется вопрос с населением. Неужели многолетние кровопролитные национальные, этнические и религиозные конфликты, которыми буквально кишит наша планета, мудрецы из мирового правительства смогут разрешить одним росчерком пера?

Но, пожалуй, самым захватывающим может оказаться сюжет с природными ресурсами, которыми, как известно, государства на нашей планете владеют неравномерно. Будет ли мировое правительство обладать полномочиями перераспределять природные богатства (нефть, алмазы, золото, уран и т.д.) в пользу тех стран, недра которых не столь щедры, как у их ближних соседей или дальних заинтересованных доброжелателей?

Сдается, что именно тут и зарыта собака в планах прожектеров относительно учреждения мирового правительства. Природные богатства не безграничны, и за доступ к ним (прямой или косвенный) давно идет, как открытая, так и подковерная борьба. Более того, в число ресурсов, за доступ к которым или обладание которыми началась смертельная схватка, ныне нужно включить чистую питьевую воду, пахотные земли, лесные массивы, водные территории, торговые пути и иные ресурсы жизнеобеспечения.

Надо полагать, что мировое правительство как глобальный проект перекройки мироустройства задуман именно с тем, чтобы получить легальное право распоряжаться всем этим овеществленным капиталом. Но помимо овеществленного существует еще информационный и интеллектуальный капитал, финансовые и инвестиционные ресурсы, виртуальная экономика, разработки в сфере искусственного интеллекта и т.д. Возникает вполне естественное желание, если

не прибрать все это к рукам, то, по крайней мере, получить возможность распоряжаться всем этим. Не видеть этого и не отдавать себе в этом отчет сегодня уже невозможно.

Правда, нам могут возразить, что мировое правительство де-факто уже давно существует, правда тайно, ибо во избежание негативной реакции не спешит афишировать свою деятельность. Тем не менее сведения о деятельности засекреченного мирового правительства периодически просачиваются в средства массовой информации в виде информации о решениях Бельдельбергского клуба, кланов Ротшильдов и Рокфеллеров, а также иных теневых структур. Несомненно, существуют некие тайные рычаги (экономические, политические, дипломатические и т.д.), которые позволяют вполне успешно осуществлять завуалированное дирижирование многими мировыми процессами²⁴.

Однако Г.М. Вельяминов явно имеет в виду не эту закулисную деятельность, а реальное появление мирового правительства. Насколько реалистичен такой сценарий развития мировых событий? В этом вопросе Г.М. Вельяминов занимает двойственную позицию. С одной стороны, он указывает, что на сегодня подобное выглядит фантастично. Между тем чуть ниже следует пассаж совершенно противоположного рода: «Но в жизни прогресс почти во всех областях науки, технологий, политологии и т.п. последние полвека идет столь же фантастичными темпами...»²⁵.

Ставя в конце приведенной фразы многоточие, автор тем самым как бы дает понять, что он ничего не исключает, в том числе и реализации фантастичного сценария с появлением мирового правительства.

²⁴ Форд Э. Опасная игра Путина. Между Ротшильдами и Рокфеллерами / пер. с англ. М., 2015.

²⁵ Вельяминов Г.М. Право национальное и международное. С. 72.

Конечно, в научном плане вполне правомерно рассматривать любые проекты мироустройства на нашей планете. Наверно это даже полезно — посмотреть имеются ли какие-либо альтернативные варианты существующему миропорядку. Однако, как представляется, затеяв этот разговор, автору следовало довести свои рассуждения до конца, а не оставлять читателя в недоумении, и уж во всяком случае высказать свою внятную оценку рассматриваемого преобразования.

* * *

К сожалению, у нас нет возможности рассмотреть монографию Г.М. Вельяминова *ab ovo usque ad mala*, но мы и не ставили перед собой такой задачи. Мы избрали для рассмотрения лишь те аспекты воззрений уважаемого коллеги, которые привлекли наше внимание и которые кажутся нам важными. Предпринятый нами анализ показывает, сколь сложные вопросы отобрал Г.М. Вельяминов для рассмотрения в своей монографии. Совершенно очевидно, что они не имеют прямого и однозначного решения.

Г.М. Вельяминов занял уязвимую позицию — предлагая обобщенный взгляд на международное право в целом, он вынужденно оставляет в стороне детали, ибо они могут лишь смазать общую картину. Более того, критиковать, как известно, всегда проще, нежели дать собственную непротиворечивую картину.

То, что некоторые из положений, выдвигаемых Г.М. Вельяминовым, могут быть признаны неоднозначными и вызвать споры, нас ничуть не смущает. Наоборот, то, что Г.М. Вельяминов предлагает посмотреть на некоторые устоявшиеся положения нашей науки с нетрадиционной точки зрения, как раз и привлекает в его работе.

С неизбежностью возникает вопрос: кто из современных специалистов в области международного права готов был бы

вот так — с открытым забралом — пуститься давать обзор всего международного права в целом, представить общий взгляд на его сегодняшнее состояние? Думается, что таких найдется мало: сейчас не время энциклопедистов.

Но главное не в этом. Представляется, что профессор Г.М. Вельяминов своей книгой вносит вклад в реинкарнацию общей теории международного права. Думается, что дискуссия о краеугольных постулатах нашей науки давно назрела, и книга Г.М. Вельяминова хороший предлог для начала такой дискуссии.

Бирюков Павел Николаевич,
проф., д-р юрид. наук,
Воронежский государственный университет

Регулирование цифровых валют в Швейцарии

Долгое время в Швейцарии цифровая валюта (далее — ЦВ, криптовалюта) рассматривалась либо как активы, либо как вид собственности (М. Эгген, А. Маркус, Ф. Туверин, Р. Вебер)¹. При этом центральное место в дискуссии о классификации токенов и оценке того, как они могут быть переданы, занимало право собственности на информацию (Х. Кроун, А. Нараян, Д. Бонно, Е. Фэлтен, А. Миллер, С. Голдфедер)². Действующее до 2020 года законодательство Швейцарии не предусматривало права собственности на криптовалюты.

¹ См.: Eggen M. Verträge über digitale Währungen: Eine privatrechtliche Qualifikation von Rechtsgeschäften in oder mit digitalen Währungen // Jusletter. 2017. 4 Dec.; Markus A.R. Internationales Zivilprozessrecht. Bern : Stämpfli, 2014; Weber R.H. Überblick über die rechtlichen Rahmenbedingungen für webbasierte und mobile Zahlungssysteme // Thouvenin F. Rechtliche Herausforderungen durch webbasierte und mobile Zahlungssysteme. Zurich : Schulthess, 2015. S. 5–38 n lh.

² См.: Bitcoin and Cryptocurrency Technologies: A Comprehensive Introduction / A. Narayan, J. Bonneau, E. Felten, A. Miller, S. Goldfeder. Princeton : Princeton University Press, 2016; Token in der Blockchain — privatrechtliche Aspekte der Distributed Ledger Technologie / H.C. Von der Crone, F.J. Kessler, L. Angstmann // Schweizerische Juristen-Zeitung. 2018. № 14. S. 337–345.

Однако различные правовые институты могли придавать криптовалютам статус имущества *sui generis*³. Так, по мнению Ю. Бенхам и Л. Тран, закон о защите данных⁴ предоставлял обладателям субъективные права, близкие к праву собственности⁵. М. Мюллер-Хен и Л. Видмер утверждали, что при определенных условиях антимонопольное законодательство обеспечивает защиту «информационным правам» (наряду с правом интеллектуальной собственности)⁶. С. Мейер, Б. Шлаппи, Р. Ведер подчеркивали, что смарт-контракты могут использоваться для присвоения цифровым активам статуса особого вида имущества⁷.

Х. Рей и А. Шнадер полагают возможным при наличии ущерба, вины и причинно-следственной связи применять также нормы деликтного права⁸. Последние предоставляют цифровым данным статус, аналогичный статусу движимого имущества. Более того, некоторые авторы утверждали, что правила владения движимым имуществом согласно

³ См.: Thouvenin F., Weber R.H. Zum Bedarf nach einem Dateneigentum // Jusletter IT of 11 December 2017; Weber R.H., Thouvenin F. Dateneigentum und Datenzugangsrechte — Bausteine der Informationsgesellschaft? // Zeitschrift für Schweizerisches Recht. 2018. № 1. S. 49 (43–74).

⁴ Federal Act on Data Protection. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1993/1945_1945_1945/en

⁵ См.: Benhamou Y., Tran L. Circulation des biens numériques: de la commercialisation à la portabilité // Swiss Interbank Clearing (sic!). 2016. № 11. P. 572–573 (571–591); Thouvenin F. Wem gehören meine Daten? Zu Sinn und Nutzen einer Erweiterung des Eigentumsbegriffs // Schweizerische Juristen-Zeitung. 2017. № 113. S. 22–23 (21–32).

⁶ См.: Müller-Chen M., Widmer L. (eds.). Zürcher Kommentar Bundesgesetz über das Internationale Privatrecht. 3rd ed. Zurich : Schulthess, 2018.

⁷ См.: Meyer S.D., Schluppi B. “Smart Contracts” und deren Einordnung in das schweizerische Vertragsrecht // Recht. 2017. № 3. S. 204–224; Weber R. Smart Contracts: Vertrags- und verfügungsrechtlicher Regelungsbedarf? // Swiss Interbank Clearing (sic!). 2018. № 6. S. 291–301.

⁸ См.: Rey H. Ausservertragliches Haftpflichtrecht. Zürich : Schulthess, 2008; Schnyder A.K. Haftpflichtrecht. Zürich : Universität Zürich, 2012.

ст. 713 и след. ГК Швейцарии⁹ должны применяться к цифровым данным; поэтому обязательства, вытекающие из этого права, обеспечивают им защиту¹⁰.

Вместе с тем Г. Фрëлих-Блейтер, Д. Хюрлих, Х. Цех, напротив, утверждают, что правила владения собственностью не применимы к цифровым данным¹¹. Как указывают Ю. Шмид, Б. Хюрлиман-Коп, по законодательству понятие собственности охватывает только трехмерные, физически материальные объекты¹². Однако согласно ст. 713 ГК Швейцарии владение движимым имуществом относится также к имуществу, к которому нормы о праве собственности применяются по аналогии.

Вопрос о том, пришло ли время для создания концепции общего владения данными, до сих пор является предметом споров — подчеркивают А. Фрю, А. Ломбард¹³. Однако, указывают они, сегодня преобладает мнение об отсутствии необходимости в закреплении в ГК специального права на владение цифровыми данными. Вместе с тем ряд авторов (в частности, Р. Вебер, Ф. Тоувенин) полагают, что введение права собственности на указанные объекты не только не решит имеющихся проблем, но и создаст новые¹⁴.

⁹ Swiss Civil Code. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/24/233_245_233/en

¹⁰ См.: Eckert M. Digitale Daten als Wirtschaftsgut: digitale Daten als Sache // Schweizerische Juristen-Zeitung. 2016. № 10 (112). P. 245.

¹¹ См. также: Fröhlich-Bleuler G. Eigentum an Daten? // Jusletter of 6 March 2017; Hürlimann D., Zech H. Rechte an Daten // Sui-generis (Switzerland). 2016. S. 89–95 и др.

¹² См.: Rey H. Die Grundlagen des Sachenrechts und das Eigentum. 3rd ed. Bern : Stämpfli, 2007. S. 66, 81; Schmid J., Hürlimann-Kaup B. Sachenrecht. 5th ed. Zurich : Schulthess, 2017. S. 7.

¹³ Thouvenin F., Früh A., Lombard A. Eigentum an Sachdaten: Eine Standortbestimmung // Schweizerische Zeitschrift für Wirtschafts- und Finanzmarktrecht. 2017. № 1. S. 34 (25–34).

¹⁴ См.: Weber R.H., Thouvenin F. Rechtliche Herausforderungen durch webbasierte und mobile Zahlungssysteme. Zurich : Schulthess, 2018. S. 115–160.

Б. Сейлер и Д. Сейлер продолжают утверждать, что никакие права *in rem* не могут существовать *de lege lata* в отношении данных¹⁵. Токены классифицируются ими как вид движимого имущества, распоряжение которым может осуществляться исключительно с использованием блокчейна в электронном реестре. М. Симмлер, С. Селман и Д. Бюргермайстер, напротив, полагают, что полная открытость может быть достигнута только через публичные реестры, чего технология блокчейна не может обеспечить¹⁶. Следовательно, элемент материальности продолжает оставаться центральным для существующих объектов права собственности. Он не может быть применен к токенам, поскольку они не являются «физическим имуществом».

Как видим, палитра мнений в швейцарской науке чрезвычайно разнообразна и не могла служить ориентиром для практики, которая развивалась разнонаправленно. Поэтому в 2018 году правительство Швейцарии подготовило Отчет «Правовая основа для технологии распределенного электронного реестра в Швейцарии»¹⁷. Согласно указанному документу, распоряжение цифровыми активами и их обмен на фиатные деньги являются законными. Платформы виртуальных валют считаются финансовыми учреждениями; их приравнивали по статусу к биржам. В силу изложенного они должны соответствовать правилам противодействия легализации преступных доходов, и финансированию терро-

¹⁵ См.: Seiler B., Seiler D. Sind Kryptowährungen wie Bitcoin (BTC), Ethereum (ETH) und Ripple (XRP) als Sachen im Sinne des ZGB zu behandeln? // *Sui generis* (Switzerland). 2018. S. 149–163.

¹⁶ См.: *Beschlagnahme von Kryptowährungen im Strafverfahren* / M. Simmler, S. Selman, D. Burgermeister // *Aktuelle Juristische Praxis*. 2018. № 8. S. 963–978.

¹⁷ *Legal framework for distributed ledger technology and blockchain in Switzerland. An overview with a focus on the financial sector*. URL: <https://www.perma.cc/9QYD-BRRB/>

ризма, а также нормам защите прав потребителей. Иными словами, цифровые активы признали-таки имуществом.

В Отчете отмечались и вопросы, требующие решения на законодательном уровне. В их числе: наследование цифровых активов, статус цифровых валют при банкротстве, налогообложение криптовалют и доходов со сделок.

Некоторые из них получили нормативное закрепление в течение двух последующих лет. Так, новый закон о защите данных предусмотрел возможные варианты наследования цифровых активов¹⁸. В соответствии с изменениями в закон о банкротстве¹⁹ токены стали включаться в конкурсную массу. Федеральная налоговая служба Швейцарии²⁰ считает криптовалюты финансовыми активами: теперь они облагаются налогом на имущество. Доходы от операций с цифровой валютой и прирост капитала в крипте должны декларироваться в налоговых декларациях ежегодно.

С 2018 года Рабочая группа по ICO правительства Швейцарии начала выпускать «Руководства», направленные на установление деловой практики в отношении криптовалют²¹.

В свою очередь, Швейцарская служба по надзору за финансовыми рынками²² (далее FINMA) опубликовала набор «Руководящих принципов», в которых определялся порядок применения законодательства к предложениям цифровых

¹⁸ The Federal Act on Total Revision of the Federal Act on Data Protection and amendment of other enactments on data protection. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1993/1945_1945_1945/en

¹⁹ Bundesgesetz über Schuldbetreibung und Konkurs. URL: <https://perma.cc/743L-VGTB>

²⁰ SFTA // <https://www.estv.admin.ch/estv/en/home.html>

²¹ URL: <https://www.admin.ch/gov/en/start/documentation/media-releases.msg-id-72001.html>; <https://www.newsd.admin.ch/newsd/message/attachments/55153.pdf> и др.

²² Swiss Financial Market Supervisory Authority. URL: <https://www.finma.ch/en>

активов в различных областях — от банковского дела до торговли ценными бумагами и схем коллективного инвестирования.

В 2019 году правительство Швейцарии решило подтвердить законность обмена криптовалют, направив заинтересованным лицам информацию о подготовке закона по развитию технологий блокчейна²³. Последовало активное публичное обсуждение проекта, которое завершилось в сентябре 2020 года. В итоге федеральный парламент издал Закон «О принятии федерального закона к изменениям в технологии распределенного электронного реестра»²⁴ (далее «Закон о блокчейне»).

Часть норм Закона о блокчейне вступила в силу в 2020 году, для других норм были необходимы имплементационные документы, которые принимались в течение последующих месяцев. Летом 2021 года закон вступил в силу в полном объеме.

Закон о блокчейне содержал поправки к нескольким гражданско-правовым законам. Новеллы, в частности: а) позволяли выпускать ценные бумаги на основе Реестра, представленного в блокчейне (Registerwertrecht); б) определяли правовую основу торговли правами, содержащимися в электронных реестрах; в) устанавливали правила раздела цифровых активов в случае банкротства; г) вводили новую категорию лицензий для торговли объектами с технологиями блокчейна.

Таким образом, Закон установил базовые правила для эмиссии криптовалют и их обмена на фиатные деньги.

²³ Botschaft zum Bundesgesetz zur Anpassung des Bundesrechts an Entwicklungen der Technik verteilter elektronischer Register. URL: <https://perma.cc/QH5S-EE9A>

²⁴ Bundesgesetz zur Anpassung des Bundesrechts an Entwicklungen der Technik verteilter elektronischer Register. URL: <https://perma.cc/P9EC-PTUV>

Закон о блокчейне ввел в Кодекс об обязательствах²⁵ (далее КО²⁶) новую категорию ценных бумаг — бумаги на основе Реестра. Токены теперь классифицируются как нематериальные активы. Права на ценные бумаги такого рода возникают лишь тогда, когда внесены в реестр.

Поскольку Закон о блокчейне регулирует передачу прав с помощью цифровых регистров, в КО изменены ст. 622, 973с и 973d, которые описывают характеристики Реестра. При этом технические детали реестра не регламентированы; закон носит рамочный характер.

На основании п. 1 ст. 622 КО «акции на основе реестра» теперь могут выпускаться в виде ценных бумаг. В учредительном договоре или уставе организации может быть указано, что они выпускаются как бездокументарные ценные бумаги в соответствии со ст. 973с или 973d.

Согласно п. 1 ст. 973с КО, эмитент²⁷ ведет реестр выпущенных им прав на ценные бумаги, в котором указываются количество и наименование выпущенных прав и кредиторы.

В п. 1 ст. 973d КО «блокчейновская» ценная бумага определяется как «право, которое по соглашению сторон регистрируется в реестре ценных бумаг на основе реестра и может быть заявлено и передано только через этот реестр». Этот реестр должен отвечать следующим требованиям: а) он должен давать владельцам право распоряжаться своими активами посредством электронного процесса; б) его целостность защищается техническими и организационными мерами; в) функционирование реестра, содержание прав,

²⁵ Bundesgesetz betreffend die Ergänzung des Schweizerischen Zivilgesetzbuches (Fünfter Teil: Obligationenrecht) vom 30. März 1911 (Stand am 1. Februar 2021), Obligationenrecht, OR. URL: <https://perma.cc/53AV-V26X>

²⁶ Кодекс об обязательствах выполняет роль Части Пятой ГК Швейцарии.

²⁷ В законе указано понятие «der Schuldner», который дословно переводится как «должник», т.е. «обязанное лицо» в российских терминах.

фиксируются в соглашении о создании реестра и в самом Реестре.

В п. 2 ст. 973d КО закреплено положение, согласно которому кредиторы могут получать доступ к информации и регистрировать записи, которые касаются их интересов. Они также могут проверять правильность Реестра без участия третьих лиц. В то же время должники по реестровым ценным бумагам обязаны предоставлять исполнение только кредитору, который включен в Реестр (п. 1 ст. 973e КО). Добросовестный покупатель может полагаться на содержание Реестра без дополнительных проверок указанных в них сведений (п. 3 ст. 973e). Передача «блокчейновской» ценной бумаги регулируется условиями соглашения о реестре (п. 1 ст. 973f).

Эмитент обязан предоставлять потенциальным покупателям информацию о содержании «реестрового» права, а также о правилах его функционирования. Эмитент несет ответственность за любой ущерб, понесенный из-за неверной или вводящей в заблуждение информации либо сведений, не соответствующих требованиям закона. При этом действия/соглашения, ограничивающие или исключающие ответственность эмитента, недействительны (ст. 973i КО).

Закон о блокчейне вводит специальные правила обращения с цифровыми активами в процедуру банкротства. В случае, если владелец имеет исключительные полномочия по распоряжению такими активами, в конкурсной массе они должны выделяться отдельно. Вводится правило о контроле в тех случаях, когда должник имеет активы, доступные для управления третьему лицу, либо они могут быть переданы нескольким лицам, либо их часть/доля принадлежит третьему лицу (ст. 242a закона о банкротстве в ред. 2020 г.). Введено дополнительное положение, предусматривающее разделение криптоактивов в конкурсной массе, в отноше-

нии которых бенефициар может иметь специальные права (ст. 242b закона о банкротстве в ред. 2020 г.).

Был также изменен Закон об инфраструктуре финансового рынка²⁸ (далее ЗоФР). Теперь он включает операторов систем блокчейна в перечень «участников финансового рынка». Ценные бумаги, основанные на Реестре, включены в перечень «ценных бумаг» (ст. 2а, 2b закона в ред. 2020 г.). С момента вступления изменений в силу закона, прежде чем профессиональные участники финансового рынка смогут начать операции с цифровыми активами, они должны получить разрешение регулятора — FINMA.

Блокчейн в ЗоФР определяется как структура «многосторонней торговли ценными бумагами распределенного Реестра, целью которого является одновременный обмен заявками между несколькими участниками и заключение контрактов на основе недискреционных правил» (п. 1 ст. 4). Согласно ЗоФР, система должна удовлетворять следующим требованиям:

- 1) допуск участников к торгам осуществляется в соответствии с п. 1 ст. 73с ЗоФР;
- 2) организация по хранению реестровых ценных бумаг функционирует на основе единых правил и процедур;
- 3) расчеты по сделкам с ценными бумагами выполняются на основе единых правил и процедур (ст. 73а ЗоФР).

Согласно ст. 73b ЗоФР требования к торговым площадкам блокчейновских ценных бумаг распространяются на: а) саморегулирование (ст. 27); б) организацию торговли (ст. 28); в) прозрачность до и после торговли (ст. 29); г) обеспечение упорядоченной торговли (ст. 30); д) надзор за торговлей (ст. 31); е) сотрудничество между органами надзора

²⁸ Federal Act on Financial Market Infrastructures and Market Conduct in Securities and Derivatives Trading (FinMIA). URL: <https://perma.cc/NPW3-TAN6>

за торговлей (ст. 32); ж) прекращение торгов (ст. 33 п. 2); з) компетенцию Апелляционного органа (ст. 37).

Статья 73с ЗоФР определяет допуск участников к системе закона и их обязанности. В качестве участников торговли блокчейновскими ценными бумагами могут быть допущены:

а) организации, работающие с ценными бумагами (ст. 41 закона о финансовых учреждениях — ЗоФУ²⁹);

б) иные лица, находящиеся под надзором FINMA в соответствии со статьей 3 закона о сообществах по надзору на финансовых рынках — FINMAG³⁰, а также лица, находящиеся под надзором иностранного регулятора, при условии, что блокчейновская система гарантирует, что они соответствуют тем же техническим и эксплуатационным требованиям, что и фирмы, работающие с ценными бумагами;

в) Швейцарский национальный банк;

г) Банк международных расчетов;

д) другие физические и юридические лица при условии, что они заявляют об участии в торговых операциях от своего имени и за свой счет.

Швейцарские участники должны предоставить FINMA всю информацию и документы, необходимые для выполнения своих функций. Положения об обязанности регистрации (ст. 38) и обязанности отчетности (ст. 39) также применяются к участникам торговой системы. Правительство регулирует детали приема, а также обязанности и исключение участников.

Торговые системы с небольшими объемами ценных бумаг могут быть освобождены от выполнения некоторых требований, если риск для финансовой стабильности и участников финансового рынка невелик. Правительство

²⁹ Federal Act on Financial Institutions. URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2018/801/en>

³⁰ Bundesgesetz über die Eidgenössische Finanzmarktaufsicht. URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2008/736/de>

Швейцарии уполномочено определять пороговые значения (ст. 73f ЗоФУ).

Помимо прочего, Закон о блокчейне предусматривает несколько поправок в другие законы. Так, в Закон о банках и сберкассах³¹ внесены поправки (ст. 1b, п. 1 и 4 (d), ст. 4sexies; ст. 16, п. 1bis; ст. 37d) для расширения лицензии FinTech³² и поправок в связи с новыми нормами закона о банкротстве.

Лицензия FinTech позволяет учреждениям принимать общественные депозиты на сумму до 100 млн швейцарских франков при условии, что они не инвестируются и по ним не выплачиваются проценты. Еще одно требование (ст. 1b Закона о банках) состоит в том, что организация с FinTech лицензией должно быть компанией с ограниченной ответственностью, либо публичной корпорацией. Она должна иметь свой офис и вести коммерческую деятельность в Швейцарии.

В Швейцарии за выдачу лицензии FinTech отвечает FINMA. После получения заявок на лицензию FINMA оценивает, требуется ли лицензия для предполагаемой коммерческой деятельности и возможна ли она. Заинтересованные стороны перед подачей заявки также могут представить в FINMA свой проект. После получения заявки FINMA информирует заявителя о том, какой сотрудник отвечает за процедуру лицензирования и нужно ли предоставить дополнительную информацию либо документы. FINMA может запросить у заявителя отчет об аудите в рамках процедуры лицензирования.

В Закон о финансовых услугах³³ внесены поправки, включающие реестровые ценные бумаги в определение

³¹ Bundesgesetz über die Banken und Sparkassen. URL: [https:// www.perma.cc/V3TE-JGDA](https://www.perma.cc/V3TE-JGDA)

³² FinTech licence. URL: [https:// www.perma.cc/FCS2-DH5N](https://www.perma.cc/FCS2-DH5N)

³³ Bundesgesetz über die Finanzdienstleistungen. URL: <https://perma.cc/6H5S-LB8P>

ценных бумаг (ст. 2b закона). Надзор за системно важными торговыми системами блокчейна осуществляет Национальный банк (ст. 19 закона о Национальном банке Швейцарии³⁴).

Следует также учитывать, что блокчейновские торговые системы включены в число «финансовых посредников» и, следовательно, должны соответствовать нормам закона о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма³⁵ (ст. 2).

Изменения были внесены и в Федеральный закон о международном частном праве³⁶ (далее закон о МЧП). Пункт 2 ст. 105 закона о МЧП был изложен в редакции: «При отсутствии выбора права залог требований регулируется правом обычного местожительства залогодержателя. То же самое относится к залогу других прав при условии, что они представлены ценным правом, ценной бумагой или эквивалентным титулом; в противном случае их залог регулируется применимым к ним законом». Согласно п. 1 ст. 108а закона о МЧП термин «ценные бумаги, держатели которых выступают в качестве посредников» следует понимать в смысле Гаагской конвенции о правопорядке, применимому к определенным правам на ценные бумаги³⁷.

Таким образом, закон о блокчейне определяет правила регистрации и обмена цифровых активов в Швейцарии.

³⁴ Federal Act on the Swiss National Bank. URL: <https://perma.cc/5J5V-DU2X>

³⁵ Federal Act on Combating Money Laundering and Terrorist Financing. URL: <https://perma.cc/7DRL-H9PW>

³⁶ Bundesgesetz vom 18. Dezember 1987 über das Internationale Privatrecht. URL : https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1988/1776_1776_1776/de

³⁷ Übereinkommen über die auf bestimmte Rechte an intermediärverwahrten Wertpapieren anzuwendende Rechtsordnung. URL : <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2017/185/de>

Торговля правами на них производится через электронные реестры. Одно из центральных нововведений — это лицензия на торговые системы блокчейна. Закон сделал Швейцарию одним из пионеров современного финансового рынка. Так, на основе швейцарского опыта в июне 2021 года в Германии был принят Закон о введении электронных ценных бумаг.

Воронцова Наталья Анатольевна,
проф., д-р юрид. наук, МГИМО МИД России

Международно-правовой анализ результатов экономического сотрудничества ЕАЭС – Вьетнам (2021)

Экономическая интеграция государств обозначена как актуальная тема международно-правовых исследований¹. Тем не менее правовая проблематика Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) еще недостаточно исследуется в отечественной науке, особенно в контексте сотрудничества ЕАЭС с конкретными государствами. Страны ЕАЭС прикладывают большие усилия, чтобы развивать экспорт товаров и встраиваться в региональные и глобальные производственные цепочки. Заключение соглашений о свободной торговле является наиболее эффективным инструментом, с помощью которого можно расширять и упрощать доступ отечественных производителей на рынки других стран. ЕАЭС впервые воспользовался правом заключения глобального соглашения о свободной торговле (далее — Соглашение) и таким государством был выбран Вьетнам. Автором, в 2015 году в научной статье², подробно анализировались

¹ См., например: Вылегжанин А.Н., Лабин Д.К. Экономическая интеграция государств и развитие международного экономического права // Международное экономическое право : учебное пособие / коллектив авторов ; под ред. А.Н. Вылегжанина. М. : КНОРУС, 2019. С. 55–57.

² Воронцова Н.А. Либерализация торговли в рамках Евразийского экономического союза (на примере Соглашения ЕАЭС — Вьет-

инновационные идеи, заложенные в соглашение, сравнивались обязательства стран ЕАЭС с обязательствами, вытекающими из членства ряда стран ЕАЭС в ВТО. Соглашение предусматривало условия тарифной либерализации торговли товарами между государствами — членами ЕАЭС и Вьетнамом при сохранении тарифной защиты на ряд наиболее чувствительных товарных позиций³. Соглашение во многом носит компромиссный характер: при его подготовке «стороны пошли по самому безопасному пути, обойдя почти все острые моменты во взаимной торговле»⁴. Экспертами подчеркивалось, что структура товарооборота ЕАЭС и Вьетнама будет дополнять друг друга, конкурирующие сферы будут защищены. При этом существуют перспективы расширения производственной кооперации⁵.

Для понимания роли данного Соглашения в укреплении международно-экономического сотрудничества сторон необходимо отметить, что формирование ЕАЭС предполагает не только активизацию торговли между участниками объединения, диверсификацию структуры их товарооборота, но и устранение ограничительных мер и барьеров в торговле с третьими сторонами, заключение с ними торговых соглашений, а также проведение совместных мероприятий по развитию экспорта товаров государств — членов Союза на рынки третьих стран. Соглашение о зоне свободной торговли с Вьетнамом является «первым преференциальным

нам) // Московский журнал международного права. 2015. № 4. С. 103–115.

³ Нгуен М.М. Значение соглашения о зоне свободной торговли ЕАЭС — Вьетнам и перспективы его реализации // Международная торговля и торговая политика. 2016. № 2. С. 107–114.

⁴ Цветов А. Шесть вопросов о ЗСТ ЕАЭС — Вьетнам / Российский совет по международным делам. 29.06.2015. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6226#top-content

⁵ Мазырин В. Соглашение о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 72.

торговым договором, заключенным ЕАЭС с внешним игроком... Это, в свою очередь, вносит существенный вклад в копилку политических активов ЕАЭС, усиливая не только его привлекательность как перспективного партнера для других стран, но и чувство сплоченности среди участников евразийской интеграции в целом»⁶.

В свою очередь Вьетнам, являясь активно развивающейся страной с прогнозируемым ростом ВВП на 6,8% по итогам 2021 года, представляет собой одно из перспективных направлений торгово-экономического сотрудничества ЕАЭС. Для страны заключение Соглашения о зоне свободной торговли не является первым опытом: подобные соглашения были заключены Вьетнамом с США в 2000 году, с Чили в 2011 году, с Республикой Корея в 2015 году.

Рассматриваемое Соглашение вступило в силу 5 октября 2016 года и по прошествии пяти лет уже можно оценить эффекты от его реализации: взаимное снижение и отмена ввозных таможенных пошлин значительно увеличили товарооборот между участниками Соглашения уже в первый год действия Соглашения, который достиг своего максимального значения в 2018 году. В 2020 году, несмотря на ограничительные меры, введенные в связи с пандемией COVID-19, Сторонам Соглашения удалось сохранить и нарастить объемы торговли по сравнению с объемами предыдущего года: удельный вес Вьетнама в торговле ЕАЭС с третьими странами в 2020 году увеличился с 0,73% до 0,91%, а доля в экспорте возросла с 0,27% до 0,41%, в то время как доля в импорте осталась неизменной в сравнении с периодом 2019 года и составила 1,54%⁷.

⁶ Мазырин В. Соглашение о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 78.

⁷ Итоги пятилетия Соглашения о свободной торговле с Вьетнамом. Аналитический доклад Евразийской экономической комиссии. С. 2.

В 2020 году торговля ЕАЭС с Вьетнамом характеризовалась следующими показателями: товарооборот вырос на 11,7% по сравнению с 2019 годом, при этом экспорт увеличился на 29,7% — с 1,3 до 1,7 млрд. долл. США, импорт вырос на 5,9% — с 4,2 до 4,5 млрд долл. США. При этом необходимо отметить, что положительная динамика торговли с Вьетнамом прослеживается не у всех государств-членов ЕАЭС: если доля РФ в товарообороте ЕАЭС с Вьетнамом в 2020 году увеличилась с 87,9% до 90,7%, то, например, объемы торговли Казахстана с Вьетнамом в 2020 году характеризовались отрицательными тенденциями: доля Республики Казахстан в совокупном товарообороте ЕАЭС с Вьетнамом сократилась с 7,8% в 2019 году до 6,1% в 2020 году.

С момента подписания Соглашения взаимная торговля стран ЕАЭС и Вьетнама демонстрирует значительный рост. Экспорт евразийского объединения вырос более чем в три раза, импорт из Вьетнама — в полтора раза. Указанных успехов удалось достичь как за счет снижения тарифных барьеров в торговле, так и посредством налаживания более интенсивного инвестиционного сотрудничества в совместных проектах по добыче полезных ископаемых и организации производства. Наибольший прирост экспорта во Вьетнам показали Казахстан (более чем в 100 раз), Армения и Россия. При этом для всех участников ЕАЭС (кроме Армении) характерно снижение валового экспорта. Однако показатели роста экспорта России, Казахстана и Армении во Вьетнам опережают аналогичные для валового экспорта, а темпы снижения экспорта Белоруссии и Киргизии во Вьетнам опережают темпы снижения общих продаж за рубеж.

Увеличение объемов импорта из Вьетнама в ЕАЭС характерно для всех участников блока, причем наибольший прирост зафиксирован в торговле с Белоруссией и Арменией. Как и в отношении экспорта, в торговле государств —

членов ЕАЭС (кроме Армении) в то же время наблюдается снижение валового импорта. Следовательно, рост импорта стран ЕАЭС из Вьетнама превышает темпы роста их валового импорта. Таким образом, Россия, Казахстан и Армения в результате заключения Соглашения о свободной торговле получают наибольшие выгоды (увеличение экспорта превышает рост импорта).

При оценке динамики изменения ставок ввозных пошлин стоит особо указать на то, что до вступления соглашения в силу средняя ставка ввозной таможенной пошлины Вьетнама по приоритетным сельскохозяйственным товарам составляла 25,5%. По состоянию на 1 января 2021 года, по итогам прошедших семи этапов снижения в рамках переходных периодов, средняя ставка ввозной таможенной пошлины сократилась практически в 8 раз и составила 3,2%. Ставка ввозных таможенных пошлин ЕАЭС также претерпела существенные изменения с вступлением Соглашения в силу, сократившись с 13,0% до 5,4% к 2021 году. Аналогичная тенденция наблюдается и в отрасли промышленности⁸.

Если рассматривать результаты экономического сотрудничества России как члена ЕАЭС и Вьетнама, то необходимо отметить, что Российская Федерация является основным экспортером среди государств-членов ЕАЭС на вьетнамский рынок, занимая, как было отмечено ранее, 90,7% доли в ЕАЭС в товарообороте с Вьетнамом в 2020 году, а ее доля в экспорте ЕАЭС во Вьетнам составляет 91,2%. По данным Федеральной таможенной службы, в 2020 г. товарооборот РФ и Вьетнама составил 5,667 млрд долл. США (+15,2% по сравнению с 2019 г.), экспорт — 1,622 млрд долл. США (+42,9%), импорт — 4,045 млрд долл. США (+6,9 %)⁹.

⁸ Итоги пятилетия Соглашения о свободной торговле с Вьетнамом. Аналитический доклад Евразийской экономической комиссии. С. 14.

⁹ Там же. С. 29.

В 2020 году по сравнению с 2019 годом экспорт РФ во Вьетнам продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья увеличился на 112,8% и составил 400,1 млн долл. США. Несмотря на то, что основные сельскохозяйственные товары российского экспортного интереса с 2020 года имеют бесполошинный доступ на вьетнамский рынок (прежде всего, свинина и свиные субпродукты, мясо и субпродукты птицы), приоритетным вопросом остается допуск российской продукции животного происхождения на рынок Вьетнама. Россельхознадзор и Управление ветеринарного и фитосанитарного контроля Вьетнама на постоянной и паритетной основе ведут сотрудничество по обеспечению допуска животноводческой продукции на рынки обеих стран.

Финансовая и нефинансовая поддержка российского экспорта во Вьетнам реализуется в рамках общих программ поддержки внешнеэкономической деятельности Российской Федерации, осуществляемых в заявительном порядке без привязки к стране назначения экспортируемой продукции. По линии АО «Российский экспортный центр» в части нефинансовой поддержки экспорта с 14 апреля по 14 мая 2021 года была проведена многоотраслевая онлайн бизнес-миссии для российских экспортеров и вьетнамских импортеров. АО «РЭЦ» намерен оказывать поддержку в виде компенсации затрат на участие российских экспортеров в выставке EXPO Russia, которая пройдет в г. Ханое 17–19 ноября 2021 г. Помимо этого, в целях продвижения продукции агропромышленного комплекса во Вьетнаме открыт международный дегустационно-демонстрационный павильон. В настоящее время участниками программы являются 34 компании.

14 сентября 2021 года состоялось очередное заседание Совета Евразийской экономической комиссии, повестка

которого состояла из 32 актуальных вопросов развития евразийской экономической интеграции. В рамках заседания члены Совета Комиссии заслушали итоги доклада относительно функционирования зоны свободной торговли между странами Союза и Социалистической Республикой Вьетнам. Товарооборот между странами с 2017 по 2020 гг. вырос на 46,5 %, достигнув 6,3 миллиарда долларов США. Заместитель Министра экономического развития Российской Федерации Дмитрий Вольвач отметил: «Для стран Евразийского экономического союза наращивание товарооборота с третьими странами является одним из приоритетов при восстановлении экономики после кризиса, вызванного пандемией коронавирусной инфекции. Совместно с Комиссией мы внимательно следим за эффектами от заключенных соглашений, и это позволяет нам определять перспективные направления развития торгово-экономического сотрудничества с третьими странами»¹⁰. Было констатировано, что с 2016 по 2020 год экспорт из ЕАЭС во Вьетнам увеличился на 9,9%, импорт вырос на 64,1%. Преимуществами режима свободной торговли в ЕАЭС воспользовались поставщики пшеницы, кукурузы, свинины, кокса, грузовых автомобилей, детского питания, а также некоторых видов пищевых и нефтепродуктов. Однако верхние строчки среди поставляемых во Вьетнам товаров заняли уголь и металлопродукция, не входящие в перечень договоренностей о снижении таможенных пошлин¹¹.

¹⁰ Дмитрий Вольвач: единый рынок ЕАЭС поможет восстановить экономики государств-членов от спада на фоне пандемии / Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_edinyy_rynok_eaes_pomozhet_vosstanovit_ekonomiki_gosudarstv_chlenov_ot_spada_na_fone_pandemii.html

¹¹ ЕАЭС изучит возможность активизации экспорта в рамках ЗСТ с Вьетнамом / Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.>

Евразийская экономическая комиссия и Вьетнам договорились провести в октябре текущего года заседание Совместного комитета в рамках Соглашения о свободной торговле, а также Евразийско-Вьетнамский торгово-экономический форум. Соответствующая договоренность была достигнута в рамках встречи министра по торговле ЕЭК Андрея Слепнева с министром промышленности и торговли Социалистической Республики Вьетнам Нгуен Хонг Зиеном. В ходе встречи акцент был сделан на исполнении договоренностей, достигнутых при заключении Соглашения о свободной торговле, а также намерении по качественному росту торгово-экономических связей и развитию роли Вьетнама как торгового хаба для Евразийского экономического союза в АСЕАН. Министры согласились предпринять дополнительные усилия для разрешения имеющихся вопросов, связанных с производством автотехники стран Союза на территории Вьетнама, поставкой белорусской бескостной говядины, российских пшеницы и фосфорных удобрений, а также евразийских лекарственных средств. По предложению Слепнева отдельное внимание в рамках предстоящего заседания совместного комитета будет уделено сотрудничеству в области цифровизации, а также низкоуглеродной повестке¹².

Важным достижением экономического сотрудничества ЕАЭС и Вьетнама является также подписание 21 марта 2016 года Протокола о поддержке производства моторных транспортных средств на территории Вьетнама, который является первым проектом двустороннего сотрудничества,

eaeunion.org/news/eaes-izuchit-vozmozhnost-aktivizatsii-eksporta-v-ramkah-zst-s-vetnamom/

¹² ЕЭК и Вьетнам в октябре проведут заседание Совместного комитета и Евразийско-Вьетнамский форум / Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eek-i-vetnam-v-oktyabre-provedut-zasedanie-sovmestnogo-komiteta-i-evraziysko-vetnamskiy-forum/>

заключенным в развитие соглашения о зоне свободной торговле между сторонами и нацелен на углубление торгового и промышленного сотрудничества между Сторонами, рост взаимного товарооборота промышленной продукции и инвестиций¹³. В соответствии с Протоколом российские производители — группа «ГАЗ», «КАМАЗ» и «Соллерс» — получили право на беспошлинный ввоз автомобилей и машинокомплектов на территорию Вьетнама, что позволит открыть новые рынки сбыта для российской техники с перспективой выхода на рынок стран АСЕАН¹⁴.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что международные экономические отношения между ЕАЭС и Вьетнамом продолжают укрепляться. Импульсом этому послужило, в первую очередь, заключение Соглашения о зоне свободной торговли, отсутствие которого ставило российские товары в невыгодные условия во Вьетнаме, поскольку они не могли на равных соперничать с продукцией из других стран, у которых уже был договор о свободной торговле с СРВ¹⁵. При этом стоит отметить, что по мнению экспертов, реальных результатов соглашения следует ждать лишь через 10-15 лет — с окончанием переходного периода, когда завершатся длительные согласованные сроки либерализации торговли и снимется большинство взаимных защитных мер¹⁶.

¹³ Россия и Вьетнам подписали протокол по производству автомобилей / Евразийский коммуникационный центр. 21.03.2016. URL: <http://eurasiancenter.ru/news/20160321/1004342984.html>; <http://eurasiancenter.ru/news/20160321/1004342984.html>

¹⁴ КАМАЗ намерен увеличить поставки автомобилей во Вьетнам / Евразийский коммуникационный центр. 18.01.2017. URL: <http://eurasiancenter.ru/news/20170118/1004431871.html>

¹⁵ Мазырин В.М. Экономические отношения России и Вьетнама в первой половине 2010-х гг.: ведущие тенденции // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 24. С. 108–109.

¹⁶ Мазырин В. Соглашение о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 81.

Большое внимание уделяется возможности использования зоны свободной торговли с Вьетнамом для расширения сотрудничества с АСЕАН. Российскими экспертами отмечалось, что «зона свободной торговли может являться пилотным проектом, применимым к другим странам АСЕАН»¹⁷. Данный вопрос был также затронут лидерами государств-участников ЕАЭС в рамках заседания Высшего Евразийского экономического совета в 21 мая 2021 года. Президент Российской Федерации Владимир Путин, в частности, предложил изучить вопрос заключения соглашений о свободной торговле еще с двумя государствами — Индонезией и Монголией, начать соответствующие переговоры с Индией и активизировать — с Израилем и Египтом¹⁸.

¹⁷ Там же. С. 73.

¹⁸ ТАСС: Лидеры ЕАЭС обсудили либерализацию общего рынка и поспорили о гостеприимстве в пандемию. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11440451>

Лабин Дмитрий Константинович,
проф., д-р юрид. наук, МГИМО МИД России

Овчинникова Елизавета Олеговна,
магистрант, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

Возможности для иностранных инвестиций в Арктическую зону Российской Федерации

Как отмечено в Вестнике РАН, «во времена СССР термин “Арктическая зона Российской Федерации”, упомянутый в решении Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики от 24 апреля 1989 г., ассоциировался с важнейшим законодательным актом — Постановлением президиума Центрального исполнительного комитета СССР от 15 апреля 1926 г. “Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане”... Последнее определило секторальные линии границ арктических владений Советского Союза, что отражалось на издававшихся географических картах СССР. По-иному этот термин определен в Основах государственной политики Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу... а также в новом документе — Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г.». Далее авторы уточняют, что в соответствии с этими документами Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) «состоит из двух частей: первая — северные прибрежные тер-

ритории России в Арктике (включая острова и скалы), как они детально определены Указом Президента РФ от 2 мая 2014 г. ... ; вторая — районы Северного Ледовитого океана, прилегающие к этим сухопутным территориям, в том числе подводные». Совершенно корректно в цитируемом Вестнике РАН подчеркнута, что «разные части АЗРФ имеют неодинаковый статус: наземная часть, внутренние морские воды и территориальное море находятся под суверенитетом Российской Федерации. В отношении исключительной экономической зоны... и континентального шельфа Российская Федерация осуществляет суверенные права и целевую (природоресурсную и природоохранную) юрисдикцию в соответствии с международным правом»¹. В таком контексте АЗРФ является геостратегической территорией, имеющей ключевое значение для обеспечения реализации национальных интересов и национальной безопасности страны в Арктике.

Эти границы АЗРФ — без каких-либо комментариев — воспроизводятся и в последующих правовых актах². Согласно данным исследований зарубежных экспертов, запасы углеводородов, сконцентрированные в Арктике, могут достигать 180 млрд т³. На совещании 2017 года, на котором обсуждались вопросы развития Арктики, президент России В.В. Путин подчеркнул, ссылаясь на данные Российской академии наук (РАН), что Арктическая зона России располагает

¹ Северный морской путь: к решению политико-правовых проблем / А.Н. Вылегжанин, В.П. Назаров, И.В. Буник // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 12. С. 1106–1107.

² Постановление Правительства РФ от 18.03.2020 № 297 (ред. от 10.06.2021) «Об утверждении Правил отбора инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территории Арктической зоны Российской Федерации». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=1&nd=102699091&intelsearch (дата обращения: 11.10.2021).

³ Лабин Д.К. Международно-правовая охрана окружающей среды Арктики и вопросы недропользования // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 3. С. 146.

«основными запасами ряда важнейших полезных ископаемых», «подавляющей долей общероссийских и общемировых запасов полезных ископаемых» — около 40% золота, 60% нефти, от 60 до 90% газа⁴. Однако освоение территории значительно осложняется природно-климатическими условиями и недостаточно развитой региональной инфраструктурой, недостатком отечественных технологий.

В связи с этим активно обсуждается вопрос привлечения иностранных инвестиций в арктический сектор РФ, в частности, в разработку проектов на арктическом континентальном шельфе России — подводной окраине материка, площадь которой приблизительно составляет 6,2 млн кв. км и может охватывать пространство «вплоть до Северного полюса...»⁵. Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» от 30 марта 2021 года выделяет привлечение иностранных инвесторов в экономические проекты одним из направлений развития данного региона.

Так, руководство Министерства энергетики РФ (далее — Минэнерго) в 2019 году выступало за введение налоговых льгот для арктических проектов⁶. В этом же году вице-премьер и полномочный представитель президента РФ в Дальневосточном федеральном округе Ю.П. Трутнев говорил о возможном снятии моратория на выдачу лицензий для раз-

⁴ Россия готова к совместному освоению Арктики с иностранными партнерами // ТАСС. URL: <https://tass.ru/v-strane/4137535> (дата обращения: 11.10.2021).

⁵ Разграничение континентального шельфа // Арктик-фонд. URL: <https://arctic.narfu.ru/infologia-arktiki/gosudarstvennaya-politika-v-arktike/razgranichenie-kontinentalnogo-shelfa> (дата обращения: 11.10.2021).

⁶ Минэнерго РФ поддерживает допуск иностранных инвесторов к шельфу Арктики // Neftegaz.RU. URL: <https://neftgaz.ru/news/gosreg/483126-minenergo-rf-podderzhivaet-dopusk-inostrannykh-investorov-k-shelfu-arktiki/> (дата обращения: 11.10.2021).

работки новых месторождений в арктическом шельфе⁷. Мораторий действует с 2016 года в целях предоставления государственным компаниям возможности сфокусироваться на исполнении актуальных лицензионных обязательств. При этом в фундаментальном Федеральном законе «О недрах» предусмотрено, что пользователями недр на шельфе могут быть только компании, имеющие пятилетний опыт освоения шельфа в Российской Федерации, в которых государство имеет долю в уставном капитале более 50% (или имеет более 50% голосов при принятии решений)⁸. Таким образом, речь идет о нефтегазовых гигантах ПАО «Газпром» и ПАО «НК Роснефть».

Однако уже в 2021 году Минэнерго спрогнозировало снижение в 2 или 3 раза (до 15 или 9 млн т соответственно) уровня добычи нефти на российском шельфе к 2035 году в сравнении с уровнем добычи в текущем 2021 году⁹. Ощутимое приостановление разработки нефтяных месторождений связано, прежде всего, с отсутствием необходимых технологий «как в России, так и в мире»¹⁰. Министерство продолжает настаивать на важности привлечения иностранных инвесторов для продвижения нефтедобывающих программ и сотрудничества с ними в рамках совместных предприятий, в капитале которых доля российских компаний все же не должна быть ниже контрольной. *De jure* контрольной

⁷ Власти готовы пустить частные компании на арктический шельф. Но пойдут ли они туда? // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6319060> (дата обращения: 14.10.2021).

⁸ Юлов Д.В. Правовые механизмы реализации гарантий прав и законных интересов иностранных инвесторов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2021. С. 65.

⁹ Россия отложит разработку шельфа минимум на 15 лет. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/04/11/865485-rossiya-otlozhit> // Ведомости (дата обращения: 14.10.2021).

¹⁰ Там же.

считается доля 50% плюс одна акция, *de facto* она может быть несколько ниже.

В построении системы поддержки инвестиционных инициатив по развитию АЗРФ, включая исходящие от зарубежных партнеров, предполагается применять льготные ставки на прибыль, понижающие коэффициенты по налогу на добычу полезных ископаемых (НДПИ), возмещение налога на добавленную стоимость (НДС), упрощенный порядок предоставления земельных участков и обеспечение стабильности, неизменности условий осуществления инвестиционных проектов¹¹. Предприятия смогут получить налоговый вычет в 50% инвестиций в поиск, оценку и разведку запасов¹². Льготы для инвесторов в данном регионе предоставляются исключительно на новые проекты.

Примером применения комплексного механизма льготных преференций может служить детальность ОАО «Ямал СПГ». Предприятие полностью освобождено от уплаты НДПИ на срок 12 лет и налога на имущество, а также пользуется льготным режимом уплаты налога на прибыль, при котором ставка налога сокращается с 18% до 13,5%. «Ямал СПГ» является совместным предприятием ОАО «НОВАТЭК» (Россия), обладающим контрольной долей акций (50,1%), концерна «TOTAL» (Франция), Китайской Национальной Нефтегазовой Корпорации и Фонда «Шелковый путь» (Китай)¹³.

¹¹ Власти готовы пустить частные компании на арктический шельф. Но пойдут ли они туда? // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6319060> (дата обращения: 14.10.2021).

¹² Власти готовы нарушить бюджетное правило ради Арктики // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/10/24/814703-byudzhethnoe-pravilo> (дата обращения: 14.10.2021).

¹³ Ямал СПГ — О проекте. URL: <http://yamallng.ru/project/about/> (дата обращения: 11.10.2021).

Одним из значимых средств поощрения инвесторов, желающих развивать проекты стратегической важности общей стоимостью не менее 300 млн рублей в российской Арктике, является механизм предоставления безвозвратных федеральных субсидий общим размером до 20% заявленных частных инвестиций на реализацию предполагаемого проекта. Порядок и критерии получения субсидий изложены в «Правилах отбора инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территории Арктической зоны Российской Федерации»¹⁴.

В соответствии с установленными требованиями, инвестиции должны быть направлены на развитие объектов инфраструктуры, включая создание рабочих мест и общие высокие показатели бюджетной эффективности. Под объектом арктической инфраструктуры понимается «создаваемый или реконструируемый (модернизируемый) объект транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры, включая инфраструктуру систем газоснабжения, водоснабжения, трубопроводного транспорта и связи, находящийся в собственности юридического лица и необходимый для реализации инвестиционного проекта на территории Арктической зоны Российской Федерации». Пункт 4 Правил указывает критерии, которым должно соответствовать юридическое лицо-инициатор проекта. Они включают, среди прочего, обязательную регистрацию юридического лица на территории АЗРФ (приобретение статуса резидента), а также отсутствие у компании особого налогового статуса и (или) регистрации в офшорной зоне.

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 18.03.2020 № 297 (ред. от 10.06.2021) «Об утверждении Правил отбора инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территории Арктической зоны Российской Федерации». URL: <https://docs.cntd.ru/document/564478323> (дата обращения: 11.10.2021).

Распоряжением Правительства РФ от 1 февраля 2021 года № 209-р¹⁵ был утвержден перечень инвестиционных проектов, который включил в себя шесть компаний: АО «Федорово Рисорсес», АО «Первая горнорудная компания», ООО «Северная звезда», ООО «Морской терминал ТУЛОМА», ООО «Русское море — Аквакультура», ООО «Норд Стар». Деятельность предприятий связана с развитием инфраструктуры, добычей полезных ископаемых и рыболовством. Победителями выступили отечественные компании.

Всего в АЗРФ зарегистрировано 216 резидентов и 9 резидентов на территории опережающего развития (ТОР) «Столица Арктики» — части территории Мурманской области с особым правовым режимом для создания благоприятных инвестиционных условий¹⁶.

В последние годы наблюдается тенденция, прежде всего, открывать расширенный доступ к территориям российской Арктики государственным компаниям и развивать институт государственно-частного партнерства (ГЧП) по линии долгосрочного взаимодействия государства и предпринимательского сектора не только в целях извлечения прибыли, но и реализации общественно значимых проектов. Иностранцами партнерами все чаще становятся компании из государств Азиатско-тихоокеанского региона, в том числе КНР, Кореи, Японии.

Наиболее перспективным можно выделить направление российско-китайских инвестиционных отношений. Ранее в качестве современного совместного примера уже был приведен газодобывающий проект «Ямал СПГ», в уставном капитале которого доля китайских инвесторов достигает

¹⁵ Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/docs/41438/> (дата обращения 15.10.2021).

¹⁶ ТОР Столица Арктики. URL: <https://erdc.ru/tors/tor-stolitsa-arktiki.html> (дата обращения: 15.10.2021).

29,9%. С 2014 года ряд проектов в Сибири и на территории российского арктического шельфа реализуют ПАО «НК Роснефть» совместно с Китайской национальной нефтегазовой корпорацией. В 2018 году стороны подписали «Соглашение о сотрудничестве в области разведки и добычи в Российской Федерации», которое позволило китайскому инвестору стать миноритарным акционером в российской государственной корпорации в рамках сибирских нефтегазовых проектов и расширять, упрочнять свою деятельность в сфере недропользования. Также Россия и Китай проводят научные исследования в Арктике, которые, в частности, направлены на сбор и анализ данных, необходимых для продвижения более глобальной арктической инициативы Китая «Морской (или Полярный) шелковый путь»¹⁷, частью которого может стать российская транзитная магистраль Северный морской путь (СМП).

Российская Федерация проявляет повышенную избирательность в допуске иностранных капиталов в «арктические» проекты. Это обусловлено, в частности, возросшей необходимостью контроля факторов угроз национальной безопасности в политической, экономической и оборонной сферах. Контроль осуществляется Межведомственной комиссией Совета безопасности России по вопросам обеспечения национальных интересов в Арктике (далее — Комиссия), созданной Указом Президента Российской Федерации от 25.08.2020 г. № 526¹⁸. В Положении о Комиссии прямо обозначена функция анализа угроз, «связанных с участием

¹⁷ Киенко Е.В. Международно-правовая позиция КНР в отношении режима Северного Ледовитого океана : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2018. С. 35–36.

¹⁸ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008250033> (дата обращения 15.10.2021).

иностранных компаний в реализации крупных инвестиционных проектов по освоению Арктики»¹⁹.

По словам заместителя секретаря Совета безопасности России Ю.Т. Аверьянова²⁰, данный пункт был введен в документ в целях недопущения «порождения определенных рисков» и оказания «давления» на Россию со стороны западных стран. Риски обусловлены тем, что иностранные капиталовложения в национальные ключевые проекты могут поставить страну в «экономическую и технологическую зависимость», а также ограничить «возможности развития собственной технологической базы». Как отмечалось ранее, приоритетной задачей инвестиционной политики государства является поддержка и продвижение российских инвесторов. В то же время Ю.Т. Аверьянов признает, что в настоящее время «в условиях объективной недостаточности финансовых ресурсов» российские компании вынуждены привлекать иностранные инвестиции.

В заключение следует отметить, что Арктическая зона Российской Федерации была и остается территорией сосредоточенного внимания российских властей и иностранных предпринимателей вследствие ее географических характеристик и наличия значительного природоресурсного потенциала. Несмотря на дискуссии относительно темпов и инструментов развития данного региона, важность привлечения инвестиций, в том числе иностранных, признается подавляющим большинством специалистов. В привлечении

¹⁹ Положение о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Арктике. URL: http://www.scrf.gov.ru/about/commission/MVK_ARC/ (дата обращения: 15.10.2021).

²⁰ Юрий Аверьянов: считаем недопустимым сдерживание России в Арктике // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210511/arktika-1731736065.html> (дата обращения: 15.10.2021).

иностранного капитала в российские арктические проекты, однако, основной задачей выступает поиск компромиссного формата сотрудничества с зарубежными партнерами, чтобы они смогли получить ожидаемые доход и выгоду от проекта, который, в то же время, соответствовал бы публичным интересам граждан Российской Федерации.

Лобанов Сергей Александрович,
доц., д-р юрид. наук,
Международный институт
энергетической политики и дипломатии,
МГИМО МИД России

Анянова Екатерина Сергеевна,
Doctor iuris, канд. юрид. наук

Особенности международно-правового регулирования охраны стационарных платформ и плавучих буровых установок в Арктическом регионе

Освоение морских нефтегазовых ресурсов Арктического шельфа характеризуется существенной спецификой, в свою очередь, производной от ресурсного потенциала Арктического региона (по некоторым данным в Арктике сосредоточено около 22% мировых неразведанных запасов нефти и газа¹) и, одновременно, особой значимости обеспечения баланса между хозяйственной деятельностью и сохранением окружающей среды². Примечательно, что законодательные подходы арктических государств, наряду с различиями, обусловленными особенностями правовой системы и уровнем

¹ См.: Швец Н.Н., Береснева П.В. Нефтегазовые ресурсы Арктики: правовой статус, оценка запасов // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4 (37). С. 60–67.

² Об этом см., например: Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Правовые проблемы пространственного развития Арктической экологической зоны Российской Федерации // Lex russica. 2020. № 3. С. 105–113.

законодательной проработки недропользования, имеют общую направленность на устойчивое развитие Арктического региона³. Применительно к Российской Федерации, с опорой на важнейшие политико-правовые программные документы⁴ и мнения авторитетных исследователей⁵, следует также вести речь о стратегическом значении для экономики и национальной безопасности континентального шельфа РФ в Арктике и Северного морского пути, а также специальных подходах обеспечения национальных интересов в Арктике, с учетом, в частности, экстремальных природно-климатических условий, высокой ресурсоемкости хозяйственной деятельности, роста конфликтного потенциала в регионе.

Вместе с тем очевидно, что именно международно-правовое сотрудничество, в первую очередь, арктических государств (двустороннее, а также региональное, с опорой на потенциал Арктического совета и других международно-правовых институтов) выступает необходимым условием

³ Об этом см., например: Дудыкина И.П. Зарубежные аналитики о совершенствовании международно-правовых механизмов экосистемного управления в Арктике // Московский журнал международного права. 2016. № 2. С. 96–106; Тодоров А.А. Подходы зарубежных стран к правовому регулированию разработки нефтегазовых ресурсов на шельфе Арктики // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 40–59.

⁴ См.: Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 6970.

⁵ См., например: Северный морской путь: к решению политико-правовых проблем / А.Н. Вылегжанин, В.П. Назаров, И.В. Буник // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 12. С. 1105–1188; Гаврилов В.В. Правовое развитие Арктического региона: предпосылки и перспективы // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 148–157; Савенков А.Н. Арктика: правовое обеспечение устойчивого развития и сотрудничества // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 1. С. 28–42; Хабриева Т.Я., Капустин А.Я. Арктическое право России: гармонизация национальных и международных интересов // Научно-технические проблемы освоения Арктики. М. : Наука, 2014. С. 111–116.

поступательного развития Арктического региона, обеспечения баланса между осуществляемой в нем правомерной, в том числе экономической, деятельностью и сохранением его экосистемы⁶.

Значимость международно-правового сотрудничества отчетливо видна и при рассмотрении вопросов создания и эксплуатации морских установок и сооружений в Арктике, а также обеспечения их безопасности. Следует иметь в виду, во-первых, значительный объем финансовых затрат в связи с созданием морских нефтегазовых платформ (в частности, укажем на расположенную в Российской Арктической зоне платформу «Приразломная»⁷ и расположенную в Арктическом секторе Канады платформу “Hibernia”⁸), применение здесь передовых уникальных технологий, роль совместных международных проектов с участием ведущих зарубежных нефтегазовых компаний и крупных зарубежных инвесторов. И в этом плане, введение рядом зарубежных государств (США, Канада, Япония) и ЕС ограничительных мер, касающихся морского нефтегазового промысла на Арктическом

⁶ Об этом см.: Вылегжанин А.Н. Правовое положение Арктического региона в документах // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества : хрестоматия. В 3 т. / под общ. ред. И.С. Иванова / Российский совет по международным делам. Т. 3: Применимые правовые источники. М., 2013. С. 11–45; Лабин Д.К., Паничкин И.В. Правовые перспективы развития сотрудничества арктических государств в области разработки морских нефтегазовых ресурсов Арктики // Московский журнал международного права. 2016. № 3. С. 86–93.

⁷ Об этом см.: Ямщиков Д. «Приразломная»: первый опыт нефтедобычи на арктическом шельфе // Безопасность объектов ТЭК. 2013. № 2. С. 54–57.

⁸ Об этом см.: Sédillot F. The Hibernia Gravity Base Structure // Proc. of 8th International Offshore and Polar Engineering Conference. Montreal, Canada, May 24–29, 1998. Также см.: Онищенко Д.А., Сафонов В.С. О необходимости учета айсберговой опасности при обосновании концепции освоения арктических месторождений углеводородов // Вести газовой науки : научно-технический сборник. 2017. № 1 (29). С. 100–117.

шельфе России и затрагивающих совместные проекты с участием иностранных компаний (в частности, совместные проекты ПАО «НК «Роснефть» с ExxonMobil) по справедливому замечанию отечественных исследователей «представляет собой вызов, на который необходимо ответить качественными сдвигами в области технологий и организации своей деятельности»⁹.

Во-вторых, следует принять во внимание потребность обеспечить режим безопасной для окружающей среды работы морских нефтегазовых платформ, включая, расположенные в Арктическом регионе, наличие здесь дополнительных проблем и специальных для рассматриваемого региона международно-правовых норм¹⁰, а также вспомогательных средств для их толкования и применения¹¹.

В-третьих, морские нефтегазовые платформы, принимая во внимание, характер их эксплуатации, расположение, как правило, в морских пространствах удаленных от берега, имеющих международно-правовой режим либо (что бывает чаще) смешанный (сочетающий элементы международно-правового и национально-правового режимов) правовой режим, обладают повышенной уязвимостью к внешним воздействиям, рискам и опасностям¹². При этом,

⁹ См.: Сочнева И.О., Сочнев О.Я. Китайский вектор в геолого-разведочном бурении на арктическом шельфе России // Деловой журнал *Neftegaz.Ru*. 2021. № 2 (110). С. 52–63.

¹⁰ В качестве примера приведем: Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике от 15 мая 2013 года // Бюллетень международных договоров. 2016. № 7. Ст. 5, 7, 9 (принято государствами-участниками Арктического совета).

¹¹ В качестве примера приведем: 1) Руководство по освоению морских ресурсов нефти и газа в Арктике (2009 г.); 2) Руководство по реагированию на разливы нефти в условиях ледового и снежного покрова (2015 г.).

¹² Об этом см., например: Абрамов Н.С. Международно-правовой режим морских нефтегазовых платформ : дис. ... канд. юрид. наук.

как не без оснований полагают исследователи, в современных условиях повышения значимости Арктического региона, интенсификации проводимой в нем морской экономической деятельности возрастает число инцидентов, связанных именно с деятельностью нефтегазодобывающих компаний в Арктике¹³. Соответственно, актуализируется проблема обеспечения при помощи правовых средств, с опорой на потенциал международного права, эффективной охраны морских стационарных платформ и плавучих буровых установок, расположенных на арктическом шельфе.

Прежде чем перейти непосредственно к проблеме охраны морских установок и сооружений в Арктическом регионе, постановочно отметим, что наряду со спецификой правового регулирования эксплуатации и охраны морских платформ в Арктике, имеются общие (присущие морским платформам в целом) проблемы юридического характера. С опорой на специальную литературу, проводимый в ней анализ действующих источников международного морского права, правомерно вести речь о неопределенности (отсутствии полной юридической ясности) международно-правового режима морских стационарных платформ и плавучих

М., 2020. С. 72–74; Международно-правовые основания противодействия преступлениям, посягающим на безопасность стационарных платформ в акваториях Российской Федерации / А.Н. Вылегжанин, С.А. Лобанов, А.Ю. Скуратова // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 2. С. 313–326; Кашубский М.В. Могут ли пиратские действия быть совершены против морской нефтяной платформы // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2014. № 1 (21). С. 5–14.

¹³ См.: Крымская К.В. Современный международно-правовой режим искусственных островов, установок и сооружений на континентальном шельфе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 161–162. Также см.: Гудев П. Невоенные угрозы безопасности в Арктике // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 72–82.

буровых установок¹⁴. Как показывает практика, данное обстоятельство вносит дополнительные трудности в процесс охраны морских платформ (в том числе расположенных в Арктике) и правовое реагирование по фактам незаконного вмешательства в их деятельность.

**Обзор противозаконных актов,
посягающих на безопасность морских
стационарных платформ и плавучих буровых установок,
в том числе расположенных в Арктическом регионе**

Как отмечают исследователи, морские платформы относительно редко подвергаются преступным актам вооруженных нападений, включая акты терроризма¹⁵. В целом, принимая во внимание характер и степень опасности противозаконной деятельности, посягающей на безопасность морских платформ, возможно свести все многообразие такого рода противозаконных актов в две группы, а именно:

¹⁴ См., например: Вылегжанин А.Н., Крымская К.В. Международно-правовой режим искусственных островов и иных стационарных конструкций в море // Московский журнал международного права. 2018. № 2. С. 42–57; Гаврилина Е.А. Неопределенность международно-правового режима плавучих буровых установок и морских стационарных платформ, установленных на морских нефтегазовых месторождениях, и вопросы безопасности нефтегазовых объектов //: Проблемы и задачи правового обеспечения энергетической безопасности и защиты прав участников энергетических рынков / под ред. д-ра юрид. наук В.В. Романовой. М., 2019. С. 102–128.

Здесь мы абстрагируемся от доктринального толкования вопроса юридической квалификации плавучей буровой установки в зависимости от ее движения к месту бурения или закрепления неподвижно на дне на период ее работы. Об этом см.: Лазарев М.И. Правовой режим морских буровых и иных установок // Новое в международном морском праве. М., 1972. С. 11.

¹⁵ Kjøk Å., Lia B. Terrorism and Oil — An Explosive Mixture? A survey of terrorist and rebel attacks on petroleum infrastructure 1968–1999. Kjeller : FFI Research Report № 2001/04031, 2001. URL: <http://www.ffi.no/no/Rapporter/01-04031.pdf> (дата обращения: 04.10.2021).

1) акты вооруженных нападений, включая акты терроризма в отношении морских платформ¹⁶; 2) акты незаконного вмешательства в деятельность морских платформ протестного (демонстративного) характера.

Акты вооруженных нападений, акты терроризма в отношении морских платформ

Сразу же оговоримся: морские платформы и буровые установки, расположенные в Арктическом регионе, не подвергались актам вооруженного захвата, в том числе актам терроризма. Вооруженные случаи нападений на платформы официально зарегистрированы в Нигерии. Так, 27 июня 1999 г. на нефтяной платформе в Порт-Харкорте в дельте реки Нигер на платформу проникли 4 вооруженных человека, повредили платформу, угнали вертолет, похитили 3 сотрудников и отпустили их только после уплаты выкупа¹⁷. Более масштабный акт терроризма, также в Нигерии, имел место 31 июля 2000 г.: 35 вооруженных человек из деревни Байелса, используя гребную лодку, проникли на 2 морских нефтяные платформы, эксплуатируемые компанией “Shell”; в результате нападения 165 сотрудников компании были взяты в заложники, включая 20 иностранцев. Требо-

¹⁶ С учетом положения ст. 101 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., морские стационарные платформы не могут рассматриваться в качестве объектов преступления морского пиратства. Заметим, что данный вопрос получил освещение в литературе. См.: Кашубский М.В. Могут ли пиратские действия быть совершены против морской нефтяной платформы // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2014. № 1 (21). С. 5–14.

¹⁷ Kashubsky M. Protecting Offshore Oil and Gas Installations: Security Threats and Countervailing Measures. 11 December 2013. URL: http://www.ensec.org/index.php?option=com_content&view=article&id=476:protecting-offshore-oil-and-gas-installations-security-threats-and-countervailing-measures&catid=140:energysecuritycontent&Itemid=429 (дата обращения: 04.10.2021).

вания напавших заключались в трудоустройстве большого количества нигерийцев в компании “Shell” и выплате денежного сбора за эксплуатацию нефтяных ресурсов; сотрудники “Shell” были отпущены после заключения соглашения с нападшими¹⁸.

Заметим, что наряду с актами вооруженного захвата морских платформ и взятия заложников, взрывов платформ¹⁹, террористами используются и другие методы незаконного вмешательства. Так, 25 августа 1975 г. в английском городе Ярмут в адрес нефтяной компании Philips посредством 3 анонимных телефонных звонков поступило предупреждение о подводной взрывчатке, прикрепленной к морским газодобывающим платформам на газовом месторождении Хьюит на восточной части побережья Норфолка. Незамедлительная эвакуация 3 нефтяных платформ, последующая операция с водолазными работами, проведенными с помощью Королевских ВМС, подтвердивших, что тревога была ложной, стоили более 600 000 долларов США.

В современных условиях развития цифровых технологий и расширения возможностей Сети Интернет, расширяется арсенал преступных средств воздействия на субъектов морского нефтегазового промысла. В частности, обретает реальные контуры киберугроза для морских буровых установок в нефтегазовой отрасли, возникшая вследствие удаленного мониторинга, автономного управления, IoT-технологии и цифровизации. Как отмечают исследователи, в настоящее время требования охраны не соответствуют тактике по защите от кибератак; системы, установленные

¹⁸ Kjøk Å., Lia B. Terrorism and Oil — An Explosive Mixture? A survey of terrorist and rebel attacks on petroleum infrastructure 1968–1999. Kjeller : FFI Research Report No. 2001/04031, 2001. URL: <http://www.ffi.no/no/Rapporter/01-04031.pdf> (дата обращения: 04.10.2021).

¹⁹ Так, 25 июня 2009 г. повстанцы Движения за освобождение дельты Нигера совершили взрыв платформы.

на морских платформах, которые традиционно были изолированными и не подключенными к Сети, в условиях удаленного мониторинга и автономного управления стали гораздо более уязвимыми²⁰.

Акты незаконного вмешательства в деятельность морских платформ протестного (демонстративного) характера

Мирные протесты на деятельность морских нефтяных установок стали достаточно обычной ситуацией. Так, 25 мая 1998 г. в Нигерии более 100 невооруженных протестующих оккупировали платформу по добыче нефти “Chevron’s Parabe” на 2 дня с требованиями денежной компенсации за экологический и другой ущерб²¹.

Однако для рассматриваемых протестных (демонстративных) движений наиболее характерна ситуация проведения их радикально настроенными представителями природоохранных организаций, в частности, активистами Greenpeace под предлогом защиты окружающей среды от последствий освоения морских нефтегазовых месторождений (бурения скважин с использованием морских платформ) Арктического шельфа.

С опорой на специальную литературу²², приведем здесь несколько примеров. В мае 2012 г. в рамках кампании «Оста-

²⁰ Морские буровые установки стали более уязвимыми к кибератакам. 27 августа, 2021. URL: <https://www.securitylab.ru/> (дата обращения: 04.10.2021).

²¹ Kashubsky M. Protecting Offshore Oil and Gas Installations: Security Threats and Countervailing Measures. 11 December 2013. URL: http://www.ensec.org/index.php?option=com_content&view=article&id=476:protecting-offshore-oil-and-gas-installations-security-threats-and-countervailing-measures&catid=140:energysecuritycontent&Itemid=429 (дата обращения: 04.10.2021).

²² См.: Крымская К.В. Современный международно-правовой режим искусственных островов, установок и сооружений на континентальном шельфе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 161–169.

новить Sell» активисты Greenpeace самовольно высадились на финские ледоколы Nordica, зафрахтованные компанией Shell, после чего были задержаны финской полицией. Заметим, что по результатам обращения компании Shell в окружной суд штата Аляска с требованием о принятии временных обеспечительных мер и выдаче временного судебного запрета, запрещающих Greenpeace принимать опасные и незаконные действия, которые могут нанести существенный ущерб собственности компании и поставить под угрозу окружающую среду и жизнь людей, судом было удовлетворено данное требование.

17 августа 2017 г. активисты Greenpeace с ледокола Arctic Sunrise вошли в зону безопасности в Баренцевом море вокруг платформы Songa Enabler, принадлежащей компании Equinor (на тот момент — Statoil), и потребовали прекратить бурение, ссылаясь на то, что выдача лицензий на разведку и разработку норвежского шельфа якобы противоречит Конституции Норвегии. После отказа нарушителей добровольно покинуть зону безопасности, Норвежская береговая охрана арестовала всех активистов, включая находившихся на ледоколе (всего 35 человек), и отбуксировала судно в порт Тромсё. 21 августа Норвегия, выполняя обязательство по статье 73 (2) Конвенции 1982 г., освободила судно и всех активистов.

В сентябре 2013 г. активисты Greenpeace попытались провести акцию против морской ледостойкой платформы «Приразломная» на континентальном шельфе России: несколько активистов произвели спуск с материнского судна — ледокола «Арктик Санрайз» под флагом Нидерландов — надувных лодок, направленных на российскую платформу, и, нарушив зону безопасности, попытались закрепиться на платформе, после чего были задержаны правоохранительными органами РФ. Ситуация с привлечением

ответственности нарушителей и разрешением спора, в связи с арестом судна «Арктик Санрайз» получила широкое освещение в отечественной и зарубежной науке²³. Заметим также, что она выявила проблему совершенствования российского уголовного закона в части установления специальной уголовно-правовой охраны морских установок и сооружений, с учетом соблюдения международно-правовых обязательств и обеспечения национальных интересов России²⁴.

**Международно-правовой режим охраны
морских установок и сооружений
и проблема имплементации
международно-правовых положений
в национальном законодательстве**

Характеризуя международно-правовые основы обеспечения безопасности морских платформ, с опорой на специ-

²³ См., например: Захарова Л.И. Решение по делу “Arctic Sunrise” об установлении предварительных мер, вынесенное Международным трибуналом по морскому праву (Королевство Нидерланды против Российской Федерации) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 6. С. 82–86; Толстых В.Л. Международный арбитраж против морского права (анализ решений по делам Arctic Sunrise, о Южно-Китайском море и спору между Хорватией и Словенией) // Московский журнал международного права. 2019. № 3. С. 128–140; Mossop J. Protests against Oil Exploration at Sea: Lessons from the Arctic Sunrise Arbitration // The International Journal of Marine and Coastal Law. 2016. № 1. P. 60-87; Silveira P.C., Garbaccio G.L. Protest at Sea: the Arctic Sunrise Case and the clarification of Coastal States Rights // Sequência (Florianópolis). 2019. P. 32–46. URL: <https://www.scielo.br/j/seq/a/SfSvBCnb7M5DCtSXRvtdTJn/?lang=en> (дата обращения: 04.10.2021).

²⁴ Об этом см.: Международно-правовые основания противодействия преступлениям, посягающим на безопасность стационарных платформ в акваториях Российской Федерации / А.Н. Вылегжанин, С.А. Лобанов, А.Ю. Скуратова // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 2. С. 321.

альную литературу²⁵, с учетом содержания международно-правовых норм, выделим три группы источников:

- **Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.;**
- **Международный кодекс по охране судов и портовых средств;**
- **Протоколы о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1988 г.²⁶ и 2005 г.²⁷**

Не углубляясь в анализ содержащихся в представленных источниках международно-правовых положений, выделим главное, что их характеризует и лежит в основе приведенной классификации.

Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. не содержит специальных норм о противодействии противозаконным актам, посягающим на безопасность морских установок и сооружений, а также квалификации таких преступных действий. Вместе с тем она устанавливает ряд международно-правовых инструментов, посредством которых прибрежное государство, под чьей юрисдикцией находится соответствующая установка или сооружение, осуществляет

²⁵ См.: Абрамов Н.С. Международно-правовой режим морских нефтегазовых платформ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 74–103; Крымская К.В. Современный международно-правовой режим искусственных островов, установок и сооружений на континентальном шельфе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 82–132; Вылегжанин А.Н., Крымская К.В. Международно-правовой режим искусственных островов и иных стационарных конструкций в море // Московский журнал международного права. 2018. № 2. С. 42–57; Мороз Е.Н. Правовые проблемы и перспективы делимитации континентального шельфа в Арктике // Международное право. 2021. № 2. С. 37–48 и др.

²⁶ Данный Протокол принят к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 г.

²⁷ Данный Протокол принят к Протоколу 1988 г., развивает его положения с учетом современных требований противодействия актам международного терроризма в отношении рассматриваемых объектов.

меры, направленные на предупреждение актов незаконного вмешательства, а также (по обстоятельствам такого вмешательства) — по обеспечению ответственности нарушителя. Среди указанных инструментов особое место занимают зоны безопасности, устанавливаемые вокруг морских установок и сооружений.

Позитивно оценивая сам факт установления правового статуса зон безопасности в источниках международного морского права²⁸, следует также согласиться с высказываемым в литературе мнением, согласно которому, в современных условиях существует потребность повышения эффективности указанных зон на основе сбалансированного правового режима²⁹.

Следует также учитывать роль национального законодательства в реализации потенциала зон безопасности, имеющийся в этой части передовой зарубежный опыт (Норвегии, США и др.)³⁰. В частности, следует указать на регулирование правовыми актами США порядка входа в зону безопасности с целью проведения протестов (в российском праве такого порядка нет, что, по всей видимости, выглядит пробелом, требующим восполнения). Кроме того, применительно к режиму зон безопасности, устанавливаемых вокруг платформ в Арктике, специальными правовыми актами США предусматривается возможность примене-

²⁸ Здесь заметим, что данный институт был установлен еще в Конвенции о шельфе 1958 г., развит в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.; кроме того, детализация конвенционных положений проведена в ряде резолюций Международной морской организации (ИМО).

²⁹ Подробнее об этом см.: Абрамов Н.С. Международно-правовой режим морских нефтегазовых платформ : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 101–103.

³⁰ Подробнее об этом см.: Крымская К.В. Современный международно-правовой режим искусственных островов, установок и сооружений на континентальном шельфе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 100–117.

ния Береговой охраной (органом, в компетенцию которого входят вопросы управления и обеспечения безопасности на внешнем континентальном шельфе) мер уголовной ответственности (criminal sanctions) для обеспечения режима зоны безопасности³¹.

Международный кодекс по охране судов и портовых средств (Кодекс ОСПС)³² включен в представленную классификацию с определенной долей условности и с существенными оговорками. Дело в том, что при разработке Кодекса ОСПС в полной мере обоснованно не рассматривался для применения к морским нефтяным сооружениям и применяется к судам, портам и морским передвижным буровым установкам, совершающим международные рейсы. Соответственно, он не применяется (что также в полной мере обоснованно) к стационарным и плавучим платформам, блокам плавучего хранения и отгрузки, плавучим хранилищам, морским передвижным установкам на месте.

Тем не менее следует учитывать положение п. 4.19 Кодекса ОСПС о том, что за введение надлежащих мер охраны для стационарных, плавучих платформ и морских передвижных буровых установок, находящихся на месте разработки, отвечает само договаривающееся правительство.

Следует обратить внимание на то, что Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 13 октября

³¹ Там же. С. 128–129.

³² Резолюция № 2 Конференции Договаривающихся правительств Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 года «Международный кодекс по охране судов и портовых средств» (Кодекс ОСПС) (Принята 12.12.2002) // Бюллетень международных договоров. 2011 (приложение № 1, ч. 5). С. 454–535. В силу поправок к приложению к Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 года, одобренных 12 декабря 2002 года резолюцией 1 Конференции Договаривающихся правительств Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 года, Международный кодекс по охране судов и портовых средств должен приобрести обязательную силу согласно этой Конвенции.

2010 г. № 21 «О применении положений главы XI-2 Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 г. и Международного кодекса по охране судов и портовых средств в отношении стационарных и плавучих платформ, морских передвижных буровых установок, которые находятся на месте разработки континентального шельфа Российской Федерации» устанавливает, что «в отношении стационарных платформ, осуществляющих взаимодействие с судами, совершающими международные рейсы, применяются положения СОЛАС и Международного кодекса по охране судов и портовых средств, относящиеся к портовым средствам, обслуживающим суда, совершающие международные рейсы».

Между тем, принимая во внимание отмеченные выше особенности Кодекса ОСПС и сферу его действия, отраженный в приведенном Приказе Минтранса России подход, не без оснований оценивается исследователями, как противоречащий действующим нормам международного морского права³³.

Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе 1988 г. в отличие от приведенных выше источников содержит именно специальные международно-правовые нормы об охране морских платформ от преступных посягательств на их безопасность, а именно:

- очерчивает круг преступных действий террористического характера, посягающих на безопасность стационарных платформ;
- предусматривает юридические обязательства для государств-участников, направленные на имплементацию

³³ Крымская К.В. Современный международно-правовой режим искусственных островов, установок и сооружений на континентальном шельфе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 124.

цию международно-правовых положений по борьбе с указанными преступлениями во внутригосударственном праве.

Протокол 2005 г. к Протоколу 1988 г. предусматривает ряд новых положений, ориентированных на повышение эффективности механизма противодействия актам терроризма на море, однако Россия (как и большинство государств) в нем не участвует.

По обстоятельствам ратификации Российской Федерацией Протокола о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1988 г. следует вести речь о необходимости имплементации положений данного международно-правового акта в национальном уголовном законе. Последовательная реализация данного подхода, очевидно, повысит уровень охраны морских установок и сооружений, расположенных на континентальном шельфе России, включая Арктическую зону РФ.

В заключение заметим, что охрана морских установок и сооружений, в частности, расположенных в Арктическом регионе, предполагает целый комплекс мер, включающих в себя в том числе элементы военно-морской политики³⁴. Деятельность прибрежных государств по обеспечению охраны, находящихся под их юрисдикцией, морских нефтегазовых объектов должна строиться в строгом соответствии с основными принципами международного права (Устав ООН, ст. 2) и юридически обязательными для государства нормами международного права (в силу обычного характера или факта участия в международном договоре).

³⁴ Емельянцева В.П., Валентей С.Д. Арктика в ракурсе новейших законодательных инициатив // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 136–153.

Нешатаева Татьяна Николаевна,
проф., д-р юрид. наук,
Российский государственный
университет правосудия

Независимость суда и судей в цифровую эпоху

Прежде всего в настоящем исследовании следует показать основные линии развития евразийской интеграции, так как приводимые ниже примеры судебной практики относятся к деятельности Суда Евразийского экономического союза.

Подчеркну, что придерживаюсь классического четкого понимания соотношения правовых систем: в мире существует международное право (обычное /общее/ и договорное) и национальные правовые системы (около 200). Такие системы обладают обязательностью правил и механизмом принуждения к их исполнению.

Имея в виду независимость как второй элемент суверенитета, государства автономны (независимы) в наборе заключенных международных договоров, но обязаны соблюдать общие императивные нормы международно-правового характера *jus cogens* (принципы — статья 53 Венской конвенции о праве международных договоров). Следовательно, у каждого государства есть своя автономная часть международных договоров, заключенных с другими субъектами международного права, в том числе с международными организациями. Последние — вторичный субъект международного права и заключают лишь те договоры, которые разрешают

заключать государства — члены организации. Организация не имеет суверенитета, независимости и, следовательно, у нее не может быть полностью автономной части международного права. Безусловно, международная организация может заключать договоры, но с согласия государств-учредителей (участников). Следовательно, договорная часть права международной организации не автономна (самостоятельна). Иное — попытка выдать международную организацию за государство. Последнее и происходит в ЕС: подкрепляется практикой Суда ЕС и научными работами¹, авторы которых утверждают, что ЕС превращается в государство. Но ЕС так и не превратился в государство — возражают народы и государства-члены (Великобритания вышла из организации), референдумы в государствах-членах не поддерживают идею общего государства. Не следует желать такой судьбы ЕАЭС, создающему свое внутреннее, но не автономное право, и развивающемуся как международная наднациональная организация.

Право — самая точная социальная наука, в чем-то сродни математике. Главное в праве — понимание иерархии и генезиса норм, основы права. Отклонение от основ в праве — уход в политологию и другие науки. Отсюда построение направлений развития общества, но не права. Приписывание международной организации характеристик государства приведет к конфликтам с учредителями организации. Суд ЕАЭС призван избегать подобного хода развития международных отношений, прежде всего, через точное оформление правовых связей в общественных отношениях.

¹ Перспективы, потребности и подводные камни конституционализации ЕС и ЕАЭС // В.В. Войников, Е.Г. Энтина, М.Л. Энтин // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 89–103; Энтин К.В. Роль международных договоров и международного обычного права в правовом порядке ЕС и ЕАЭС // Международное правосудие. 2021. № 1 (37). С. 102–130.

Следует остановиться на вопросе о взаимоотношении международного и национального права, учитывая, что на эту тему многое уже сказано: приоритет применения за международными нормами, как утверждает Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, которая закрепляет, что принципы права — это обычные нормы, которые формируются практикой народов и государств порой несколько тысячелетий. Как отметил Борис Джонсон в своей книге на эту тему «С мечтой о Риме»², лучшая интеграция, которая была в мировой истории, — это Римская империя. Все остальные интеграции, которые кто-то пытается создать, повторяют римский опыт, но не всегда удачно. С Древнего Рима известно, что человечество, разделенное на народы и государства, будет общаться друг с другом только на основе общих правил, а эти общие правила заложены в международной норме — договорной и обычной. Не будет международного права — не будет общения. Но это невозможно: общение народов, государств продолжается на постоянной основе. Поэтому с международным правом все в порядке, его нормы имеют приоритет в применении — как договоры, так и общие принципы, сформированные обычаем, практикой. Сначала применяют общее, затем переходят к частному и национальному. В таком случае, если какой-то орган неправильно понял международное право, то конституционный суд государства поправит. Например, Конституционный Суд РФ вправе определить, что понимает норму по-другому. Не возражаю против такого подхода, потому что сегодня, будучи судьей международного суда, понимаю, что именно ментальные различия народов являются определяющими в развитии человечества³. Защитить человека на основе национальной правовой системы

² Джонсон Б. С мечтой о Риме. М., 2017.

³ Нешатаева Т.Н. Суд и право: евразийская интеграция. М., 2021.

и национального суда — это правильный подход. Но к взаимодействию международного и национального права такие ментальные разночтения и различия в правопонимании не имеют никакого отношения. Впрочем, разночтения — источник развития права, из его разнообразного толкования и рождаются новые нормы.

Вернемся к региональному международному праву. Сегодня оно объективно для России развивается в рамках ЕАЭС и развивается эффективно. Назову основные направления, которые, на мой взгляд, получились эффективно и рационально.

В первую очередь, в ЕАЭС, конечно, получилось создать общий рынок. Так же, как в Европе сложился общеевропейский рынок, у пяти государств — членов ЕАЭС⁴ сложился общий евразийский рынок, который действует на основе общих правил — международных, то есть на основе правил международного договора, которые затем развиваются в решениях международной организации — ЕАЭС. В свою очередь решения международных организаций — это простейшие формы договора, упрощенная форма принятия договоров (государства передают организации свою функцию по формированию договоров). Решения международной организации носят такой же международный характер и в иерархии нормативных актов занимают то же место, что и международные договоры, применяются в приоритетном порядке.

Общий рынок ЕАЭС еще не сложился окончательно, все-таки имеется достаточно барьеров, изъятий, ограничений. ЕЭК работает над их устранением, но этот процесс постоянный, жизнь порождает новые изъятия и ограничения (например, связанные с пандемией COVID-19), которые

⁴ Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация.

потом снова придется устранять на международном уровне. Многие из конфликтных вопросов, касающихся ограничений, оспариваются в Суде ЕАЭС, учитывая, что Суд ЕАЭС — это суд нормоконтроля. Суд должен проверить, насколько решения Комиссии (ЕЭК) и договоры, заключенные ею, соответствуют общему Договору о ЕАЭС и, конечно, соответствуют общим принципам международного права и тем международным договорам, в которых участвуют все государства-члены. Суд ЕАЭС работает на основе норм международного права, соблюдая его структуру и иерархию норм.

Кроме общего рынка, конечно, уже сложились общие таможенные отношения. Действует Таможенный кодекс ЕАЭС, который является международным договором. И здесь также возникает очень много проблем во взаимодействии международного договора и национального права.

Например, в настоящее время в Суде ЕАЭС появилась новая тенденция: предложено считать, что правоотношение может стоять одной ногой в международном договоре, а другой — в национальном праве⁵. С точки зрения теории права это совершенно невозможно. К сожалению, многие специалисты теорию права изучали заочно, что значит — незначительно и неглубоко. Отсюда — противоречивая, разнообразная практика в одном суде. Скорее всего, и этот разноречивый Судом ЕАЭС будет преодолен.

Можно сказать, что сложился общий рынок труда. Безусловно, и здесь есть изъятия и ограничения, но общий рынок труда на пять стран сложился. Суд ЕАЭС и в этом вопросе оказывает свое активистское влияние на развитие права⁶.

⁵ Решение Коллегии Суда ЕАЭС от 27 апреля 2021 года по делу по заявлению ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» и особое мнение судьи Т.Н. Нешатаевой.

⁶ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 17 декабря 2018 года по делу по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяс-

Начал складываться рынок общей сертификации товаров в области медицинских услуг и в области лекарств. Здесь ЕАЭС в начале пути, но этот рынок также складывается как общий, на основе единых стандартов⁷.

Самое главное, что уже получилось в ЕАЭС, — созданы международные органы управления интеграцией. В ЕАЭС созданы органы двух типов: два органа работает по классической межправительственной схеме, то есть на основе договора, на принципе согласования воле государств — это Высший Евразийский экономический совет, в который входят президенты пяти стран, и Евразийский межправительственный совет, в который входят премьер-министры. В работе этих органов никаких новаций нет с точки зрения международного права: президенты и премьеры договариваются, согласуют, решения принимаются консенсусом — классическая межправительственная, межгосударственная схема создания норм международного права. Есть, конечно, особенность при голосовании в этих органах, которую и считаю главным организационным минусом, который тормозит развитие интеграции: многие вопросы принимаются консенсусом, которого даже на три или пять стран бывает достичь практически невозможно, а учитывая возможное присоединение других государств, станет еще сложнее — чем больше стран в организации, тем менее достижим консенсус⁸.

нении применение пункта 2 статьи 97 Договора в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами, являющимися гражданами государств-членов, и возможности установления в национальном законодательстве количественных ограничений в отношении указанной категории лиц при осуществлении трудовой деятельности в государствах-членах.

⁷ Решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС по делу по заявлению ОДО «Доминантафарм».

⁸ См. об этом: Schermers H.G., Blokker N.M. *International Institutional Law*. Leiden, 2011.

Например, в Европейском союзе Германия и Франция предложили саммит России и ЕС, но десять стран заблокировали его — консенсус не был достигнут. Для наднациональных экономических организаций выбор консенсуса при голосовании скорее ошибочен: вернее — взвешенное голосование (количество голосов зависит от экономической квоты государства в общей экономике). Тем не менее в настоящее время консенсус действует в межправительственных структурах ЕАЭС.

В экономических отношениях международная экономическая организация не может работать на основе политических принципов, к которым относятся консенсус и большинство голосов, у такой международной организации должны быть иные механизмы. Так, многие состоявшиеся экономические организации работают на основе принципа взвешенного голосования, которое учитывает экономический вклад той или иной страны в каждый конкретный вопрос. При этом взвешенное голосование — это очень интересный механизм, выгодный не только для «больших экономик», потому что малые страны тоже могут объединять свои голоса, как это происходит в ВТО, и могут лоббировать свои интересы в решениях, как это происходит и в МБРР, и в МВФ. Поэтому этот принцип, конечно, с одной стороны, отражает экономическое положение государства в союзе, но с другой стороны, и учитывает интересы тех стран, у которых экономика не занимает большой доли в союзе.

Евразийская экономическая комиссия и Суд Евразийского экономического союза — два наднациональных органа в ЕАЭС: по форме являются профессиональными (похожи на то, как работают МБРР, МВФ и, конечно, ЕС). В эти органы должны входить профессионалы в области международных экономических отношений. Как в Суд, так и в Комиссию, должны назначаться профессионалы — междуна-

родники, экономисты и юристы. Эти органы обладают очень широкими полномочиями. И Суд, и Комиссия могут принимать обязательные для государств-членов, а также их юридических и физических лиц, решения в сфере экономики. Уставные документы этих органов самодостаточны, особенно в области оформления профессиональных полномочий, гарантий и иммунитетов. Последнее дает возможность работать на общее благо, что не исключает раздраженной конкуренции с национальными властями⁹.

Создание эффективной структуры интеграции в ЕАЭС можно отнести к плюсам: основа интеграции заложена. Однако многое еще не сделано или функционирует неэффективно. Прежде всего необходимо совершенствовать процессуальное оформление деятельности органов ЕАЭС.

Отсутствие правильного процедурного момента, приспособленного к обоснованным материально-правовым нормам приводит к тому, что возникает двойственность: во-первых, получается так, что страны, которые вносят очень небольшой вклад в общее экономическое развитие, пытаются вести себя при решении тех или иных вопросов только с позиции «все мне отдай: заслужил древностью, малым составом, историческими победами и прочим». Но, с другой стороны, страны, которые имеют очень большой потенциал (достаточно сказать, что 90% элементов таблицы Менделеева могут находиться в недрах земли этих государств, как, например, в Казахстане), будут считать по-иному: «я свое не отдам, у меня много всего есть, и я найду метод, как влиять на наднациональный орган,

⁹ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 20 декабря 2018 года по делу по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

чтобы решение выносилось в мою пользу». Такие проявления национального эгоизма наблюдаются и в других международных организациях. Профессионал — международный деятель должен работать на общий интерес, на общее благо, но нередко на пути решения общих задач становится национальный эгоистический момент, когда личное становится важнее публичного. Принцип личного интереса становится более важным, чем принцип защиты публичного блага. Известно, что на первом этапе развития интеграции этот национальный разрыв был везде — и в ЕС, и в МВФ, и в Европейском суде по правам человека, и в других организациях. Именно по этой причине Борис Джонсон считает Древний Рим лучшей интеграцией — там срабатывала справедливость во всех случаях. Но кто знает, что в древности было на самом деле? Тем не менее современные успешные интеграционные структуры нашли и находят механизмы, как негативные националистические явления преодолеть. В ЕАЭС эти механизмы еще не найдены. Подчеркнем, что неверно подобранные процедурные инструменты, не соответствующие материальным нормам, приводят к цветущему национальному эгоизму, замедляют интеграцию. Последнее и ведет к тому, что наднациональные органы работают нестабильно, непоследовательно и неединообразно. Для ЕАЭС это будет непросто, ибо, как отмечалось, для наших государств характерен процессуальный нигилизм¹⁰.

У Суда ЕАЭС в этом вопросе особая роль: через спор проявляются конфликты, которые показывают, как сложно, противоречиво развивается как национальная практика, так и общее наднациональное единообразие в сфере решения общих задач. Скорее всего, в этом вопросе ничего никогда не изменится: национальная практика всегда будет «тянуть

¹⁰ Яблочков Т.М. Курс международного гражданского процессуального права. Ярославль, 1909.

одеяло на себя», а наднациональная практика общих органов должна вытянуть на общий интерес, не позволяя личному интересу преодолевать публичное благо. Ранее Суд (ЕврАзЭС, ЕАЭС), в принципе, последовательно с этим справлялся, разными способами — через решения, консультативные заключения, особые мнения (часть правовых позиций из которых уже вошли в позитивное наднациональное право). Суд определял, как правильно понимать и применять норму международного договора, уточнял эти нормы. Можно привести много примеров: позиции Суда вошли в основной Договор в области государственных закупок, сейчас меняются положения о проведении Комиссией мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза. ЕЭК должна проверять не только регулирующее воздействие нормативного акта, но и фактическое применение этого акта национальными судами и органами исполнительной власти¹¹.

И конечно, в очень значительной мере в будущем практика Суда будет оказывать влияние на новые сферы, переданные в наднациональную компетенцию: антимонопольное регулирование¹², интеллектуальная собственность, впереди передача всех вопросов, связанных с энергией и т.д.

Итак, несмотря на то, что наднациональные отношения развиваются непросто, схватки вокруг вопроса, что важнее — международное право или национальное право, продолжаются, будущее за общим развитием — интеграцией. В таком контексте Суду ЕАЭС отведена перспективная роль локомотива в развитии правовой интеграции, без которой невозможна интеграция экономическая.

¹¹ Решение Коллегии Суда ЕАЭС от 11 октября 2018 года по делу по заявлению ООО «Ойл Марин Групп».

¹² Например, решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 6 ноября 2020 года по делу по заявлениям ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК».

Имея в виду общее международное право, следует сделать вывод, что ЕАЭС сложился как международная экономическая организация современного типа — как наднациональный союз. Некоторые считают, что когда-нибудь этот союз станет государством — федерацией. Более того, уже и диссертации пишутся на эту тему. В Европе дебаты о создании государства — Соединенных Штатов Европы — идут уже очень давно. Вопрос о преобразовании организации в государство ставился на референдум (голосование), и народы государств-членов выступили против. Вряд ли мы увидим такую трансформацию в ближайшее время. В ЕАЭС развитие пойдет таким же образом: каждое государство будет развивать свою суверенную самоидентичность, свою традиционную культуру, но в то же время в тех вопросах, которые будут иметь общий характер, передавать их решение на общий, то есть наднациональный уровень. Необходимо обозначенные вопросы решать эффективно, грамотно, основываясь на науке международного права, на понимании, какой вопрос можно решить единообразно — консенсусом, а какой требует иного способа голосования, и т.д. Экономические вопросы обязательно должны базироваться на составляющей экономического благосостояния Союза в целом. Новации нужны и в Суде ЕАЭС: от европейцев пришла структура с апелляцией и кассацией в одном суде. Сегодня в Суде ЕС уже возникли отдельные суды — первая инстанция и апелляционная, но не в одном суде. Кроме того, в Российской Федерации в свое время первая инстанция и апелляция находились в одном арбитражном суде: ничего, кроме скандалов и коррупции, это соединение не порождало и привело к тому, что судебная система была перестроена на отдельные суды — апелляционные и кассационные суды округов. Судебные системы с разделением на суды первой, второй (апелляция) и третьей (кассация) инстанций, находя-

щиеся в разных местах, — эффективны. Это следует учесть и при трансформации Суда ЕАЭС.

Итак, следует изменить методы голосования по экономическим вопросам в наднациональных органах, следует изменить структуру единого Суда — все международные судьи должны решать важные вопросы вместе и единообразно в одной структуре или разделить состав на две институции.

Верный подбор организационно-судоустройственных элементов, соответствующий материально-правовой норме — это то, что в Суде ЕАЭС гарантирует защиту прав человека, предпринимателя, гражданина любой из наших стран без возникновения конфликтных ситуаций¹³.

Конфликт, замедляющий интеграцию, может возникнуть и при оценке правосудия общественностью, например, в цифровой среде.

Например, на сайте pravo.ru появилась информация о том, что 78 % юристов считают, что наиболее значимой (читай — эффективной) формой давления на суд являются публикации в СМИ и в интернет-изданиях (моббинг, буллинг)¹⁴. Последнее утверждение верно и для Суда ЕАЭС: эта форма взаимодействия с общественностью становится особо значимой.

Во-первых, приходится констатировать, что виртуальные формы воздействия на судью и влияние на его независимость являются сегодня наиболее действенными и опасными.

Во-вторых, новые формы, по сути дела, не регламентированы законодательно, и, следовательно, не предусмотрены

¹³ Решение Коллегии Суда ЕАЭС от 27 апреля 2021 года и решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 9 июня 2021 года по делу по заявлению ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг».

¹⁴ Выиграть нельзя проиграть: перспективы судебного PR. URL: <https://pravo.ru/story/231404/>

никакие средства наказания за давление на судью в таких формах.

В-третьих, дело осложняется еще и тем, что каждый раз заказные публикации в СМИ и на интернет-ресурсах маскируются под что-то иное, например, под научное исследование или борьбу за справедливость или еще какую-либо высокую политико-гуманитарную цель. Но в конечном итоге целью таких публикаций являются не решение названных задач, а влияние на суд с целью изменения судебных актов путем появления «нужного» решения или с целью ликвидировать авторитет конкретного судьи или суда в целом, или, что особо опасно, с целью формирования ложного авторитета нечистоплотного или амбициозного судьи.

В связи с такой маскировкой доказать, что в публикации преследуется иная цель (а именно — ликвидация независимости и беспристрастности в суде), бывает достаточно трудно, как и установить лживый (фейковый) характер заметки. Известно, как тяжело бороться с фейками в любой сфере. Например, в мире сейчас сложно идет вакцинация против коронавируса в том числе потому, что очень много фейковых новостей о вакцинах и пандемии в целом. Утверждают, что пандемии нет, а вакцины губительны для здоровья. Как следствие, люди отказывались прививаться. Известно, что Китай ввел в 2020 году уголовную ответственность за фейковые новости о вакцинах в СМИ и на интернет-ресурсах, но в других странах такая ответственность отсутствовала. В России, в свою очередь, лишь с 1 апреля 2020 года в УК РФ введена статья 207 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» с ответственностью в виде штрафа. Понятно, что ответственность за фейки, лживые сведения в интернет-ресурсах по поводу вакцин и пандемии, в условиях опасности для населения целых стран, — это действительно серьезно.

В других сферах социальной жизни опасность недооценивается. Так, фейки про суд, правосудие и конкретных судей не будут считаться столь же тяжелым правонарушением, требующим уголовной ответственности, но в конечном итоге они также вредоносны и приведут к тяжкому результату в общественном развитии государства — потере доверия к суду.

Особо опасно это явление, если рассмотрение дела не закончено и суд не вынес окончательного решения, но публикации по делу, находящемуся на рассмотрении, уже оказывают влияние на суд. Последним примером такого рода служит публикация на сайте zakon.ru по делу «ДХЛ Глобал Форвардинг». Дело находилось в Апелляционной палате Суда ЕАЭС, решение еще не было принято, но были выпущены якобы научные обзоры, направленные на то, чтобы Апелляционная палата отменила решение Коллегии Суда. Сомнений в том, что это произойдет, практически не было, и заказчик таких действий, в общем-то, известен — это ответчик по делу. Спор касается вопроса солидарной ответственности таможенных брокеров, норма о которой закреплена в международном договоре. Ответчик — наднациональный орган — считает, что в договоре прописаны лишь права и что ответственность возникает из национального закона. Суд сказал: и права, и обязанности существуют в одном акте — международном договоре (парная категория всегда едина), и национальные суды должны применять этот международный договор. В публикациях предлагается отказаться от этой позиции со ссылкой на особое мнение судьи, считавшего, что парная категория «право — обязанность» подлежит расчленению¹⁵.

¹⁵ Особое мнение судьи Э.В. Айриян к решению Коллегии Суда ЕАЭС от 27 апреля 2021 года по делу по заявлению ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг».

Отвлекаясь от «математики», подчеркнем суть конфликта, которая проста: 1) власть, чиновник, административное лицо в суде — всегда правы, 2) человек, предприниматель — всегда неправ, в то время как 3) суд — традиционно подчиненный правоприменитель, призванный поддерживать исполнительную и административную власть, и, следовательно, имеет право расчленить любую категорию. Названная триада существует века и направлена на уничтожение независимости суда и судей. При реализации триады в суде используется административный ресурс, в данном случае — власть руководителя. Новые формы — обращение к СМИ, интернету — к триаде ничего не добавили, за исключением общественного резонанса и осложнений в решении интеграционных задач. Поэтому сейчас следует остановиться только на самом явлении давления в виртуальной реальности, попробовать его определить и спрогнозировать, какие меры предотвращения негативных последствий для социальной жизни от этого явления можно в будущем предпринять. И, конечно, остановиться на вопросе, что само судейское общество может в этом направлении сделать.

Во-первых, что это за явление, которое используется в СМИ, интернет-ресурсах против конкретного суда или судьи с целью повлиять на правосудие. Эти явления получили свои названия из отраслей психологической науки — это моббинг и буллинг.

Моббинг — форма психологического насилия в виде массовой травли, психологическое притеснение, систематически повторяющееся враждебное и неэтичное поведение группы лиц или коллектива в целом по отношению к одному члену коллектива. В настоящее время для моббинга используются интернет-ресурсы, через заказные публикации.

Буллинг — травля, агрессивное преследование одного из членов коллектива, регулярное психологическое или фи-

зическое давление на жертву, постоянные намеренные негативные действия, направленные на одного и того же человека, также с использованием интернета.

По сути это схожие понятия, разница обычно усматривается в количестве субъектов: при моббинге (от английского mob — толпа) группа лиц изводит одного из работников, а при буллинге (от английского bull — бык) чаще всего предполагается травля «один на один». Поэтому в интернете судью травит обычно один из назначенных коллективом или администратором блогеров.

Моббинг в широком смысле, конечно, как явление предполагает, что используется группа лиц с целью давления на конкретного несогласного судью, чтобы он никогда не высказывал собственной позиции и не проводил собственного мнения, чтобы он всегда был зависим от группы, массы и административной власти. В психологии это явление очень широко разработано. Считается, что в группу входят и то лицо, которое заказывает такую форму давления, и то, которое исполняет, и выгодоприобретатель, который получает выгоду от этих действий.

Когда это происходит в суде, страдающей стороной всегда является как конкретный предприниматель — сторона в споре, так и суд, судья, и — в нашем случае — система международного правосудия в целом.

Буллинг — явление несколько иное, оно всегда направлено против конкретного человека (в нашем случае — конкретного судьи) с целью его дискредитации, снижения его авторитета. Это предполагает, что последний у судьи уже имеется. В отличие от моббинга, у которого чаще всего есть результат в виде отмены судебного акта, буллинг не всегда имеет такой явный результат. Очень часто лицо, которое подвергается такому гонению, в конечном итоге оказывается даже в выигрышном положении, потому что общество

разумно и чаще всего именно гонитель будет вызывать большие сомнения, в то время как преследуемой лицо в конечном итоге (если выдержит) получит поддержку¹⁶.

Названная выше публикация примечательна тем, что имеет две части, использует обе методики: моббинг в первой части от 21 мая 2021 года и буллинг во второй от 27 мая 2021 года.

В первой части упомянутой публикации от 21 мая 2021 года о деле «ДХЛ Глобал Форвардинг» перевозносятся особые мнения двух судей — председателя Суда и судьи-докладчика — против тех судей, которые приняли решение большинством. Это может означать, что те люди, которые остались при голосовании по делу в меньшинстве, сделали все возможное, учитывая их административный ресурс для того, чтобы в Апелляционной палате это решение не устояло. Следует отметить, что методика моббинга применяется не в первый раз: таким же образом подобное было совершено как по делу АО «Транс Логистик Консалт», так и в отношении особых мнений к постановлению Большой коллегии Суда ЕАЭС о прекращении производства по запросу Министерства национальной экономики Республики Казахстан, а также по делу Суда ЕврАзЭС по запросу Министерства экономики и бюджетного планирования Республики Казахстан о разъяснении положений Соглашения о государственных (муниципальных) закупках от 9 декабря 2010 года. Похожим образом обстояли дела и в спорах ООО «Монокристалл» и ЗАО «Санофи-Авентис Восток»: как только были организованы псевдообсуждения, замечания или пуб-

¹⁶ Следует отметить, что внутренние правила международных организаций (например, Staff regulations of officials of the European Union) как обозначают эти явления, так и развивают судебную практику по запрещению таких явлений (например, решение Трибунала по делам гражданской службы от 11 июля 2013 года по делу Tzirani v. Commission (F-46/11)).

ликации, решения первой инстанции отменялись или иное мнение не рассматривалось: в Суде торжествовала позиция исполнительного органа или должностного лица. Таким образом, можно сделать вывод, что это было прямое вмешательство в судебный процесс и прямое давление на суд. Исполнителями заказа всегда были примерно одни и те же лица, которые впоследствии заявлялись на участие в конференциях, где рапортовали об успехах в деле отстаивания позиции органа исполнительной власти. Подобное действие заявлялось и в деле ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг»: на 9 июня 2021 года во время рассмотрения вопроса в апелляционной инстанции (решение Коллегии Суда отменено с формулировками, предложенными в моббинговых публикациях) назначена конференция с теми же участниками, что действовали в ходе рассмотрения дела в Суде. К сожалению, все это происходило до вынесения окончательного решения по делу. Данные факты свидетельствуют о прямом вмешательстве в судебный процесс с целью изменения судебной практики в пользу органа исполнительной власти (договор не предоставляет бизнесу прав) интеграционного союза, но против обоснованной правом позиции предпринимателей, а, следовательно, и против достижения интеграционных целей, а также против интеграционного правосудия.

Можно было бы предположить, что судьи должны уметь этому противостоять. Чаще всего так и происходит. Но не всегда, потому что судьи не боги, а люди и, конечно, отличаются друг от друга и по психологической стойкости, равно как и, в первую очередь, по компетентности, во-вторых, по морально-этическим качествам, в-третьих, по вопросам понимания, что такое конфликт интересов и добросовестность.

Коллизия интересов и добросовестность как принципы деятельности суда на протяжении всей истории человечества

понимались людьми абсолютно по-разному, что связано прежде всего с их религиозно-ментальными особенностями¹⁷. По конечному результату можно предполагать, что добро побеждает, но на определенном этапе применительно к судьбе конкретного судьи или конкретного человека это может привести к самым негативным последствиям вплоть до летального исхода¹⁸.

В настоящее время самыми опасными следует считать те формы, которые используются в интернет-ресурсах, потому что к органам СМИ все же можно предъявить какие-либо претензии, доказать недостоверность фактов, приведенных в публикации, и наоборот. Закрыть такой интернет-ресурс за появление в нем информации по делу, которое находится в рассмотрении, или запретить проведение интернет-конференций, если в них участвуют судьи-докладчики по делу (несмотря на то, что такое требование с точки зрения морали понятно и обосновано), с точки зрения права нереально: запрета, как и наказания, не существует.

Поэтому пока право не нашло адекватный механизм реагирования на новые явления в виртуальной среде, говорить всерьез о санкционном механизме в этой части невозможно. Общеизвестно, что право от техники отстает в своем развитии всегда лет на 50. Через лет 50 человечество, конечно, придумает механизм борьбы с этим явлением, в том числе и санкционный, но не сейчас. Поэтому путь применения санкции к лицам, которые занимаются такими вещами, как моббинг, буллинг в интернете следует отвергнуть, полагая, что свобода слова, свобода в интернете важнее в том случае, если публикация не касается жизни и здоровья человека.

¹⁷ См. об этом: Нешатаева Т.Н. Суд и право: евразийская интеграция. М. : Норма, ИНФРА-М, 2021.

¹⁸ См.: Ларина А. «В критические периоды несвобода рождает террор». Андрей Сахаров о том, как защищать права человека в стране, где их не соблюдают // Коммерсант Weekend. 21.05.2021. № 16. С. 6.

В отношении других институтов, таких как правосудие, следует искать иные механизмы.

Во-первых, серьезным противоядием против фейков может послужить публичность — открытое, транспарентное проведение судебных процессов в сети Интернет. В том случае, если после фейковой новости любой пользователь имеет возможность увидеть сам процесс, судебное следствие, появятся условия для формирования собственных выводов и отрицания лжи.

Во-вторых, возможно, в такой ситуации следует применять нетрадиционный, нетривиальный подход: нужно искать более серьезные механизмы назначения судей, в том числе в международный суд. Мы видим, что борьба с этим явлением, за сохранение судебной практики и чистоты правосудия всегда будет основываться на личных качествах судей, на их компетентности, на внутреннем понимании, что можно, а что нельзя делать: понимании, что нельзя заказывать никаких псевдонаучных публикаций, что нельзя во время процесса организовывать интернет-конференции с участием судьи-докладчика и лица, использующего методы моббинга, буллинга против конкретного судебного акта, что нельзя выступать с позиций одной стороны или доказывания своего превосходства (личного, национального, религиозного и т.д.), прежде всего следует думать об интересах правосудия и суда в целом, а не о личных человеческих амбициях: получении ученой степени, административных должностей в международном органе, более высокого вознаграждения, государственных наград, смене гражданства, получении высокой должности в национальном государстве и т.д.

Для преодоления подобных явлений необходимо, чтобы судьи назначались так, как это положено в международных судах, с использованием как национальных, так и международных процедур. Сегодня этот вопрос в ЕАЭС отдан

на решение лишь национальных органов, что приводит к тому, что назначение происходит с использованием нетворкинга (выбор кандидата с помощью круга друзей, родственников и знакомых). Последнее не приводит к тому, что состав Суда становится равным по наполнению как по образовательным, так и по этическим параметрам. Решением проблемы, как всегда, является дискуссия, конкуренция. В отличие от процесса, где конкурировать должны идеи, в случае выбора судей должна быть организована конкуренция претендентов на должность судьи.

Так, в международных судах всегда используется процедура из представления к назначению нескольких претендентов, а международный орган отбирает одну из таких кандидатур. Как правило, при такой процедуре претенденты будут примерно равны по интеллектуальным и морально-этическим качествам. Если не ввести такую процедуру на пять стран — членов ЕАЭС, высока вероятность, что судьи не будут одинаково понимать смысл работы в целях единообразного правопонимания, ценить единообразие судебной практики и поддерживать ее устойчивое развитие. Личные интересы вновь подавят публичные цели.

Кроме того, исходя из особенностей евразийской ментальности претендентов в судьи по-прежнему существует опасность «сакрализации» власти: для многих из претендентов на должность судьи важно занимать административные должности в суде и получать более высокую оплату труда, расширенные льготы, заниматься трудоустройством в международный орган родственников и т.д. Вопрос о единообразии, скорее всего, будет для таких лиц вторичным, если не фантастично-нереальным. Эти вопросы нужно будет решить на следующем этапе оформления евразийских договорных отношений: допускать интернет-процессы и проверять уровень образования претендентов в области

международного экономического права, а также оценивать их представления о сути судебной работы.

Что касается современных санкций за нарушение судейской морали и этики, то в настоящее время к ним относятся меры ответственности, применяемые в органе судейского сообщества в национальных судах (замечание, предупреждение, понижение класса, и т.д.), а для международных судов такой мерой можно считать краткий срок пребывания в должности. Возможно, сменяемость международных судей и является действенным механизмом преодоления нарушений древних принципов права, основанных на морали. Следует признать, что организация моббинга, буллинга через интернет или конференции исключает заказчика из судебного сообщества, уничтожает его репутацию. Возможно, такие лица не получают предложений о судебной работе. Последнее относится и к участникам таких действий. Исполнители же моббинга, буллинга должны нести административную и уголовную ответственность.

Ястребова Алла Юрьевна,
доц., д-р юрид. наук,
Дипломатическая академия МИД России

Международно-правовая защита покровительствуемых лиц в международном гуманитарном праве: содержание и приоритеты

Международное гуманитарное право (МГП) предусматривает, как известно, общее и более узкое понятие покровительствуемых лиц (*Protected persons*). В широком смысле к ним относятся все категории жертв войны, определенные Женевским правом: раненые и больные в действующих армиях; лица, потерпевшие кораблекрушение; военнопленные; гражданское население¹. Институт покровительства распространяется на индивидов, которые пользуются специальными правами по сравнению с другими по причине их большей незащищенности в период вооруженного конфликта. Узкое понятие покровительствуемых лиц применяется в отношении гражданского населения в целом и отдельных его категорий в частности.

Значимость международно-правовой защиты гражданских лиц подтверждается и включением в I Дополнитель-

¹ См.: Чумарев С.Л. Покровительствуемые лица по международному гуманитарному праву: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М. : МГИМО МИД России, 2002. 168 с.; Persons protected under IHL. URL: <https://www.icrc.org/en/doc/war-and-law/protected-persons/overview-protected-persons.htm> (дата обращения: 29.10.2021).

ный протокол к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, 1977 г.² главы II «Гражданские лица и гражданское население» (ст. 51–52). В ней определены принципы защиты, которые должны соблюдаться воюющими сторонами. Здесь же сформулированы запреты использования военных репрессалий в отношении гражданского населения, осуществления неизбирательных нападений, актов насилия или угроз с целью терроризировать его, прикрытия гражданскими лицами военных действий и обязанность сторон применять меры предосторожности.

IV Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г.³ содержит гарантии, связанные с опасными последствиями военных действий, и запрет нападения на гражданских лиц. Здесь в число покровительствуемых лиц включены такие категории, как дети в возрасте до 15 лет; женщины в связи с их особыми потребностями; иностранные граждане, беженцы и апатриды; журналисты, находящиеся в опасных командировках; интернированные лица. Особый международно-правовой статус, приданный покровительствуемым лицам IV Женевской конвенцией 1949 г. (ст. 27–34), и их виды не полностью систематизированы этим международным договором. Как было указано, им установлены отдельные запреты по отношению к гражданским лицам, закреплены принципы гуманности и недискриминации, отдельные права и обязанности таких лиц. Продолжают действовать нормы международного права прав человека (МППЧ), устанавливающие универсальные и региональные стандарты прав и свобод, которые

² Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. М. : МККК, 1997. С. 212–295.

³ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml (дата обращения: 29.10.2021).

государства-участники обязаны применять как в мирных условиях, так и в военное время.

Международно-правовая позиция, выраженная в ряде научных концепций, состоит в том, что нормы МППЧ при вооруженном конфликте взаимодействуют с МГП, определяемом как *lex specialis*, и усилены его применением⁴. В.А. Карташкин справедливо замечает, что «одновременное применение норм МППЧ и МГП позволяет максимально полно защищать основные права и свободы человека» и видит перспективы постепенной интеграции этих отраслей международного права⁵. Сформулировано также противоположное мнение, состоящее в противоречивости совместного применения норм МППЧ и МГП, фрагментации при их взаимодействии, что может приводить к коллизии норм, режимов и методов, сложившихся в данных отраслях на дифференцированной основе⁶.

Согласно международно-правовой оговорке *rebus sic stantibus* (коренное изменение обстоятельств), в военных условиях отменяются или приостанавливаются существовавшие ранее межгосударственные договоры мирного времени. В сфере защиты прав человека автоматическое прекращение международных договоров (таких, как Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.,

⁴ Кареева К.А., Лисаускайте В.В. Коллизии применимого права и принцип *lex specialis* в ситуациях вооруженных конфликтов // Сибирский юридический вестник. 2017. № 3 (78). С. 90–94; Карташкин В.А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке. М. : Норма, 2015; Сассоли М., Бувье А. Правовая защита во время войны. В 4 т. Т 1. М. : МККК, 2008.

⁵ Карташкин В.А. Международное право и личность // Международное и зарубежное право. 2012. № 11. С. 116.

⁶ Исупова М.В. Соотношение международного гуманитарного права и международного права прав человека в рамках процесса фрагментации международного права // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 43–48.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и т.д.) неприменимо даже при наличии вооруженного конфликта. И.И. Лукашук указывал, что вооруженный конфликт не может служить основанием для одностороннего прекращения или приостановления действия договорных международно-правовых обязательств государств, связанных с защитой личности⁷. Э. Кляйн считает, что в чрезвычайных условиях требуется явно выраженное заявление государства-участника, где содержится обоснование временного отступления от подобных обязательств; такое приостановление не должно распространяться на специально обозначенные и неотменяемые права человека⁸. И.И. Котляров и Ю.В. Пузырева справедливо замечают, что «критерием правомерной деятельности воюющих являются принципы и нормы международного и международного гуманитарного права»⁹. Ч. 1 ст. 51 I Дополнительного протокола 1977 г., как известно, устанавливает принцип общей защиты гражданских лиц от опасностей, возникающих в связи с военными операциями, и соответствующие нормы такой защиты, в «дополнение к другим применимым нормам международного права».

В ч. 1 ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.¹⁰ допускаются отдельные

⁷ Лукашук И.И. Современное право международных договоров. В 2 т. Т. 2: Действие международных договоров. М. : Волтерс Клувер, 2006. Доступ из инф.-правовой системы «Гарант». URL: <http://www.garant.base.ru> (дата обращения: 29.10.2021).

⁸ Klein E. The Future of International Human Rights Law // Будущее международного права : сборник статей / под ред. К.А. Бекашева; МГЮА им. О.Е. Кутафина. М. : Проспект, 2017. С. 158.

⁹ Котляров И.И., Пузырева Ю.В. Международное гуманитарное право и модельное законодательство СНГ // Московский журнал международного права. 2012. № 3. С. 23.

¹⁰ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 29.10.2021).

отступления государствами-участниками от указанных прав «только в такой степени, в какой это требуется остротой положения, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с их другими обязательствами по международному праву». Ч. 1 ст. 35 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г.¹¹ определяет, что В период войны или иного чрезвычайного положения, угрожающего высшим интересам каждого из государств-участников, они могут принять меры в отступление от своих обязательств по данной Конвенции только в той степени, в какой это требуется серьезностью положения, при условии, что такие меры не противоречат другим обязательствам сторон по международному праву. Указанные меры не должны приводить к дискриминации по признакам пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальному меньшинству, имущественного и должностного положения, места рождения или иного обстоятельства (ч. 2 ст. 20).

В содержании IV Женевской конвенции 1949 г. сочетаются международно-правовые и нравственные основы обращения воюющих сторон с гражданским населением в период военных действий. Так, А.А. Караванов и И.Ю. Устинов указывают, что принцип проведения различия по отношению к гражданским лицам «должен применяться в полном объеме, особенно в части защиты их от любых насильственных посягательств на жизнь или человеческое достоинство»¹². Ст. 13 Конвенции, открывающая раздел II «Положения общего характера о защите населения от некоторых послед-

¹¹ СЗ РФ от 29 марта 1999 г. № 13. Ст. 1489.

¹² Караванов А.А., Устинов И.Ю. Современный взгляд на проблему реализации принципа проведения различия в международном гуманитарном праве // Территория науки. 2014. № 1. С. 147.

ствий войны», требует от государств-участников применять эти нормы в отношении всего гражданского населения, без дискриминации по мотивам расы, национальности, религии или политических убеждений. Ст. 4 причисляет к покровительствуемым лицам тех, кто находится во власти воюющей стороны или оккупирующей державы, гражданами которой они не являются. Ч. 1 ст. 27 Конвенции закрепляет обязанности воюющих сторон оказывать уважение личности, чести и семейным правам покровительствуемых лиц, их привычкам и обычаям, религиозным убеждениям и обрядам. В свою очередь, ч. 4 ст. 27 предоставляет воюющим сторонам возможность вводить такие меры контроля или обеспечения безопасности, которые могут оказаться необходимыми вследствие войны.

Особые требования, зафиксированные в IV Женевской конвенции 1949 г. и I Дополнительном протоколе 1977 г., предъявляются воюющим сторонам по поводу защиты и обеспечения безопасности детей, которые выделены среди других категорий покровительствуемых лиц. Конвенцией о правах ребенка 1989 г.¹³ определено, что «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее» (ст. 1). Правоведы указывают, что «основным признаком ребенка как отдельного субъекта считаются возрастные пределы, в рамках которых он находится в данном статусе»¹⁴. Согласно ч. 1 ст. 77 I Дополнительного протокола, дети пользуются особым уважением и защищаются от любого рода непристойных посягательств. Воюющие стороны должны обеспечить

¹³ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения 29.10.2021).

¹⁴ Ибрагимов А.М., Гасанова З.М. Международная защита прав детей // Закон и право. 2019. № 2. С. 121.

им защиту и помощь в силу их возраста или по любой другой причине.

Международно-правовые основы защиты детей в условиях вооруженных конфликтов включают заботу, сохранение культурных традиций, системы религиозного и нравственного воспитания, единства семей; содействие репатриации и возвращению в места постоянного проживания; эвакуацию с согласия родителей или опекунов. Ч. 2 ст. 77 Протокола устанавливает для воюющих сторон требование предпринимать все возможные меры с тем, чтобы дети, не достигшие возраста 15 лет, не участвовали в военных действиях, и возвращаться от их вербовки. Если, несмотря на такой запрет, дети принимали в них участие при международных вооруженных конфликтах, они продолжают пользоваться особой защитой вне зависимости от приобретения ими статуса военнопленного (ч. 3 ст. 77).

Кроме этого, ст. 24 IV Женевской конвенции предусматривает меры по установлению личности всех детей до 12 лет с помощью ношения опознавательного медальона или другими способами (к примеру, применение современных методов дактилоскопии). Воюющие стороны могут создавать на собственной или оккупированной территории санитарные и безопасные зоны и местности для того, чтобы оградить от военных действий в том числе и детей до 15 лет, беременных женщин и матерей с детьми до 7 лет (ст. 14 IV Женевской конвенции). Согласно ст. 50 Конвенции, не допускается изменение гражданского состояния детей оккупирующей стороной. Оккупирующее государство должно заботиться о знании детьми, разлученными с родителями и близкими, своего национального языка и религии, предоставлять им должное обучение и содержание.

При внутригосударственных вооруженных конфликтах правовой статус детей определяется II Дополнительным

протоколом к Женевским конвенциям 1949 г., касающимся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, 1977 г.¹⁵ В п. е) ч. 3 ст. 4 Протокола предусмотрена временная эвакуация детей из мест военных действий в более безопасные районы и сопровождение лицами, ответственными за их безопасность и благополучие. II Дополнительный протокол не разрешает детям, не достигшим 15-летнего возраста, принимать участие в военных действиях; они не подлежат вербовке участниками конфликтов (п. с) ч. 3 ст. 4). Дети продолжают пользоваться особой защитой при непосредственном участии в военных действиях и попадании в плен (п. d) ч. 3 ст. 4).

Если нормы I Дополнительного протокола 1977 г. адресованы сторонам международного вооруженного конфликта, то II Дополнительный протокол устанавливает прямой запрет детям и подросткам принимать участие в военных действиях, что должно подразумевать определенные обязанности как государств-участников, так и военизированных формирований, взрослых членов семьи, гражданского общества. Протоколами в целом не установлены стандарты обращения с детьми, которые могут быть задержаны как участники вооруженного конфликта. Здесь стоит сказать о принятии в 2005 г. резолюции Совета Безопасности ООН 1612¹⁶, которой была учреждена Рабочая группа по вопросу о детях и вооруженных конфликтах в составе всех 15 государств-членов Совета. Ее компетенцию составляет вынесение рекомендаций о возможных мерах по содействию защите детей в условиях вооруженных конфликтов и обращение при необходимости к другим органам

¹⁵ URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb31.htm> (дата обращения 29.10.2021).

¹⁶ URL: [https://www.undocs.org/ru/S/RES/1612\(2005\)](https://www.undocs.org/ru/S/RES/1612(2005)) (дата обращения 29.10.2021).

системы ООН, обладающим соответствующими мандатами по указанным вопросам.

Защита прав детей как особой категории покровительствуемых лиц также обозначена в универсальной Конвенции о правах ребенка 1989 г. и Факультативном протоколе к ней, касающемся участия детей в вооруженных конфликтах, 2000 г.¹⁷ Государства-участники предпринимают все возможные меры к тому, чтобы дети, не достигшие 15-летнего возраста, не принимали прямого участия в военных действиях, и не были призваны на службу в вооруженные силы (ч. 2 и 3 ст. 38 Конвенции о правах ребенка). Факультативный протокол 2000 г. повышает минимальный возраст добровольного призыва лиц в национальные вооруженные силы государств-участников и признает за теми, кто не достиг 18 лет, право на особую защиту (ч. 1 ст. 3). Обязательный призыв лиц, не достигших 18 лет, запрещается ст. 2 Протокола. Участники Протокола, которые все же допускают добровольный призыв несовершеннолетних лиц до 18 лет, предоставляют гарантии того, что призыв действительно имеет добровольный характер; он производится с согласия родителей или законных опекунов призываемых лиц; эти лица получили полную информацию об обязанностях военной службы и представили достоверные доказательства своего возраста до принятия на военную службу.

Ст. 4 Факультативного протокола включает обязанность вооруженных групп, отличных от вооруженных сил государства, не вербовать и не использовать при военных действиях лиц, не достигших 18 лет. Тем самым государствам-участникам Протокола представлена возможность использовать данный запрет также в ситуациях внутригосударственных конфликтов и гражданских войн, чтобы обеспечить особую

¹⁷ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol1.shtml (дата обращения 29.10.2021).

защиту детей. В ежегодном докладе Специального представителя Генерального секретаря ООН по вопросу о детях и вооруженных конфликтах, представленном на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи в 2021 г., содержалась информация о 8 500 детях, завербованных в солдаты, и 19 379 детях, чьи права были серьезно нарушены в военных условиях; в 2020 г. сторонами вооруженных конфликтов было принято около 35 обязательств по смягчению последствий военных операций для детей¹⁸.

Эксперты Международного Комитета Красного Креста (МККК) отмечают, что понятие «вербовка» может включать одновременно принудительные и добровольные методы. На воюющие стороны возложена дополнительная обязанность воздерживаться от призыва детей, стремящихся добровольно войти в состав вооруженных сил или иных военных формирований¹⁹. М.М. Мустафьева указывает, что существуют различные формы участия детей в военных действиях: «от помощи комбатантам до набора детей в качестве комбатантов в национальные вооруженные силы и их вербовки в иные вооруженные группы»²⁰. Советники по вопросам защиты детей, входящие в состав полевых миссий ООН и действующие в рамках операций по поддержанию мира в Южном Судане, Конго, Мали и Центральноафриканской Республике, обладают специальными полномочиями по мониторингу серьезных нарушений, совершенных в отношении детей при военных действиях. Они также содействуют

¹⁸ URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/08/1408712> (дата обращения: 29.10.2021).

¹⁹ Дети и война : сборник статей. М. : МККК, 1995. С. 67.

²⁰ Мустафьева М.М. Вербовка и использование детей-солдат как серьезное нарушение международного гуманитарного права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2013. № 2. С. 257.

освобождению и реинтеграции детей, связанных с вооруженными силами и вооруженными группами, в рамках диалогов по планам действий, мирных переговоров и мирных соглашений. Так, в 2020 г. 1 877 детей были освобождены в этих странах при поддержке секций по защите детей миротворческих миссий, в партнерстве с Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ) и национальными субъектами, занимающимися вопросами подобной защиты²¹.

Помимо этого, ст. 39 Конвенции о правах ребенка требует от государств-участников принятия всех необходимых мер для содействия физическому и психологическому восстановлению и социальной реинтеграции ребенка, который является жертвой вооруженных конфликтов. Они должны осуществляться в условиях, обеспечивающих здоровье, самоуважение и достоинство ребенка. Так, в издании МККК 2019 г. приводится информация о том, что примерно половина индонезийцев, возвращенных в страну после нахождения внутри экстремистских группировок, была представлена детьми, 48% которых прибывали в центры реинтеграции в возрасте до 5 лет и еще 42% — в возрасте до 12 лет. Все они испытали тяжелые психологические травмы от нахождения в среде, где присутствовала постоянная угроза их жизни. Программа реабилитации была построена на том, чтобы помочь детям развить личные качества, необходимые для социализации в обществе²².

Ситуации вооруженных конфликтов показывают особую незащищенность детей. На их сознание в военный период оказывают значительное влияние поведения взрослых членов семьи, отход от привычного круга ценностей и огром-

²¹ URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/child-protection> (дата обращения: 29.10.2021).

²² URL: <https://www.icrc.org/ru/document/mezhdunarodnyy-zhurnal-krasnogo-kresta-deti-i-voyna> (дата обращения: 29.10.2021).

ные психологические нагрузки. Международно-правовые нормы по защите детей должны соблюдаться всеми участниками вооруженного конфликта с использованием межгосударственной системы контроля на универсальном (полевые миссии ООН и ЮНИСЕФ) и специальном (МККК и державы-покровительницы) уровне.

Нормы IV Женевской конвенции 1949 г. предусматривают защиту иностранных граждан, беженцев и апатридов в качестве покровительствуемых лиц, представляющих гражданское население. Одновременно, согласно вышеуказанной ч. 4 ст. 27 Конвенции, воюющие стороны вправе избирать формы контроля таких лиц, находящихся под их властью, что может включать интернирование в специально обозначенные места поселения.

В содержании IV Женевской конвенции 1949 г. определение «беженцы»²³ применяется без какого-либо уточнения. Ст. 44 устанавливает стандарты обращения с беженцами как с особой категорией покровительствуемых лиц, не пользующейся защитой ни одного правительства. Беженцы отличаются от обычных иностранцев, являющихся гражданами государства-противника. Формальная принадлежность к гражданству не должна предопределять враждебное отношение к беженцам, которые по вынужденным мотивам покинули страну своего происхождения.

²³ Беженцем признается лицо, которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, национальной принадлежности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своего гражданства или обычного местожительства, и не может либо не желает пользоваться защитой этой страны и возвращаться в нее вследствие таких опасений (ч. А 2) ст. 1 Конвенции о статусе беженцев 1951 г.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 29.10.2021).

В соответствии со ст. 73 I Дополнительного протокола 1977 г., лица, признававшиеся государством пребывания до начала войны в качестве апатридов или беженцев, согласно соответствующим международным актам или национальному законодательству, являются лицами, которые пользуются защитой IV Женевской конвенции 1949 г. при всех обстоятельствах и без какого-либо неблагоприятного различия.

Ч. 2 ст. 70 IV Женевской конвенции обеспечивает защиту граждан оккупирующей державы, которые до войны нашли убежище на оккупированной территории, от депортации за ее пределы. Здесь государства-участники используют основной принцип *Refugee Law*, выражающийся в невыдаче и невысылке лиц, имеющих статус беженца или получивших убежище²⁴. Действие этого принципа усилено ч. 4 ст. 45 IV Женевской конвенции, согласно которой покровительствуемые лица не могут быть переданы государству, где им угрожает преследование в связи с политическими или религиозными убеждениями. Представляется, что данные правовые нормы должны быть дополнены прямым запретом для воюющих сторон передавать беженцев или лиц, получивших убежище, государству происхождения, даже если они продолжают формально рассматриваться как его граждане.

Статистические данные, предоставленные Управлением Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) за период 2020 г., включают 82,4 млн человек, вынужденно переместившихся в результате преследования, вооружен-

²⁴ Специальный международно-правовой принцип *non-Refoulement* заставляет возвращать беженцев в страну, где им грозит опасность подвергнуться преследованию (ч. 1 ст. 33 Конвенции о статусе беженцев 1951 г.). Расширенное понимание указанного принципа означает запрет принудительного возвращения вынужденных мигрантов в государство происхождения, где им угрожает преследование и/или существуют обоснованные опасения за их жизнь и личную неприкосновенность.

ных конфликтов, насилия, нарушений прав человека и событий, серьезно нарушающих общественный порядок. Из них 47,1 млн составляют беженцы, 4,1 млн — лица, ищущие убежище (*Asylum-Seekers*), и 48 млн — внутренне перемещенные лица (*Internally displaced persons*)²⁵.

Общие нормы IV Женевской конвенции 1949 г. (ст. 9–12) предусматривают оказание в условиях военных действий помощи беженцам и лицам, получившим убежище, державой-покровительницей или МККК. Гуманитарные функции МККК, обозначенные в ст. 10 и ч. 5 ст. 143 IV Женевской конвенции и ч. 3 ст. 5 I Дополнительного протокола, могут распространяться и на покровительство вынужденным мигрантам (с учетом внутренне перемещенных лиц). Т. Пфаннер замечает, что для осуществления гуманитарных операций «делегаты МККК должны не только присутствовать в воюющих странах, но и иметь доступ к территориям, затронутым военными действиями», поскольку близость к жертвам войны выступает принципиальным моментом оказания гуманитарной защиты и помощи²⁶. Так, в 2021 г. МККК совместно с Обществом Красного Креста Эфиопии оказывал материальную, медицинскую, продовольственную помощь и поддержку в воссоединении семей лицам, перемещенным вследствие вооруженного конфликта, в регионах Афар, Амхара, Тыграй и намерен продолжить эту деятельность²⁷.

Вынужденные мигранты одновременно пользуются защитой IV Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г. и универсальной Конвенции

²⁵ URL: <https://www.unhcr.org/flagship-reports/globaltrends/> (дата обращения: 29.10.2021).

²⁶ Пфаннер Т. Имплементация МГП и предоставление защиты и помощи жертвам войны: различные механизмы и подходы // Международный журнал Красного Креста. 2009. № 874. С. 102.

²⁷ URL: <https://www.icrc.org/ru/northern-ethiopia-our-work-tigray-afar-and-amhara> (дата обращения: 29.10.2021).

о статусе беженцев 1951 г. Международно-правовые основы такой защиты состоят в том, что: 1) при вооруженном конфликте беженцы, и лица, получившие убежище, сохраняют преимущества правового статуса, полученного ими им в мирное время; 2) они обладают статусом покровительствуемых лиц как часть гражданского населения; 3) они имеют право не быть возвращенными в государство, где подвергнуться преследованию по политическим или религиозным мотивам. Кроме этого, на региональном уровне государствами могут быть созданы дополнительные международно-правовые гарантии по приему вынужденных мигрантов, прибывших по причине вооруженных конфликтов. Так, институт международной защиты в праве ЕС связан с правовым статусом лиц, выехавших из Сирии в период военных действий и ищущих убежище²⁸.

Представленные здесь международно-правовые нормы и принципы защиты покровительствуемых лиц дополняются рядом заключений (*Conclusions*) Исполнительного комитета УВКБ ООН, которые призваны усилить ее в отношении вынужденных мигрантов. Заключение № 48 (XXXVIII) «Военные или вооруженные нападения на лагеря и поселения беженцев» 1987 г.²⁹ признает такие действия воюющих сторон противоречащими принципам международного права в целом и МГП в частности. В нем определено исключительно гражданское и гуманное назначение лагерей и по-

²⁸ См.: Алиев Д.М. Статус беженцев и лиц, ищущих убежище, по европейскому праву : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М. : МГИМО МИД Российской Федерации, 2019. 282 с.; Хмад А.Ж. Правовое регулирование вынужденной миграции в праве Европейского союза (на примере лиц, ищущих убежище, из Сирии) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. Казань : КФУ, 2020. 182 с.

²⁹ *Conclusions on the International Protection of Refugees*, adopted by the Executive Committee of the UNHCR Programme. Geneva : UNHCR, 1990. P. 109–111.

селений беженцев, что позволяет рассматривать их как гражданские объекты, нападение на которые воюющим сторонам воспрещается. Также в заключении № 48 содержится обращенное к администрации таких объектов условие подчиняться требованиям общественного порядка и воздерживаться от деятельности, нарушающей их гражданский статус (п. 4 а)). Заключение № 94 (LIII) «По вопросу о гражданском и гуманитарном характере убежища» 2002 г.³⁰ прямо указывает на опасность присутствия там вооруженных элементов, организации актов вербовки вынужденных мигрантов, их использования вооруженными силами или военизированными формированиями. Эти действия несовместимы с вышеприведенным принципом проведения различия между покровительствуемыми лицами и комбатантами. Заключение № 80 (XLVII) «Всеобъемлющий и региональные подходы внутри системы защиты» 1996 г.³¹ призывает международное сообщество применять средства предупреждения или уменьшения возможности возникновения конфликтов как одной из возможных причин перемещения населения, и меры по примирению воюющих сторон, «особенно на постконфликтном этапе, для повышения прочности решений» (п. е) ix)).

По нашему мнению, Женевское право должно быть конкретизировано комплексом международно-правовых норм, регламентирующих стандарты пребывания вынужденных мигрантов в лагерях и поселениях и, возможно, в местах интернирования. Совместное применение Женевского права и *Refugee Law* нужно учитывать также при организации т.н. безопасных местностей для временного размещения внутренне перемещенных лиц.

³⁰ URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/52454ec54.html> (дата обращения: 29.10.2021).

³¹ URL: <https://www.refworld.org.ru/type,EXCONC,UNHCR,,5245390e4,0.html> (дата обращения: 29.10.2021).

Глобальный договор ООН (*Global compact*) о безопасной, упорядоченной и легальной миграции³² предусматривает в качестве перспективы деятельности государств создание или укрепление механизмов для отслеживания и прогнозирования возникновения рисков и угроз, которые могут вызвать перемещение мигрантов или повлиять на него; совершенствование систем предупреждения, разработку планов действий в подобных ситуациях и соответствующего инструментария; проведение операций по ликвидации таких ситуаций и поддержку восстановительных мероприятий сотрудничающими государствами, национальными и местными органами власти, национальными правозащитными институтами и гражданским обществом.

Фундаментом международного гуманитарного права выступает защита жертв войны, осуществляемая прежде всего посредством закрепления правил поведения воюющих сторон по отношению к ним; его нормы начинают действовать с момента начала военных действий и прекращают применение с наступлением мирного времени. В условиях вооруженных конфликтов совместное использование международно-правовых основ защиты покровительствуемых лиц и универсальных и региональных договоров по правам человека предполагает усиление такой защиты. Сочетание и взаимосвязь специальных международно-правовых институтов защиты отдельных категорий таких лиц (детей и вынужденных мигрантов) с общей системой Женевского права направлены на повышение эффективности сотрудничества государств и международных организаций в гуманитарной сфере.

³² URL: <https://undocs.org/ru/A/CONF.231/3> (дата обращения: 29.10.2021).

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ,
ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ КАНДИДАТАМИ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Амиров Динар Рустемович,
канд. юрид. наук,
Федеральный институт
профессионального образования

**Эволюция научных взглядов
на систематику международного права**

Одним из вызовов современному международному праву является продвигаемая рядом западных государств концепция «порядка, основанного на правилах». Эти правила, с неизвестной правовой природой, в сущности говоря, призваны подменить собой общепризнанные принципы и нормы международного права. Поддерживаемая на Западе, указанная концепция подвергается справедливой критике в России как на государственном уровне, так и в правовой доктрине¹. Одной из причин имеющихся противоречий являются различия в подходах к систематике международного права, которые формировались не один век. В этой связи представляется необходимым рассмотреть эволюцию научных взглядов по этому вопросу в отечественной и иностранной правовой доктрине.

Традиционно в качестве родоначальника науки международного права признается Г. Гроций. Не пускаясь в рассуждения о роли его предшественников, в первую очередь

¹ Подробнее см.: Понятие «порядок, основанный на правилах» и международное право / А.Н. Вылегжанин, Б.И. Нефедов, Е.Р. Воронин, О.С. Магомедова, П.К. Зотова // Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 35–60.

А. Джентили, отметим, что именно с именем Г. Гроция связывается построение системы международного права. По замечанию В.Э. Грабаря, гроциевское деление международного права на право войны и право мира было воспринято последующими авторами в XVII, XVIII и даже XIX вв.; по его же мнению инициатором научной разработки систематики международного права в конце XVIII в. был Д. Оптенда².

Примечательно что сам Д. Оптенда рассматривал Х. Вольфа в качестве первого автора, выстроившего систему международного права. В заслугу же Г. Гроцию он ставил возведение международного права в ранг науки³. Вклад Х. Вольфа заключается в том, что он, выражаясь современной терминологией, выделил общие и партикулярные нормы международного права. Источником первых является естественное право (*jus gentium naturale*) и добровольное право (установленное союзом народов (*civitas maxima*), направленное на достижение общего блага, которое должно соблюдаться государствами (*jus gentium voluntarium*). Вторая разновидность норм содержится в договорном (*jus gentium pacitium*) и обычном (*jus gentium consuetudinarium*) праве⁴.

На вторую половину XIX столетия приходится период усиленной разработки вопросов научной системы международного права. Как отмечал А.М. Горюнов, правильная систематизация направлена на отыскание сущности между-

² Грабарь В.Э. Из истории систематики международного права // Советский ежегодник международного права. 1963. М. : Наука, 1965. С. 480–482.

³ Ompteda, Dietrich Heinrich Ludwig von. Litteratur des gesammten sowohl natürlichen als positiven Völkerrechts : nebst vorangeschickter Abhandlung von dem Umfange des gesammten sowohl natürlichen als positiven Völkerrechts u. Ankündigung eines zu bearbeitenden vollständigen Systems desselben. Regensburg : Montag, 1785. S. 328.

⁴ Wolff Ch. Jus Gentium Methodo Scientifica Pertractatum: The translation. Vol. II. Oxford : Clarendon Press, 1934. P. 9–19.

народного права как науки, ее наиболее слабых мест, которые требуют соответствующего осмысления⁵. В.Э. Грабарь, проанализировав существовавшие взгляды по этому вопросу, отметил, что над систематикой международного права во второй половине XIX в. работали только русские и немецкие ученые; исследования, принадлежащие французам, были подвергнуты жесткой критике⁶.

В результате исследования международного права, в отечественной доктрине сформировалось представление о неоднородном характере международного права — задолго до принятия международных документов, закрепивших общепризнанные принципы и нормы международного права. Как отмечал А.К. Бялэцкий, «есть два рода международных правил: одни, которые приняты и признаны всеми государствами и которые потому можно назвать общими: — и кроме того другие, специальные, находящие применение к особым положениям или при особых условиях»⁷.

Развивал эту идею О.О. Эйхельман, выделявший две группы норм международного права: 1) общеобязательные для всех субъектов международного права как необходимые условия мирного сосуществования государств (уважение независимости и равенства государств, принцип *pacta sunt servanda*, ответственность государства за действия своих органов власти в международных отношениях и др.); 2) нормы партикулярные (особенные), имеющие силу только в отношениях между государствами, обязавшимися ими⁸. Идея

⁵ Горовцев А.М. Сущность международного права и его система. СПб. : Сенатская Типография, 1911. С. 14.

⁶ Грабарь В.Э. Из истории систематики международного права. С. 490.

⁷ Бялэцкий А.К. О значении международного права и его материалов. Варшава : Типография К. Ковалевского, 1872. С. 114–115.

⁸ Эйхельман О.О. Введение в систему международного права. Киев : Типография Императорского университета св. Владимира, 1890. С. 2.

о неоднородности международного права нашла отклик и в западной правовой доктрине того времени. И.К. Блунчели указывал, что «иногда в договорах между отдельными государствами встречаются условия, которые по своему содержанию могут быть названы не статьями трактата, а международными законами, не простым соглашением отдельных государств, а основными положениями справедливого порядка международных отношений»⁹.

Значительный вклад дореволюционных трудов отечественных ученых в систематизацию международного права выразился в уходе от его традиционного деления на право мира и право войны, в пользу вопросов, касающихся регламентации различных сфер международного сотрудничества государств¹⁰. Трансформация в результате Октябрьской революции идеологии и внешнеполитического курса нашего государства естественным образом сказались на теоретическом осмыслении системы международного права. Перед советской наукой ставится задача критического анализа важнейших категорий и конструкций международного права. Возникновение СССР рассматривается как обстоятельство, которое должно быть отправным при изложении любой проблемы, любой отрасли международного права¹¹.

Исходя из классовой теории, Е.А. Коровин говорит о существовании комплексов правовых норм, мыслимых не во всемирном масштабе, а в довольно тесном и однока-

⁹ Блунчели И.К. О значении и успехах новейшего международного права: с приложением антропологических очерков учений о праве и государстве и биографического очерка автора / Сочинение И. Блунчели, Профессора Гейдельбергского Университета. СПб. : Издание Н.И. Ламанского, 1867. С. 8.

¹⁰ Левин Д.Б. Наука международного права в России в конце XIX и начале XX в.: общие вопросы теории международного права. М. : Наука, 1982. С. 183.

¹¹ Пашуканис Е.Б. Очерки по международному праву. М. : Государственное издательство «Советское законодательство», 1935. С. 13.

чественном кругу — местных международно-правовых системах. К ним он относит «американское международное право», «австралийское международное право», «междусоветское право», а также «международное право переходного времени», регулирующее взаимоотношения между буржуазными и социалистическими странами¹².

Развивая идею международного права переходного периода, советские авторы указывали на преждевременность построения законченной юридической системы¹³. Критика международно-правовой системы как не представляющей собой единство норм и не соответствующей системе международных отношений (с указанием на вину в этом Лиги наций) присутствовала и у других авторов¹⁴.

В то же время представитель дореволюционной школы международного права В.Э. Грабарь рассматривал международное право переходного периода как отклоняющиеся нормы, которые не образуют никакого особого, действующего только для СССР международного права, а находят соответствующее место в системе международного права. При этом одна группа таких норм чужда подавляющему большинству государств и не получает признания, а другая, став регулярной и получив дальнейшее одобрение, может стать составной частью общего международного права¹⁵.

¹² Коровин Е.А. Современное международное публичное право. М. ; Л. : Государственное издательство, 1926. С. 7–8.

¹³ Д.Л. Международное право переходного периода в реакционном освещении (По поводу полемики между проф. Грабарем и проф. Коровиным). // Революция права. 1928. № 5. С. 117; Пашуканис Е.Б. К вопросу о задачах советской науки международного права // Международное право (*Revue sovietique de droit international*). М., 1928. № 1. С. 7.

¹⁴ Ф.К. Рецензия на кн.: Альфред Фердросс. Конституция международно-правового общения // Советское право. Записки Института советского права. М., 1929. Выпуск III. С. 127.

¹⁵ Д.Л. Международное право переходного периода в реакционном освещении. С. 118–119.

В западной литературе развиваются подходы, связанные с отрицанием системности международного права¹⁶. В частности, А. Циммерн, отмечал, что при внимательном рассмотрении договоров можно обнаружить простой набор норм, объединенных практически случайным образом¹⁷. Создание ООН и системообразующая роль ее Устава для международного права, казалось бы, должны были способствовать сближению позиций представителей двух антагонистических систем. Однако этого не произошло.

В советской литературе в конце 50-х годов начинает получать поддержку идея общего международного права, нормы которого регулируют отношения между всеми государствами независимо от их общественных систем. Она основывается Г.И. Тункиным возможностью мирного сосуществования государств¹⁸. Тем не менее продолжается жесткая критика западных подходов к пониманию международного права, которые сводились к следующему:

1) в условиях раскола мира на две противоположные системы существование общего международного права либо вообще невозможно, либо оно должно распасться на отдельные региональные системы;

2) система международного права должна трансформироваться в систему наднационального (транснационального, мирового) права;

3) система международного права сближается с системой внутригосударственного права (предметом международного права станут многие вопросы национального права);

¹⁶ Hart H.L.A. The concept of law. 3rd ed. Oxford University Press, 2012. P. 234.

¹⁷ Zimmern A. The League of Nations and the Rule of Law, 1918–1935. London : Macmillan and Company, 1936. P. 136.

¹⁸ Тункин Г.И. Теория международного права. М. : Международные отношения, 1970. С. 15–49.

4) система международного права должна с небольшими изменениями сохраняться в систематике старого международного права¹⁹.

Таким образом, взгляды западных юристов во многом были связаны с осмыслением возможности существования международного права как системы. Интерес советских международников, по справедливому замечанию Е.Т. Усенко, был ограничен в основном областью новых отраслей международного права, сложившись в известной степени под влиянием многолетней дискуссии в советской юридической литературе по вопросу об отраслях советского права, критериях их вычленения, компоновки и т.д.²⁰ Это было следствием того, что в отечественной доктрине системный характер международного права не ставился под сомнение.

В начале 80-х годов западная доктрина начинает еще больше отдаляться от взглядов отечественных ученых на международное право как на стройную систему. На основе материалов КМП об ответственности государств за международно-противоправные деяния возникает обсуждение вопроса о самодостаточных (автономных) режимах²¹. В дальнейшем этот вопрос получил широкое освещение и перерос в продолжающуюся до сих пор дискуссию по проблеме фрагментации международного права.

В это же время в нашей стране ученые-международники были заняты осмыслением процесса перестройки и последовавшего за ним распада СССР, влияния этих обстоятельств на международное право. В своих работах авторы

¹⁹ Левин Д.Б. Актуальные проблемы теории международного права. М. : Наука, 1974. С. 78–90; Фельдман Д.И. Система международного права. Казань : Издательство Казанского университета, 1983. С. 28–34.

²⁰ Усенко Е.Т. О системе международного права // Советское государство и право. 1988. № 4. С. 126.

²¹ Simma B. Self-contained regimes // Netherlands Yearbook of International Law. 1985. Vol. 16. P. 111–136.

указывали на универсализацию норм поведения государств в различных областях международных отношений, необходимость создания системы всеобщего правопорядка при повышении роли ООН²².

Опираясь на наследие своих предшественников, российские исследователи продолжают исходить из системного характера международного права²³. Значительные усилия, как и прежде, направлены на разработку новых отраслей международного права. К сожалению, у такой практики есть и негативная сторона. Отдельные авторы, пытаясь привнести новое в систему международного права, конструируют «новые отрасли» без должного научного обоснования. В частности, речь идет о наднациональном научном праве²⁴, международном оперативно-розыскном праве²⁵, право бедствий²⁶ и др. В результате вместо расширения сферы охвата международно-правового регулирования происходит искусственное «дробление» международного права, которое не оказывает положительного влияния на укрепление его как системы.

²² Энтин М.Л. Через укрепление ООН — к демократизации и упрочнению международного правопорядка // *Международное право в современном мире : сборник статей / отв. ред. Ю.М. Колосов*. М. : Международные отношения, 1991. С. 120–135; Quigley J. *Perestroika and International Law // The American Journal of International Law*. Vol. 82. № 4. 1988. P. 788–797.

²³ Черниченко С.В. *Контуры международного права. Общие вопросы*. М. : Научная книга, 2014. С. 67.

²⁴ Аничкин Е.С. Формирование наднационального научного права как отрасли международного публичного права // *Российско-азиатский правовой журнал*. 2019. № 2. С. 52–55.

²⁵ Вагин О.А., Горяинов К.К. и др. *Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. К.К. Горяинова, д-ра юрид. наук, проф. В.С. Овчинского*. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2018.

²⁶ Лисаускайте В.В. *Международное право бедствий как новая отрасль международного публичного права: необходимость формирования и доктринального обоснования // Международное право*. 2018. № 4. С. 50–72.

Как отмечалось выше, проблема «фрагментации» международного права уже достаточно давно исследуется в зарубежной доктрине. Новый импульс к ее обсуждению вызвало аналитическое исследование «Риски, вытекающие из фрагментации международного права», представленное Г. Хафнером в 2000 г. в КМП²⁷ и последовавший за ним доклад специально образованной в рамках КМП Исследовательской группы²⁸.

Г. Хафнер с опорой на позиции отдельных представителей зарубежной правовой доктрины констатировал, что международное право представляет собой неорганизованную систему, состоящую из беспорядочных частей и элементов (*erratic parts and elements*), имеющих различную структуру и включающей универсальные, региональные или даже двусторонние системы, подсистемы и подподсистемы с различными уровнями правовой интеграции²⁹.

Исследовательская группа, в свою очередь, подтвердила существование в международном праве автономных (самодостаточных) режимов. Эти режимы, как отмечалось в докладе, регулируют предмет более эффективно, чем нормы общего права и неуклонно учитывают предпочтения своих участников. Когда применение норм общего права может быть ненадлежащим или контрпродуктивным, такой автономный режим может быть в большей мере приспособленным. Однако Исследовательская группа в конечном итоге пришла к выводу о некорректности использования понятия «автономный режим» в силу того, что нет правовых режимов, которые изолированы от общего международного права³⁰.

²⁷ Ежегодник КМП. 2000. Т. 2. Ч. 2. С. 171–180.

²⁸ Док. ООН, A/CN.4/L.702. С. 11–12.

²⁹ Ежегодник КМП. 2000. Т. 2. Ч. 2. С. 171.

³⁰ Док. ООН, A/CN.4/L.682. С. 108.

Концепция автономных (самодостаточных) режимов нашла отклик в правовой доктрине как в России, так и за рубежом, в значительной степени в контексте права ВТО. Рассмотрение режима в качестве автономного (специального) происходит, как правило, исходя из одной или нескольких его особенностей, например, специального порядка реализации ответственности. При этом авторы избегают исследования базового вопроса — природы режима как правового явления. В этой связи следует согласиться с утверждением о назревшей необходимости качественного анализа автономных режимов³¹.

Исследование автономных режимов потребует обращения к проблеме фрагментации международного права. В отечественной доктрине ее самостоятельному исследованию посвящены лишь несколько работ, в которых авторы не разделяют мнение о происходящей фрагментации международного права³². Очевидно, что требуется дальнейшая научная разработка этой проблемы с учетом развития международного права.

Представленный анализ эволюции научных взглядов на системность международного права позволил сделать вывод о последовательном (за некоторым исключением 20-х годов XX в.) отстаивании представителями отечественной правовой доктрины идеи о системном характере международного права. В то же время за рубежом получила распространение точка зрения о бессистемном характере международного права, наличии в нем автономных, замкнутых комплексов правовых норм.

³¹ Ануфриева Л.П. Продолжая дискуссию о собственно «принципах» в современном международном праве и не только // Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 19.

³² Колодкин Р.А. Фрагментация международного права // Московский журнал международного права. 2005. № 2. С. 38–61; Давлетгильдеев Р.Ш. К вопросу о подходах к фрагментации международного права // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 20–26.

Можно констатировать, что спустя практически сорок лет не теряет своей актуальности высказанная Д.И. Фельдманом идея о существенных различиях в понимании системы международного права в отечественной и западной правовой доктрине³³. В конечном итоге эти различия транслируются в политическую плоскость, что приводит к призывам руководства отдельных государств пересмотреть сложившуюся систему международно-правовых отношений, основанных на общепризнанных принципах и нормах международного права, в пользу порядка, основанного на правилах. Такой подход очевидным образом идет вразрез с интересами нашего государства, стоявшего у истоков формирования системы международного права с центральной ролью Устава ООН.

Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров, выступая в ходе общеполитической дискуссии на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, выступил с предложением использования в социальных сетях хештега #НашиПравилаУставООН в поддержку общепризнанных принципов и норм международного права. Запущенная министром акция уже получила поддержку. Как видится, представители отечественной правовой доктрины также должны присоединиться к этой акции, но уже в своих «социальных сетях» — на страницах научных изданий.

³³ Фельдман Д.И. Система международного права. С. 33.

Кукушкина Анна Викторовна,
доц., канд. юрид. наук, МГИМО МИД России

Международно-правовое урегулирование территориальных и трансграничных споров

Государственная территория представляет собой не только пространство, в котором осуществляется верховная власть данного государства. Суверенитет государства в пределах его государственных границ распространяется также и на природные ресурсы¹. В состав государственной территории входят: суша и воды, воздушное пространство, леса и недра. Природные ресурсы используются в промышленности, сельском хозяйстве, в обычной повседневной человеческой деятельности. Все это составляет материальное содержание государственной территории и с точки зрения международного права юридически принадлежит тому государству, в пределах границ которого находится. Временное пребывание в указанных пределах таких «текучих» объектов, как воды и атмосферный воздух, не изменяет этого общего подхода.

Согласно современному международному праву, никто не вправе насильственно лишать государство принадлежащей ему территории. Об этом говорят принципы неприкосновенности и целостности государственной территории²,

¹ Международно-правовые основы недропользования : учеб. пособие / отв. ред. А.Н. Вылегжанин ; авт. предисл. А.В. Торкунов. М. : Норма, 2007. С. 19–28.

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами

неприкосновенности и нерушимости государственных границ³. Также государственная территория, в частности земля с ее недрами не может использоваться иностранными государствами, физическими и юридическими лицами в промышленных целях без согласия территориального суверена. Например, без такого согласия земля и природные ресурсы государства не могут использоваться другими государствами без явно выраженного согласия территориального суверена. Без него также невозможна добыча полезных ископаемых на иностранной территории.

Государство устанавливает условия и правила разведки и разработки природных ресурсов на своей территории, в том числе решает вопрос о допуске иностранцев к освоению природных ресурсов и об условиях такого допуска. Допустив на свою территорию иностранцев в целях разведки и разработки природных ресурсов, государство распространяет на них действие своего законодательства.

Эти общие нормы были закреплены в ряде резолюций ГА ООН о суверенитете над природными ресурсами. Так, Резолюция 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН «Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами» 1803 (XVII)⁴ констатирует, что разведка и эксплуатация

в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Действующее международное право. Т. 1. М. : Московский независимый институт международного права, 1996. С. 65–73.

³ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (подписан в г. Хельсинки 01.08.1975) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. М., 1977. С. 544–589.

⁴ Резолюция 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН «Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами» (принята 14.12.1962 на 1194-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

природных ресурсов и распоряжение ими, а равно ввоз необходимого для этих целей иностранного капитала должны производиться в соответствии с «правилами и условиями, которые народы и нации по своему свободно принятому решению считают необходимыми». В случае предоставления разрешения использования ввезенного капитала и доходов с этого капитала регулируется условиями данного разрешения, действующими национальными законами и международным правом.

Широко известным является принцип неотъемлемого суверенитета над природными ресурсами, закрепленный в Резолюции ГА ООН 2150 (XXI). Здесь было подтверждено, что эксплуатация естественных ресурсов в каждой стране должна осуществляться в соответствии с ее собственными законами и постановлениями».

Право территориального суверена на свое правовое регулирование иностранной деятельности по освоению природных ресурсов должно уважаться всеми иностранными государствами и лицами, поскольку должно уважаться территориальное верховенство государства, составной частью которого является это право.

Говоря о том, что территория принадлежит тому государству, в пределах границ которого она находится, нужно иметь в виду, что речь идет о принадлежности в международных отношениях, которое регулируется международным правом. В таком контексте под государством как субъектом отношений понимается политическая организация власти и населения данной страны. Именно поэтому субъекту международного права принадлежит его территория. При этом следует подчеркнуть, что имеется в виду не просто фактическая, а юридическая принадлежность территории. Из этого исходят международные отношения Российской Федерации с соседними государствами по пограничным вопросам.

Особенно ярко проблема юридической принадлежности проявляется в территориальном споре, где речь идет именно о юридической принадлежности территории, а не о фактическом владении ею.

В настоящее время вызывает озабоченность все возрастающее число споров международного территориального и экологического характера. Здесь речь идет о спорах по возмещению вреда, причиненного в результате трансграничного загрязнения окружающей среды и оценкой воздействия на нее.

Отметим, что в европейском международном праве существуют разработанные ЕЭК ООН конвенции о трансграничном загрязнении воздуха и об оценке воздействия на окружающую среду⁵.

Последствия глобального изменения климата приводят к увеличению числа и масштабов опасных явлений, связанных с водными объектами — паводков, засух и наводнений. Таяние ледников, и как следствие подъем уровня Мирового океана могут поставить под угрозу условия жизни почти трети населения Земли. Одновременно таяние ледников может сделать непригодными для жизни обширные территории, включая крупные города, расположенные в предгорьях или на равнинах, и получающие основную массу потребляемых водных ресурсов, включая питьевую воду, с гор.

Борьба за контроль над ресурсами и возможность ими пользоваться привела к нескольким случаям межгосударственных и внутригосударственных конфликтов, и вероятность их возникновения в будущем возрастает.

Так, борьба за землю и другие ресурсы принимала достаточно острые формы, и в 1981 году Индия и Бангладеш

⁵ Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния (заключена в г. Женеве 13.11.1979) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XXXIX. М., 1985. С. 125–131.

едва не начали боевые действия из-за острова в Бенгальском заливе. Миллиарды тонн почвы, которые ежегодно вымываются с Гималаев на всем протяжении русел Ганга и Брахмапутры, создали остров, площадь которого 12 км² в период отлива и 2 км² в период прилива⁶. Как Индия, так и Бангладеш заявили свои права на него, и ни одна из сторон не хотела идти на компромисс, поскольку суверенитет над островом является основанием для проведения морской границы между ними и их прав на территориальные воды и ресурсы морского дна.

Обеспечение водной безопасности является чрезвычайно важным вопросом для каждого государства. Интересы различных стран могут противоречить друг другу, что особенно наглядно проявляется в зонах международных бассейнов, трансграничных рек и водоемов. В мире существует 263 международных бассейна, находящихся на стыке государственных границ двух или более стран. Они охватывают примерно половину площади земной поверхности, на них приходится порядка 60% имеющейся на Земле пресной воды, а на их территории проживает приблизительно 40% населения земного шара. В целом в состав территории 145 стран входят сегменты трансграничных (международных) бассейнов, а территория 21 государства полностью расположена в пределах международных бассейнов.

Соответственно, глобальная водная проблема в значительной мере носит международный характер. Снижение остроты данной проблемы невозможно без реализации принципа международно-правового сотрудничества государств⁷.

⁶ Хассан Ш. Экологические источники конфликта на субконтиненте Южной Азии // Разоружение. Периодический обзор, подготовленный ООН. 1992. Т. XV. № 1. С. 128. Издание ООН. 1993.

⁷ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами

Подобная проблема существует в Центральной Азии, государства которой разделяют бассейны крупных рек. В частности, Узбекистан, находящийся ниже по течению Амударьи, был недоволен строительством в Таджикистане Рогунской ГЭС, плотина которой в случае завершения станет самой высокой в мире (335 м). Узбекистан, сельское хозяйство которого во многом зависит от летней ирригации с использованием вод Амударьи, опасается снижения стока Амударьи. Начатый сбор средств у населения для завершения строительства Рогунской ГЭС был приостановлен в апреле 2010 года из-за недовольства большинства населения, а также позиции МВФ, который инициировал детальное исследование последствий строительства плотины для окружающей среды с целью убедиться в том, что выгоды от строительства будут значительно превышать возможные убытки для окружающей среды и социального развития, в частности, последствий для государств, расположенных ниже по течению реки, гарантия того, что все стороны соблюдают нормы конвенций о международных водотоках, а напряженность, существующая между ними не перерастет в международный конфликт.

Результатом признания международным сообществом важности заключения многосторонних, двусторонних региональных правовых документов стало заключение за последнее время целого ряда договоров по международным водотокам. Это в том числе: Хельсинкская конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков

в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Действующее международное право. Т. 1. М. : Московский независимый институт международного права, 1996.

и международных озер 1992 года⁸, Конвенция о сотрудничестве в охране и устойчивом использовании реки Дунай 1994 года⁹, Соглашение о сотрудничестве в устойчивом развитии бассейна реки Меконг 1995 года, Протокол 1995 года о системах совместных водотоков в районе Сообщества по вопросам развития стран юга Африки (САДК), договоры по Махакали и Гангу 1996 года, и Конвенция ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года¹⁰.

Государство в целом как субъект международного права владеет, пользуется и распоряжается своей территорией. Оно осуществляет владение («физическое и хозяйственное господство») над своей территорией, пользование, т.е. извлекает из территории ее полезные естественные свойства, а также осуществляет распоряжение территорией на международной арене. В этой сфере существуют иногда самые разнообразные виды владения и пользования.

Высшей формой распоряжения территорией в международных отношениях является осуществление народами и нациями своего права на самоопределение¹¹.

⁸ Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (заключена в г. Хельсинки 17.03.1992) // Бюллетень международных договоров. 1999. № 10. С. 3–18.

⁹ Конвенция о защите реки Дунай. URL: www.icpdr.org

¹⁰ Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков (принята резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи ООН от 21 мая 1997 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml

¹¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН); Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (подписан в г. Хельсинки 01.08.1975).

Высшие органы государственной власти и управления (парламент, правительство) имеют те или иные полномочия на распоряжение территорией в международных отношениях. Полномочия являются законными и действительными только тогда, когда они соответствуют конституционным установлениям страны. Эти органы могут обычно осуществлять передачу или обмен небольшими участками территории, сдавать небольшие участки территории для определенных видов пользования иностранным государствам, например, в аренду. Все такие действия осуществляются по международному договору соответствующими государствами, и эти договоры, как правило, подлежат ратификации.

Все права, которыми обладает государство, как субъект международного права, относительно своей территории, полностью заполняют классическую конструкцию права собственности — владение, пользование и распоряжение. Этому праву корреспондирует обязанность других государств уважать их. Следовательно — государство как субъект международного права обладает правом публичной международно-правовой собственности на свою территорию. Международно-правовой потому, что эта собственность существует в сфере международных отношений и регулируется международным правом, и, кроме того, она не тождественна гражданско-правовой собственности.

В то же время международное право не оставляет территориальные вопросы на полное и безграничное усмотрение государств. Международное право, существующее в результате соглашения самих государств, определенным образом регулирует принадлежность территорий и изменение этой принадлежности, разумеется, при равноправном участии всех заинтересованных государств и народов.

В отечественной доктрине общепризнанным является положение о том, что государство только тогда по праву

владеет своей территорией, когда население этой территории входит в состав государства по своему добровольному согласию¹².

Говоря о государственной территории в международных отношениях, следует подчеркнуть различие между международно-правовой собственностью государства на его территорию и земельной собственностью. Первая представляет собой особую собственность — международно-правовую, которая является прерогативой государства как субъекта международного права (политическая организация власти и население)¹³ и распространяется на всю государственную территорию со всеми ее компонентами. Земельная собственность относится к внутреннему праву, которое регулирует отношения между государством (политической организацией власти) и отдельными физическими или юридическими лицами по поводу отдельных участков внутри страны. В зависимости от социального строя такое правовое регулирование будет различным, но это уже внутреннее дело каждого государства и оно вытекает из принципа государственного суверенитета.

Необходимо и дальше разрабатывать средства мирного урегулирования международных территориальных и трансграничных споров с целью их превенции и риска их перерастания в конфликт.

¹² Конвенция о правах и обязанностях государств (г. Монтевидео, 26 декабря 1933 г.). URL: online.zakon.kz/Document/?doc_id=38249008

¹³ Международное право : учебник / под ред. проф. Ю.М. Колосова, проф. Э.С. Кривчиковой. М. : Международные отношения, 2005.

Кутузов Ильяс Мифтахович,
доц., канд. ист. наук,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Конвенционные нормы в механизме правового регулирования международных частных денежных отношений

Международные отношения в качестве предмета международного права¹ включают в себя разнообразные межгосударственные и производные от них отношения, а также трансграничные отношения с участием частных субъектов права (физических и юридических лиц) из разных государств. К последним относятся, в частности, отношения, возникающие в сфере международного гражданского оборота. «Главным признаком таких общественных отношений, — по словам Л.П. Ануфриевой, — помимо того, что они являются “международными”, т.е. выходят за рамки юрисдикции одного государства, выступает их цивилистический характер»².

Частные отношения международного характера составляют предмет международного частного права, регулятивная функция которого проявляется в механизме правового

¹ Международное право : учебник / отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М. : Юрайт-Издат, 2009. С. 29.

² Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М. : Спарк, 2002. С. 17.

регулирования указанных отношений. В теории права механизм правового регулирования определяется как «взятая в единстве система правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения»³. В качестве основных элементов такого механизма рассматриваются: юридические нормы, правоотношения, акты реализации прав и обязанностей, охранительные правоприменительные акты (решения судов). Особую роль в механизме правового регулирования частных, в том числе трансграничных, отношений играют юридические нормы.

С учетом особенностей предмета международного частного права его нормативный состав в значительной мере представлен нормами международных договоров (конвенций). Эти нормы регламентируют действия частных субъектов в сфере трансграничных отношений, на их основе конкретизируются права и обязанности указанных субъектов, определяются юридические последствия нарушения ими своих обязанностей, оформляются судебные решения и другие охранительные правоприменительные акты. Унифицированные материальные и коллизионные нормы международных договоров Российской Федерации, ставших после их ратификации частью ее правовой системы, составляют важную часть юридических норм, задействованных в механизме регулирования частных отношений международного характера. В силу разнородности применимых в данном механизме норм (внутренних и международных), обусловленной их изначально разным системным происхождением, в регулировании частных отношений международного характера возникает эффект полисистемности.

³ Алексеев С.С. Общая теория права : учебник. 2-е изд. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 267.

Начиная функционировать в частноправовой среде внутренней системы права, соответствующие нормы международного договора не утрачивают своих системных международно-правовых характеристик, своей правовой природы. Говоря в этой связи о нормах международных договоров, направленных на регулирование внешнеэкономических сделок, В.А. Канашевский отмечает, что «они были и остаются в составе международного права, не переходят в законодательство РФ, но применяются в качестве части правовой системы РФ как правовые регуляторы соответствующих гражданских отношений наряду с нормами гражданского законодательства РФ»⁴. Указанные особенности международных унифицированных норм и их действия в механизме правового регулирования частных трансграничных отношений проявляются, в частности, в сфере регулирования международных денежных обязательственных отношений.

В соответствии с отраслевой спецификой международного частного права денежные обязательства в международном коммерческом обороте формируются как международные гражданские правоотношения регулятивного и охранительного характера. Примером регулятивного денежного обязательства является договорное условие о цене товара, работ, услуг. В договоре международной купли-продажи товаров цена обозначает количество денежных единиц, которое должен заплатить за товар покупатель в определенной валюте. Ряд унифицированных норм, регулирующих вопросы уплаты цены, содержатся в международных конвенционных источниках. Так, Конвенция ООН о договорах международной купли продажи товаров 1980 г. (Венская конвенция) в ст. 53 устанавливает, что «покупатель обязан

⁴ Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: основные регуляторы, их соотношение и взаимодействие : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 37.

уплатить цену за товар... в соответствии с требованиями договора и настоящей Конвенции», а в ст. 54 определяет, что «обязательство покупателя уплатить цену включает принятие таких мер и соблюдение таких формальностей, которые могут требоваться согласно договору или согласно законам и предписаниям, для того, чтобы сделать возможным осуществление платежа». Нормы Венской конвенции регулирует такие вопросы, как место и сроки исполнения обязательства по уплате цены, а также договорную ситуацию, когда цена не установлена и сторонами не предусмотрен порядок ее определения. В качестве самостоятельного объекта регулирования в Венской конвенции выделено денежное обязательство по уплате процентов.

В договоре международного финансового лизинга денежные обязательства лизингополучателя определенным образом соотносятся с объемом предоставленного лизингодателем финансирования в форме затрат на приобретение оборудования, предоставляемого в лизинг. Согласно ст. 1 Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге 1988 г. сделка финансового лизинга включает в себя (в качестве одной из характеристик) периодические платежи, подлежащие выплате по договору, которые рассчитываются с учетом амортизации всей или существенной части стоимости оборудования. В отношении лизингополучателя конвенционно закреплено его право на приостановление периодических платежей в случае ненадлежащего исполнения своих договорных обязанностей лизингодателем.

Различные аспекты уступки прав требования по денежному обязательству урегулированы в Конвенцией УНИДРУА о международном факторинге 1988 г. и Конвенции ЮНСИТРАЛ об уступке дебиторской задолженности в международной торговле 2001 г. Указанные источники играют важную роль в регулировании отношений транс-

граничной цессии, трансграничного факторинга и форфейтинга, а также отношений трансграничной секьюритизации активов⁵.

Действия сторон международного денежного обязательства по его исполнению осуществляются в рамках самостоятельной разновидности частноправовых отношений — международных расчетных отношений. В этой сфере также формируются унифицированные материальные и коллизионные нормы. Иллюстрацией этой унификации служат Женевские вексельные конвенции 1930 г. и Женевские чековые конвенции 1931 г., Конвенция ООН о независимых гарантиях и резервных аккредитивах.

Конвенционное регулирование международных охранительных денежных обязательств охватывает различные виды договорной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств сторонами международных коммерческих сделок и распространяется на внедоговорные отношения в международном частном праве. В международных конвенционных источниках, регулирующих деликтные отношения, на причинителя вреда возлагается ответственность за возмещение ущерба, причиненного потерпевшей стороне, и определяются пределы такой ответственности. К примеру, в Конвенции об ущербе, причиненном иностранными воздушными судами третьим лицам на поверхности ответственность эксплуатанта установлена в пределах от 300 000 до 2 500 000 единиц специальных прав заимствования в зависимости от веса судна.

Наряду с конвенционными нормами, непосредственно регулируемыми трансграничные обязательственные денежные отношения, важное значение для международных

⁵ Подробнее см.: Кутузов И.М. Коллизионно-правовое регулирование трансграничной цессии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 2. С. 84–90.

частных денежных отношений в целом имеют международно-правовые договоры и соглашения государств по вопросам противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Российская Федерация участвует в деятельности Специальной международной комиссии по проблемам отмывания денег — ФАТФ, реализуя на своей территории ее рекомендации. Этим же целям служит Международная конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.).

Таким образом, диапазон международно-правового воздействия на частные денежные отношения международного характера постоянно расширяется и роль конвенционных норм в правовом механизме регулирования указанных отношений возрастает.

Слепцов Анатолий Николаевич,
доц., канд. юрид. наук,
Северо-Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова

К вопросу имплементации норм Декларации ООН по правам коренных народов в законодательство Российской Федерации

Известно, что Россия является многонациональным и социальным государством, где каждый народ обладает самобытной материальной и духовной культурой. Народы страны сложились как этнические общности на территории России, и в этом смысле они являются коренными народами, сформировавшими российское государство.

При этом российское государство выделило в специальный субъект конституционного права коренные малочисленные народы. Однако нормы Конституции России о коренных малочисленных народах имеют природу не исключительных национальных прав, а государственных гарантий, направленных на защиту находящихся на грани исчезновения групп социума. Коренные малочисленные народы России — это народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствования и промыслов, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч и осознающие себя самостоятельными этническими общностями.

Если мы обратимся к положениям Декларации ООН о правах коренных народов, например, содержащимся в статьях 1, 2, 6, 7 и других, касающихся осуществления всех прав человека и основных свобод, равенства с другими народами, права на гражданство, то они гарантированы Конституцией России, в том числе специальной статьей 69, где официально признаются коллективные права коренных малочисленных народов.

Защиту прав коренных малочисленных народов Конституция России относит к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Это означает, государство обязано учитывать региональный фактор, отражающий специфику их жизнедеятельности.

Если мы обратимся к соответствующим статьям Декларации, посвященным праву на сохранение и развитие различных аспектов культуры (статьи 5, 8, 11, 12, 15, 31 и др.), то их отражение мы находим, например, в пункте “м” статьи 72 Конституции, которая провозглашает защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей. Настоящее конституционное положение конкретизируется в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации», который гарантирует самобытное социально-экономическое и культурное развитие коренных малочисленных народов, фиксирует правовые основы защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов, а также других отраслевых федеральных законах о животном мире, особо охраняемых территориях, образовании, культуре, родных языках.

Безусловно, общее направление развития национально-го законодательства задано международным правом, которое является составной частью правовой системы России. Причем даже нератифицированные правовые акты ООН имеют

идейную ценность как документы, дающие ориентир, отражающий общепризнанную позицию международного сообщества для совершенствования и развития национального законодательства.

В контексте рассматриваемой сегодня темы хотел бы особо остановиться на положении коренных малочисленных народов, живущих в экстремально-климатических условиях Арктики, представляющих уникальную «циркумполярную цивилизацию» (это прежде всего кочевники, оленеводы — эвены), через призму положений Декларации ООН о правах коренных народов.

В российской Арктике проживает более 2,5 млн человек, из них 82,5 тыс. — представители 16 малочисленных народов Арктики. Основная часть из них ведет кочевой или полукочевой образ жизни.

Каким же образом в условиях индустриализации и урбанизации сохранить хрупкую экологию Арктики — исконную среду обитания коренных народов и связанные с ним традиционные виды природопользования аборигенов — оленеводство, охоту и рыболовство?

Следует отметить, что оленеводство, рыболовство и охотничий промысел не выдерживают рыночной конкуренции, это обусловлено крайне ограниченной возможностью развития рыночных основ хозяйствования, товарного производства из-за чрезвычайно высоких транспортных затрат на перевозку продукции, что безусловно сказывается на уровне и качестве жизни коренных малочисленных народов Севера.

Оказываемая государством поддержка оленеводства и других видов традиционного хозяйства народов Арктики — это одна из основных и необходимых мер для сохранения малочисленных народов и их родных языков, поскольку традиционные виды хозяйственной деятельности являются

основной сферой функционирования языков и самобытной культуры народов Севера.

Основные направления государственной поддержки, на мой взгляд, должны быть направлены на обеспечение государственного заказа на продукцию оленеводства, на подготовку специалистов для оленеводства, на создание современных условий труда для кочевников; создание высокотехнологичных пунктов по комплексной переработке продукции оленеводства, на приобретение вездеходной и снегоходной техники; на финансирование землеустроительных работ на оленьих пастбищах; на защиту оленей от хищников. Положительный опыт такой работы органов власти мы видим в скандинавских странах Европы.

Ст. 13–15 Декларации устанавливает стандарты в области обеспечения образования коренных народов с учетом культурных традиций и на их языке. Сохранение родного языка имеет огромное значение, поскольку родной язык является ключевым элементом идентичности.

На примере эвенского народа, представителем которого я явлюсь, охарактеризую ситуацию в этой сфере. Численность эвенов, по данным Всероссийской переписи 2010 года, составляет 21 830 человек, они проживают в пяти российских регионах.

Эвены донесли до настоящего времени самобытный язык и уникальную культуру, сохраняя и передавая новым поколениям непревзойденные навыки оленеводства, показывая тем самым уникальный пример успешной адаптации в экстремально суровых природно-климатических условиях Арктики.

Общая языковая ситуация с эвенским языком с точки зрения реального функционирования не может быть характеризована однозначно.

Например, по данным переписей населения, в 1959 году родным языком считали эвенский язык 77,5% эвенов,

в 1989 году — 43,8%, в 2002 году — 37,6%, 2010 году — 46%. Снижение количества лиц, считающих родным языком язык своего этноса, прежде всего связано с насильственным переводом кочевников на оседлый образ жизни, с распространением русского языка как языка межэтнического общения повсеместно в районах проживания эвенов и якутского языка, который является средством межэтнической коммуникации в республике.

В системе общего образования России принимаются необходимые меры по организации изучения родных языков коренных малочисленных народов Севера — разработан базисный учебный план, позволяющий ввести родной язык в качестве обязательного учебного предмета, установлены стимулирующие надбавки для учителей родных языков народов Севера, издаются учебники, проводятся олимпиады, конкурсы, семинары.

Для преподавания эвенского языка созданы условия в 24 школах в регионах их проживания. Число школ с обучением эвенского языка имеет тенденцию к увеличению. Растет и количество детей, изучающих родной эвенский язык (см. табл. 1).

Таблица 1

Изучение эвенского языка как самостоятельного предмета в средних общеобразовательных учреждениях России

Регионы России, где проживают эвены	Количество школ	Количество учащихся
Камчатский край	2	86
Магаданская область	1	15
Республика Саха (Якутия)	18	1026
Хабаровский край	1	87
Чукотский автономный округ	2	171
ВСЕГО	24	1385

Эта положительная тенденция связана, на мой взгляд, с влиянием идей Декларации ООН по правам коренных народов на общественное мнение, на органы власти и с активной жизненной позицией общественных организаций эвенков.

Одной из форм сохранения и развития языка народа является организация работы фольклорных ансамблей, творческих художественных коллективов, этнокультурных центров по пропаганде народного творчества малочисленных народов Севера, в том числе эвенковской культуры (см. табл. 2).

Таблица 2

Поддержка самобытной культуры эвенков

Регионы России, где проживают эвенки	Количество эвенковских этнокультурных центров России	Количество детских эвенковских фольклорных коллективов
Камчатский край	2	1
Магаданская область	1	3
Республика Саха (Якутия)	19	13
Хабаровский край	2	1
Чукотский автономный округ	-	1
ВСЕГО	24	19

Остановимся на федеральном правовом регулировании традиционного образа жизни малочисленных народов России.

В Российской Федерации принят ряд специальных федеральных законов, направленных на защиту прав коренных малочисленных народов:

- Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных

малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»;

- Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

Основополагающим в правовом статусе малочисленных народов Севера является Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».

Законодательное обеспечение традиционного образа жизни малочисленных народов России можно назвать нестабильной, что на наш взгляд, связано со стремительным вхождением страны в рыночную экономику, в результате чего отечественная юридическая наука оказалась не готова дать ответы на вызовы времени.

Так, в соответствии с Земельным кодексом России¹, лицам, относящимся к коренным малочисленным народам и их общинам, земельные участки предоставляются в безвозмездное пользование только для размещения зданий, сооружений, необходимых в целях сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов. Согласно Федеральному закону «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»², земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, могут

¹ «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 28.05.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 № 101-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

передаваться общинам в аренду в порядке, установленном Земельным кодексом. В то же время Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»³ устанавливает, что малочисленные народы имеют право безвозмездно пользоваться в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности землями различных категорий.

Налицо серьезные коллизии и противоречия в федеральном правовом регулировании земельных отношений. Это свидетельствует о сложности проблемы правового регулирования, но в то же время надо отметить, что идет активный поиск оптимальных решений, в том числе в регионах страны.

Налоговым кодексом Российской Федерации⁴ для основных хозяйствующих субъектов малочисленных народов, ведущих кочевой и полукочевой образ жизни, — родовых общин предусмотрены льготы: по налогу на доходы физических лиц установлено, что к доходам, не подлежащим налогообложению относятся доходы (за исключением оплаты труда наемных работников), получаемые членами зарегистрированных в установленном порядке родовых, семейных общин малочисленных народов Севера, занимающихся традиционными отраслями хозяйствования, от реализации продукции.

Налоговым кодексом по сборам за пользование объектами животного мира и пользование объектами водных биологических ресурсов малочисленными народами установлено, что не признаются объектами обложения объекты животного

³ Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 № 82-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

мира и объекты водных биологических ресурсов, пользование которыми осуществляется для удовлетворения личных нужд аборигенов.

От земельного налога освобождены родовые общины, лица, относящиеся к коренным малочисленным народам в отношении земельных участков, используемых для сохранения и развития их традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов.

Стандарт ответственности резидентов Арктической зоны Российской Федерации во взаимоотношениях с коренными малочисленными народами Российской Федерации, проживающими и осуществляющими традиционную хозяйственную деятельность в Арктической зоне Российской Федерации, утвержден Приказом Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики (далее — Минвостокразвития России) от 23 ноября 2020 года и вступил в законную силу.

Промышленным компаниям рекомендован Кодекс поведения в отношении коренных малочисленных народов Севера. Вести мониторинг и ежегодно публиковать отчеты будет Минвостокразвития России.

Стандарт включает перечень принципов, которые рекомендованы к исполнению резидентами в отношении представителей малочисленных народов Севера. К ним относятся следующие: содействие устойчивому развитию малочисленных народов, повышение качества их жизни и сохранение исконной среды обитания; участие представителей коренных народов в принятии решений по вопросам, затрагивающим права и интересы при освоении природных ресурсов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности; сотрудничество в улучшении социально-экономической ситуации; открытость деятельности резидента Арктической зоны; минимизация

отрицательного воздействия хозяйственной деятельности резидента Арктической зоны.

Этот Стандарт закрепляет перечень основных принципов взаимоотношений бизнеса с коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Важно, чтобы интересы коренных малочисленных народов соблюдались при освоении территорий, развитии производства и ведении хозяйственной деятельности. Есть надежда, что Стандарт хотя и носит рекомендательный характер, но будет воспринят бизнесом как необходимое условие осуществления деятельности на территориях традиционного проживания коренных малочисленных народов в Арктике.

Таким образом, одним из важных достижений российской политики в отношении коренных народов Арктики является тот факт, что коренные малочисленные народы Севера имеют реальную юридическую защиту и возможность вести традиционный образ жизни и сохранять самобытную культуру, обычаи своих предков, вести кочевой и полукочевой уклад жизни — заниматься оленеводством, рыболовством. Каждый абориген имеет право выбора своей судьбы.

Вопросы имплементации идей и положений Декларации ООН о правах коренных народов мира в практику деятельности региональных органов власти, общественных неправительственных организаций малочисленных народов Севера рассмотрим на примере Якутии — самого крупного по территории региона России, официально признанного полюсом холода Земли.

На территории Республики Саха (Якутия) проживают 5 коренных малочисленных народов: эвенки, эвены, долганы, юкагиры, чукчи. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность 5 коренных малочисленных народов, проживающих на территории Республики Саха

(Якутия), составляет 39 936 человек (4,16% от общего населения республики).

Законодательство Республики Саха (Якутия) содержит 42 законодательных акта, регулирующих общественные отношения с участием коренных малочисленных народов Севера.

Самобытный образ жизни коренных малочисленных народов Севера — одна из значимых общественных ценностей Республики Саха (Якутия).

Основы правового регулирования в этой сфере общественных отношений содержатся в Конституции (Основном законе) Республики Саха (Якутия) (статьи 5, 27, 38, 42, 43, 44, 93, 99, 103 и 104).

Отдельными положениями Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия) гарантируются коллективные права коренных малочисленных народов Севера на природные ресурсы, отмечается, что защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера относится к ведению Республики Саха (Якутия).

Республика Саха (Якутия), уважая традиции, культуру, обычаи коренных народов Якутии и коренных малочисленных народов Севера, защищает и обеспечивает их неотъемлемые права:

1) на владение и пользование в соответствии с законом земель и природными ресурсами, в том числе родовыми сельскохозяйственными, охотничьими, рыбопромысловыми угодьями;

2) на организацию социальной и медицинской программ с учетом экологических особенностей среды обитания, хозяйствования и этнической специфики организма человека;

3) на защиту от любой формы насильственной ассимиляции и этноцида, а также от посягательства на этническую

самобытность, исторические и священные места, памятники духовной и материальной культуры.

В целях защиты прав коренных малочисленных народов Севера приняты следующие законы Республики Саха (Якутия).

1. Закон Республики Саха (Якутия) от 10 июля 2003 г. 59-З № 121-III «О перечне коренных малочисленных народов Севера и местностей (территорий) их компактного проживания в Республике Саха (Якутия)». В соответствии с законом к коренным малочисленным народам Севера, проживающим на территории Республики Саха (Якутия), относятся аборигенные этносы долганы, эвены, эвенки, юкагиры и чукчи. Законом установлены 70 национальных административно-территориальных образований, которые отнесены к местностям (территориям) компактного проживания коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия).

2. Закон Республики Саха (Якутия) от 17 октября 2003 г. 82-З № 175-III «О родовой, родоплеменной кочевой общине коренных малочисленных народов Севера» в новой редакции, определяет правовое положение родовой, родоплеменной кочевой общины коренных малочисленных народов Севера, устанавливает и обеспечивает государственную защиту самобытного передвижного, кочевого природопользования и хозяйствования малочисленных и других коренных народов Севера, развитие традиционного уклада жизни, сохранение их исконных территорий расселения и природных ресурсов, соблюдение гражданских, экономических, политических, социально-культурных прав и свобод ее членов.

3. Закон Республики Саха (Якутия) от 15 апреля 2004 г. 133-З № 269-III «О распространении положений Федерального закона от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федера-

ции” на русских арктических старожилов Якутии (походчан и русскоустыинцев)».

4. Закон Республики Саха (Якутия) от 8 декабря 2005 г. 305-З № 617-III «О Суктуле юкагирского народа» определяет основы местного самоуправления сельских поселений в местностях компактного проживания юкагиров и государственные гарантии его осуществления, области землепользования, водопользования, использования недр, животного и растительного мира.

5. Закон Республики Саха (Якутия) от 27 января 2005 г. 207-З № 419-III «О статусе национального административно-территориального образования в местностях (на территориях) компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» устанавливает правовой статус административно-территориальных образований в местностях (на территориях) компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, включающих такие понятия, как:

- национальный улус (район) — административно-территориальное образование в составе Республики Саха (Якутия), наделенное статусом «национальный» с целью защиты и сохранения среды обитания и права на традиционное природопользование, национальные промыслы и ремесла, возрождения национальной культуры и языка, удовлетворения духовных запросов и создания условий социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера (эвенов, эвенков, долган, юкагиров, чукчей) в местностях (на территориях) их компактного проживания;
- национальный кочевой совет — административно-территориальное образование в составе улуса (района), наслега, созданное волеизъявлением граждан,

входящих в состав кочевых родовых общин коренных малочисленных народов Севера на территориях традиционного природопользования, переданных во владение государством в целях обеспечения взаимодействия общин с государственной властью и их полномочными представителями на местах, сохранения и развития традиционного уклада жизни, и наделенное статусом «национальный».

6. Закон Республики Саха (Якутия) от 31 марта 2005 г. 227-З № 461-III «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера». Закон определяет права и обязанности коренных малочисленных народов Севера, систему местного самоуправления, основы социально-экономического и социально-культурного развития коренных малочисленных народов Севера, юридические гарантии защиты прав этих народов.

7. Закон Республики Саха (Якутия) от 3 июля 2006 г. 370-З № 755-III «О территориях традиционного природопользования и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» устанавливает порядок образования, охраны и использования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) для ведения ими на этих территориях традиционного природопользования, традиционной хозяйственной деятельности и традиционного образа жизни, решения экономических, социально-культурных проблем.

По состоянию на 2020 год решениями органов местного самоуправления Якутии образованы 59 территорий традиционного природопользования (далее ТТП) местного значения, из них 55 ТТП поставлены на учет в государственный кадастр Российской Федерации⁵.

⁵ См., например: Материалы к парламентским слушаниям на тему «О ходе реализации Закона Республики Саха (Якутия) “Об этнологиче-

В дополнение к этому отметим, что впервые хозяйствующие субъекты аборигенов — правообладателей земельных участков традиционного природопользования — получили равный статус с такими крупными бизнес компаниями, как Газпром, Роснефть, АЛРОСА, и заключили справедливые соглашения о сотрудничестве.

8. Закон Республики Саха (Якутия) от 20 февраля 2004 г. 111-З, № 243-III «О статусе языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)». Законом определено, что языки коренных малочисленных народов Севера — национальное достояние Российской Федерации и Республики Саха (Якутия) и находятся под защитой государства.

К родным языкам коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) отнесены долганский, чукотский, эвенкийский, эвенский и юкагирский языки. На территории Республики Саха (Якутия) языки коренных малочисленных народов Севера являются официальными в местах компактного проживания этих народов и могут использоваться в официальных сферах общения наравне с государственными языками Республики Саха (Якутия).

9. Закон Республики Саха (Якутия) от 20 февраля 2004 г. 114-З № 245-III «О кочевом жилье для работников традиционных отраслей Севера Республики Саха (Якутия)» устанавливает основные виды и минимальные стандарты кочевого жилья оленеводов в соответствии с санитарно-гигиеническими нормами, традиционным укладом жизни коренных малочисленных народов Севера, а также порядок государственного финансирования расходов на обеспечение кочевым жильем оленеводов.

ской экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)»». 8 июня 2017 года, г. Якутск.

10. Закон Республики Саха (Якутия) от 22 июля 2008 г. 591-3 № 73-IV «О кочевых школах Республики Саха (Якутия)» устанавливает статус кочевой школы, определяет полномочия органов государственной власти Республики Саха (Якутия) и органов местного самоуправления в вопросах обеспечения общедоступным и бесплатным образованием детей, ведущих с родителями традиционный уклад жизни. Такой вид образования детей-оленьеводов создает возможность более глубокого изучения истории коренных малочисленных народов Севера, а также национальной культуры, родного языка, традиционного образа жизни. Обучение в кочевых школах способствует воспитанию у детей-кочевников национального достоинства, создает условия для восстановления, сохранения и защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Севера.

11. Закон Республики Саха (Якутия) от 14 апреля 2010 г. 820-3 № 537-IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» устанавливает обязательное проведение научного исследования влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса до принятия решений о реализации намечаемой хозяйственной и иной деятельности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов. Проведение государственной этнологической экспертизы позволяет определить на научной основе справедливый размер компенсации убытков, понесенных пользователями земель и других природных ресурсов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов, и, соответственно, возмещение таких убытков.

Особо следует сказать, что в процессе проведения экспертизы, Законом обеспечено обязательное участие народов Севера в принятии решений по вопросам, затрагивающим их жизненные интересы, на основе принципа свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов на осуществление промышленной деятельности на территориях традиционного природопользования. Любая этнологическая экспертиза уникальна, не случайно в Якутии по каждой из них принимается постановление регионального правительства.

12. Закон Республики Саха (Якутия) от 1 марта 2011 г. 897-З № 715-IV «О защите исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов севера Республики Саха (Якутия)» устанавливает, что защита исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов — это деятельность органов государственной власти Республики Саха (Якутия), органов местного самоуправления, направленная на создание экономических, социальных, экологических, организационных, правовых и других условий для сохранения исторически сложившегося ареала жизнедеятельности малочисленных народов.

13. Закон Республики Саха (Якутия) от 10 ноября 2011 г. 980-З № 857-IV «О государственной поддержке средств массовой информации, издаваемых (выпускаемых) на языках коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия)» направлен на создание правовых и экономических условий для сохранения, равноправного и самобытного развития языков коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия). Закон определяет, что средствами массовой информации, издаваемыми (выпускаемыми) на языках коренных малочисленных народов

Севера являются периодические печатные издания, сетевые издания, телеканалы, радиоканалы, телепрограммы, радиопрограммы, видеопрограммы, кинохроникальные программы, иные формы периодического распространения массовой информации под постоянными наименованиями (названиями), издаваемые (выпускаемые) на языках коренных малочисленных народов Севера и условия предоставления государственной поддержки указанным учреждениям.

14. Закон Республики Саха (Якутия) от 8 ноября 2012 г. 1112-3 № 1145-IV «О государственной поддержке коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия), ведущих кочевой образ жизни» устанавливает правовые, экономические и социальные основы государственной поддержки коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия), ведущих кочевой образ жизни.

Новеллой закона является введение понятия «коренные малочисленные народы Севера Республики Саха (Якутия)» и понятия «кочевой образ жизни».

Закон направлен на сохранение и развитие традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов, ведущих кочевой образ жизни, повышение уровня жизни коренных малочисленных народов, ведущих кочевой образ жизни, устанавливает конкретные меры государственной поддержки малочисленных народов, ведущих кочевой образ жизни, которыми являются:

1) обеспечение приоритетного доступа к биологическим ресурсам в местах традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, ведущих кочевой образ жизни;

2) создание соответствующих жилищно-бытовых условий на местах кочевий, включая материально-техническое и автономное инженерное обеспечение (теплоснабжение, энергоснабжение, теле-, радио-, космическая связь);

3) предоставление на льготных условиях гарантированной медицинской помощи, санаторно-курортного восстановительного лечения, лекарственных средств и изделий медицинского назначения.

Основной целью закона является государственная поддержка лиц, непосредственно занятых на народных промыслах аборигенов.

15. Законом Республики Саха (Якутия) от 24 июня 2013 г. 1220-3 № 1327-IV «Об Уполномоченном по правам коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия)» определяется правовое положение, основные задачи и компетенция Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия), порядок назначения на должность и освобождения от должности Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия), организационные формы, условия и гарантии его деятельности.

16. Закон Республики Саха (Якутия) от 15 июня 2016 г. 1660-3 № 963-V «О кочевой семье» устанавливает правовые основы сохранения и поддержки самобытного социального института коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) — кочевой семьи, проживающей в экстремальных природно-климатических условиях Арктики и являющейся основой сохранения и развития арктического оленеводства, и направлен на улучшение социально-демографической ситуации в Республике Саха (Якутия) и формирование этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов Севера, ведущих кочевой образ жизни.

Декларация отмечает, что коренные народы имеют право создавать свои собственные средства массовой информации на своих языках и получать доступ ко всем видам средств массовой информации, не принадлежащих коренным народам, без какой-либо дискриминации (ст. 16).

В информационной системе Якутии более 25 лет существуют информационные ресурсы, которые содержат образовательную и просветительскую информацию на 5 родных языках малочисленных народов Севера. В настоящее время реализуются Проекты по цифровизации культурного наследия аборигенов Севера на базе существующих отдельных информационных ресурсов региона.

Декларация подтверждает право аборигенов на участие в принятии решений по вопросам, которые затрагивали бы их права. Государства добросовестно консультируются и сотрудничают с соответствующими коренными народами через их представительные институты с целью заручиться их свободным, предварительным и осознанным согласием, прежде чем принимать и осуществлять законодательные или административные меры, которые могут их затрагивать (ст. 18–19).

В Якутии предусмотрено участие **малочисленных народов Севера в работе органов власти** по вопросам жизнедеятельности и развития самобытной культуры.

Так, в республике с 2013 года учреждена должность Уполномоченного по правам малочисленных народов Севера, выдвигаемого Советом представителей малочисленных народов Севера при Главе Республики Саха (Якутия). Следует также отметить, что более 25 лет эксперты общественных организаций малочисленных народов на общественных началах в качестве советников работают при Парламенте и Правительстве республики.

Широко известна в России и деятельность Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Якутии, объединяющей 5 коренных народов Арктики. Главный принцип деятельности этой общественной организации — защищать права и интересы коренных малочисленных народов через участие в деятельности органов государственной и муниципальной власти.

В этом Ассоциация народов Севера видит залог и гарантию возрождения, сохранения и дальнейшего развития родного языка, материальной и духовной культуры народов Арктики. Ни один региональный правовой акт, затрагивающий интересы малочисленных народов, не принимается без согласования с общественной организацией без ее непосредственного участия в обсуждении законопроекта. Кроме того, в регионе реализуются международные проекты ЮНЕСКО, инициированные общественными организациями аборигенов Якутии, такие как «Атлас исчезающих языков», «Циркумполярная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра», «Учитель Арктики», «Кочевые школы».

Смирных Сергей Евгеньевич,
канд. юрид. наук,
Российская ассоциация
международного права

Влияние пандемии COVID-19 на международно-правовое положение детей и молодежи

Возможность пандемий новых вирусов давно прогнозировалась специалистами в области общественного здравоохранения, а также Всемирной организацией здравоохранения. Так, во время лихорадки Эбола в 2014–2016 гг. внимание было обращено на проблемы готовности систем здравоохранения государств, на научные вопросы разработки новых методов лечения, вакцин и диагностики в короткие сроки для эффективного противостояния крупномасштабным вспышкам вирусов, а также на особые трудности, с которыми сталкиваются страны с ограниченными ресурсами при борьбе с пандемией. После детальной подготовительной работы Всемирная ассамблея здравоохранения собралась в мае 2015 г. и приняла решение о необходимости направления дополнительных ресурсов на профилактику пандемических вспышек и реагирование на них. Несмотря на то, что точные контуры и масштабы пандемии COVID-19 невозможно было предвидеть в то время, потенциал такого события был широко осознан, как и необходимость дальнейших заблаговременных действий для борьбы с ним.

Пандемия COVID-19 имеет разрушительные краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные последствия для детей и молодежи и их прав. Она также может оказать существенное физическое, эмоциональное и психологическое воздействие на детей и молодежь, особенно в странах, где введены обязательные меры по пребыванию дома, изоляции или заключению, а также на детей и молодежь, находящихся в уязвимом положении¹. Несмотря на то, что у детей и молодежи, заразившихся вирусом COVID-19, симптомы и уровень смертности меньше, чем у других групп, существует несколько непосредственных социально-экономических последствий, напрямую затрагивающих детей и молодежь, и риски для защиты детей и молодежи, которые возникают ежедневно в связи с мерами, принимаемыми для предотвращения и сдерживания вируса.

В рамках Организации Объединенных Наций принят ряд международно-правовых документов в области влияния коронавирусной инфекции на права детей и молодежи: «Женщины и девочки и меры реагирования на коронавирусную инфекцию (COVID-19)» 23 декабря 2020 г.; «Укрепление национальных и международных мер быстрого реагирования в связи с воздействием коронавирусного заболевания (COVID-19) на женщин и девочек» 23 декабря 2020 г.; «Специальная сессия Генеральной Ассамблеи в связи с пандемией коронавирусного заболевания (COVID-19)» 20 ноября 2020 г.; «Объединенный ответ на глобальные угрозы здоровью: борьба с коронавирусным заболеванием 2019 г. (COVID-19)» 11 сентября 2020 г.; «Всеобъемлющие и скоординированные меры реагирования на пандемию коронавирусного заболевания (COVID-19)» 11 сентября 2020 г.;

¹ Committee on the Rights of the Child (CRC), COVID-19 statement. URL: https://tbinter-net.ohchr.org/Treaties/CRC/Shared%20Documents/1_Global/INT_CRC_STA_9095_E.pdf (дата обращения: 25.11.2021).

«Международное сотрудничество в целях обеспечения глобального доступа к лекарствам, вакцинам и медицинскому оборудованию для противодействия COVID-19» 20 апреля 2020 г; «Глобальная солидарность в борьбе с коронавирусным заболеванием 2019 г. (COVID-19)» 3 апреля 2020 г.²

Пребывание дома, меры по блокированию и заключению под стражу оказывают существенное воздействие на права детей и молодежи, на физическое и психическое здоровье, образование, игры, семейное окружение и свободу от насилия и др. Дети и молодежь могут содержаться в переполненных домах, которые не соответствуют адекватному уровню жизни. Дети и молодежь, находящиеся в уязвимом положении, например, беженцы и мигранты, в зонах конфликтов, в заключении, могут не иметь доступа к необходимому уровню жизнеобеспечения, включая жилье, питание, воду, санитарию и гигиену. Кроме того, права детей и молодежи на информацию, участие и доступ к правосудию в ряде случаев не соблюдаются, не защищаются и не реализуются в рамках мер, принимаемых государствами в ответ на пандемию.

Право на образование было нарушено для более чем 1,5 миллиарда детей во всем мире во время пандемии COVID-19, поскольку 188 стран закрыли школы³. В качестве альтернативы используется онлайн-обучение, и более двух третей стран внедрили национальную платформу дистанционного обучения. Однако до начала пандемии почти треть детей и молодежи во всем мире была лишена доступа к цифровым технологиям⁴. Поэтому дети и молодежь, име-

² См.: URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/member-states> (дата обращения: 25.11.2021).

³ COVID-19 Educational Disruption and Response / United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO). URL: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse>

⁴ Policy Brief: The Impact of COVID-19 on children / United Nations (UN).

ющие ограниченный доступ к технологиям или Интернету или не имеющие достаточной поддержки со стороны семей, не могут получить доступ к образованию и рискуют отстать в своем развитии.

COVID-19 представляет собой значительную угрозу правам детей и молодежи на выживание и развитие и на наивысший достижимый уровень здоровья. Воздействие на физическое и психическое здоровье является значительным, особенно заключение в тюрьму. В ряде случаев оказывается нарушен доступ к ключевым услугам, включая как базовое и жизненно важное медицинское обслуживание, так и такие услуги, как вакцинация. Детская смертность может увеличиться из-за финансовых трудностей и глобального экономического спада. Кроме того, жизненно важным вопросом является питание детей и молодежи, поскольку некоторые дети не могут регулярно получать доступ к пище во время изоляции или из-за финансовых трудностей, связанных с COVID-19. 368,5 миллионов детей в 143 странах обычно полагаются на школьное питание в качестве ежедневной полноценной пищи⁵.

COVID-19 непропорционально сильнее влияет на тех детей и молодежь, кто живет в беднейших странах. Он усугубляет существующее неравенство и рискует еще больше загнать в нищету тех, кто затронут бедностью. Страны с низким уровнем дохода и страны, пострадавшие от конфликтов, с меньшей вероятностью смогут эффективно отреагировать на ситуацию из-за более слабых систем здравоохранения и социальной защиты, меньшего числа домохозяйств, имеющих доступ к технологиям для дистанционного обучения, а также отсутствия у большей части населения доступа к воде, санитарии и средствам гигиены.

⁵ Ibid.

В результате пандемии COVID-19 миллионы детей и молодежи столкнутся с финансовыми трудностями из-за болезней, неспособности работать, потери работы, дохода и других связанных с этим факторов экономической незащищенности. В дополнение к 386 миллионам детей, живущих в крайней нищете 42–66 миллионов детей могут столкнуться с крайней нищетой из-за COVID-19⁶. Также возрастает риск того, что дети будут вынуждены заниматься детским трудом, чтобы поддержать свои семьи, а для девочек, в частности, представляют опасность ранние, детские или принудительные браки, эксплуатация и торговля людьми.

Пандемия COVID-19 продемонстрировала, как неравенство в обществе влияет на осуществление прав детей и молодежи, в частности, на здоровье, выживание и развитие, образование и достаточный уровень жизни.

Более того, ответные меры государств по борьбе с пандемией COVID-19 рискуют еще больше усугубить существующее неравенство детей и молодежи, находящихся в уязвимом положении. Их воздействие непропорционально сильно затронет определенные группы, живущих в бедности или детей-жертв торговли людьми или контрабанды, детей, пострадавших от конфликтов, детей из числа меньшинств и коренных народов, детей с основными заболеваниями, включая ВИЧ/СПИД, и детей с ограниченными возможностями. Особенно это коснется детей, лишенных свободы, которые живут в тесноте или антисанитарных условиях и часто более уязвимы к жестокому обращению и пренебрежению⁷.

⁶ COVID-19's Devastating Impact on Children / Human Rights Watch. URL: <https://www.hrw.org/news/2020/04/09/covid-19s-devastating-impact-children>; Girls at the center of the COVID-19 response / Plan International.

⁷ Technical Note: COVID-19 and Children Deprived of their Liberty. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Detention/ChildrenDeprivedofLibertyandCOVID.pdf>

В своих ответах на вызовы COVID-19 государства должны принять эффективные, основанные на правах детей и молодежи ответные меры, которые защищают и приносят пользу тем, кто находится в наиболее уязвимом положении, одновременно продвигая усилия по соблюдению, защите и реализации прав детей и молодежи.

Глобальная пандемия COVID-19 принесла страдания во все государства мира и представляет долгосрочную угрозу правам детей и молодежи. Во все предыдущие времена любые подобные события — извержения вулканов, землетрясения, цунами заставляли государства как можно скорее предпринимать необходимые меры и сотрудничать между собой. В современном мире пандемия оказала негативное влияние на динамику международных отношений. Как отметил Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций А. Гутерриш, она не только угрожает развитию, но и может привести к «росту нестабильности, волнений и конфликтов»⁸.

При этом международное право играет важную роль в борьбе с пандемией COVID-19 среди детей и молодежи. Всемирная организация здравоохранения является международным учреждением, созданным на основании договора, директивные органы и Секретариат Всемирной организации здравоохранения действуют в соответствии с правилами, установленными договором и вспомогательными решениями, а Международные медико-санитарные правила, которым следуют государства-члены в чрезвычайных ситуациях, имеют обязательную силу. Действия, предпринятые Всемирной организацией здравоохранения во время

⁸ Тиллабаев М. Международное сотрудничество и права человека в условиях пандемии вируса COVID-19 // Covid-19 и права человека. Ташкент, 2020. С. 31.

пандемии COVID-19 для защиты прав и интересов детей и молодежи, стали предметом споров и могут быть подвергнуты пересмотру.

Для эффективной борьбы с пандемией COVID-19 детям и молодежи необходим доступ к лекарственным средствам. При этом под доступом детей и молодежи к лекарственным средствам в основном подразумевается их способность получать вакцины, лечение и диагностику, необходимые для профилактики и лечения заболеваний. Как правило, речь идет о фармацевтической продукции, которая уже представлена на рынке.

В связи с этим вызывает интерес роль, которую играет искусственный интеллект в разработке и внедрении новых медицинских продуктов, а также правовые вопросы, возникающие в отношении детей и молодежи. Применение инструментов искусственного интеллекта при разработке лекарственных средств для детей и молодежи обладает потенциалом для создания инновационных лекарств по доступным ценам.

Применение технологий искусственного интеллекта к большим объемам данных расширяет возможности для профилактики, диагностики, лечения и управления заболеваниями детей и молодежи. Воздействие на здравоохранение, оказываемое новыми технологиями и достижениями в области обработки данных, настолько глубоко, что представляется правильным утверждать, что детское и молодежное здравоохранение претерпевает структурные изменения. В то же время применение технологий искусственного интеллекта к большим объемам данных зависит от различных факторов, таких как законодательство, условия доступа к данным и владения ими, а также технологические возможности. Поэтому важно рассмотреть как влияние инструментов искусственного интеллекта на детское и молодежное

здравоохранение, так и рамки, которые позволяют или препятствуют такому влиянию.

Диагностика здоровья детей и молодежи — пример того, как технологии влияют на здравоохранение. Диагностика болезней и недугов может быть улучшена, если выявить закономерности в данных — цель, которую призваны достичь машинное обучение и предсказательная аналитика⁹. Системы искусственного интеллекта, применяемые в геномном секвенировании¹⁰, цифровой патологической визуализации и радиологии¹¹, обещают значительный прогресс в диагностике заболеваний детей во многих областях, в частности, в онкологии¹². Например, только в Соединенных Штатах Америки и Великобритании ежегодно проводится 42 миллиона обследований рака молочной железы, и исследователи искусственного интеллекта уже разработали алгоритмы, которые снижают количество как ложноположительных, так и ложноотрицательных результатов этих обследований, превосходя даже экспертную интерпретацию детей и молодежи.

В этой новой среде роль и деятельность субъектов здравоохранения меняются. Технологические гиганты приобретают известность и возможности, что объясняется их способностью осуществлять крупные инвестиции в расширение

⁹ Development and validation of a deep learning algorithm for detection of diabetic retinopathy in retinal fundus photographs / V. Gulshan, L. Peng, M. Coram et al. JAMA 2016. P. 316.

¹⁰ Diagnostic performance of deep learning algorithms applied to three common diagnoses in dermatopathology / T. Olsen et al. // Journal of Pathology Informatics. 2018. № 9 (1). P. 32.

¹¹ Artificial Intelligence in Interventional Radiology: A Literature Review and Future Perspectives / A. Lezzi et al. // Journal of Oncology. November 2019.

¹² International evaluation of an AI system for breast cancer screening / S.M. McKinney, M. Sieniek, V. Godbole et al. // Nature. 2020. № 577 (7788). P. 577.

инструментов искусственного интеллекта и тем значением, которое приобрели данные для управления здравоохранением и развития медицинских исследований. Сами исследователи также меняют свои роли, и часть их деятельности перемещается из лабораторий в сферу компьютерных технологий. Аналогичным образом, деятельность врачей изменяется благодаря новым инструментам, которые помогают им в работе, и алгоритмам. Пациенты также ощущают изменения, например, при мониторинге с помощью носимых устройств или при взаимодействии с онлайн-овыми интеллектуальными помощниками в области здравоохранения.

Искусственный интеллект обладает потенциалом для повышения точности и скорости открытия лекарств для детей и молодежи. Однако с технологическими изменениями приходит и необходимость правовой адаптации. Инновационные правовые меры необходимы для того, чтобы воплотить потенциал в фармацевтические инновации, ориентированные на удовлетворение потребностей, способные обеспечить доступные по цене продукты. Важнейшие вопросы касаются выбора направлений исследований, правовых инструментов для инноваций и регулирования данных, питающих новые технологии. Аналогичным образом, отсутствие комплексной глобальной структуры и норм использования данных, права собственности и информированного согласия подрывает весь потенциал этих технических достижений.

Пандемия COVID-19 имеет многочисленные, еще не в полной мере изученные международно-правовые последствия для детей и молодежи. Так, по данным ЮНЕСКО, из-за COVID-19 более 1,5 миллиарда учащихся в 188 странах не посещали школы, что составляет более 91 процента от общего числа учащихся в мире. Кризис выявил значительные различия в готовности стран к чрезвычайным ситуациям, доступе детей и молодежи к Интернету и наличии учеб-

ных материалов. Для многих детей и молодежи пандемия COVID-19 означает ограниченное образование или полное его отсутствие, или дальнейшее отставание от своих сверстников. Дети и молодежь, пострадавшие от закрытия школ, также лишаются чувства стабильности и нормальной жизни, которое дают школы¹³.

Закрытие школ может непропорционально сильно повлиять на положение детей и молодежи, которые уже сталкиваются с препятствиями в доступе к образованию или подвергаются повышенному риску исключения по различным причинам. К ним относятся дети и молодежь с ограниченными возможностями, учащиеся в отдаленных районах, беженцы, а также те, чьи семьи потеряли доход в результате сокращения рабочих мест или нестабильной занятости, либо находятся в трудных жизненных ситуациях.

Многие дети и молодежь из бедных общин зависят от школ в плане питания, основных медицинских услуг и информации. Почти половина школьников в мире, около 310 миллионов, полагаются на свою школу в плане ежедневного питания, включая 100 миллионов детей в Индии, 48 миллионов в Бразилии и по 9 миллионов в Нигерии и Южной Африке.

Несмотря на то, что значительное внимание уделяется платформам онлайн-обучения, многие государственные школы не приспособлены для их использования или не имеют технологий и оборудования для проведения онлайн-обучения. Многие дети и молодежь не имеют доступа к Интернету. Так, в Соединенных Штатах Америки, например, каждый пятый ребенок школьного возраста не имеет дома доступа к компьютеру или высокоскоростному Интернету.

¹³ URL: <https://www.hrw.org/news/2020/04/09/covid-19-and-childrens-rights> (дата обращения: 29.07.2021).

Дети и молодежь, живущие в самых обесточенных местах в мире, также сталкиваются с наименее надежным и медленным Интернетом по наименее доступным ценам. Дети и молодежь, живущие в странах, где в некоторых регионах — включая Бангладеш, Индию и Мьянму — Интернет отключен, не имеют надежды получить доступ к онлайн-обучению.

Стремление получить доступ к онлайн-обучению также подчеркивает необходимость обеспечения конфиденциальности данных детей и молодежи. Данные об образовании детей и молодежи защищены намного меньше, чем их данные о здоровье. Во многих странах действуют правила, регулирующие надлежащее использование и раскрытие персональных медицинских данных, даже в чрезвычайных ситуациях. Несмотря на то, что школьные данные детей и молодежи могут быть столь же важными — раскрывать имена, домашние адреса, поведение и другие персональные данные, разглашение которых может навредить детям, молодежи и их семьям при неправильном использовании, — в большинстве стран нет законов о конфиденциальности данных детей и молодежи.

Как только пандемия ослабнет и государства смогут вновь открыть школы, потребуются специальные меры для того, чтобы дети и молодежь, особенно девочки-подростки, которые больше всего подвержены риску детских браков, и те, кому угрожает детский труд, вернулись в школу. Финансовая поддержка для оплаты школьных сборов, которые должны быть отменены в государственных начальных и средних школах, транспорта или других соответствующих школьных расходов может потребоваться детям и молодежи, чьи семьи столкнулись с экономическими трудностями из-за кризиса COVID-19 и не смогли бы вернуться в школу в противном случае. Правительства также должны принять

меры по обеспечению охвата детей с ограниченными возможностями, которые сталкиваются с препятствиями в доступе к качественному инклюзивному образованию даже в обычных условиях и которые, если они поступают в школу, часто бросают ее, не закончив.

В связи с этим государства должны уделять приоритетное внимание усилиям по продолжению образования для всех детей и молодежи во время и после временного закрытия школ и сделать его доступным для всех, используя все имеющиеся технологии, включая радио- и телепередачи, телефоны, компьютеры, безопасные приложения для обмена текстовыми сообщениями или другие средства, включая печатные материалы. Эти усилия должны включать адаптированные, доступные материалы и коммуникационные стратегии для детей и молодежи с различными видами инвалидности.

В тех случаях, когда школы и учителя имеют ограниченные ресурсы, правительствам следует рассмотреть возможность предоставления целевого финансирования учителям и школьным работникам в условиях неполной занятости.

Государствам следует принять все возможные меры для обеспечения максимально быстрого и широкого доступа в Интернет для детей и молодежи, чтобы обеспечить их право на образование. Они должны предпринять шаги по смягчению непропорционально тяжелых условий для бедных и маргинализированных групп населения, включая поиск путей предоставления льготного или бесплатного доступа к Интернету.

Одним из существенных последствий пандемии COVID-19 для детей и молодежи стал рост домашнего насилия. Даже когда государства не переживают кризис, дети и молодежь подвергаются наибольшему риску насилия в собственных домах. По данным Детского фонда

Организации Объединенных Наций, три четверти детей в возрасте 2-4 лет подвергаются психологической агрессии или физическому наказанию, или и тому, и другому, со стороны своих воспитателей дома¹⁴. Подверженность насилию, особенно в раннем возрасте, может нарушить развитие мозга ребенка и связана со снижением успеваемости, а также с более высокими показателями тревожности, депрессии, злоупотребления психоактивными веществами и самоубийств.

Дополнительные семейные стрессы, связанные с кризисом COVID-19 — включая потерю работы, изоляцию, чрезмерное ограничение свободы, беспокойство о здоровье и финансах — повышают риск насилия в семье, включая насилие как между партнерами, так и со стороны опекунов по отношению к детям. Закрытие школ из-за пандемии COVID-19 может увеличить число случаев жестокого обращения с детьми и молодежью, о которых не сообщается, поскольку учителя зачастую лучше всего могут выявить детей и молодежь, подверженных насилию в семье, и обратиться за соответствующим вмешательством.

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций сообщил об «ужасающем» глобальном всплеске насилия в семьях, связанном с пандемией COVID-19. В некоторых странах количество звонков на телефоны доверия удвоилось. Во Франции государственные органы сообщили, что за одну неделю уровень насилия в семье вырос более чем на 30 процентов в районах, где действуют ограничения на передвижение. В Китае средства массовой информации также сообщили о всплеске домашнего насилия в условиях карантина COVID-19. В Тунисе в первые пять дней после того,

¹⁴ URL: <https://www.hrw.org/news/2020/04/09/covid-19-and-childrens-rights> (дата обращения: 29.07.2021)

как людям было приказано оставаться дома, звонки на горячую линию для женщин, страдающих от жестокого обращения, увеличились в пять раз.

Дети также могут столкнуться с отсутствием заботы, когда родители не могут взять отпуск на работе, изменить свой рабочий график или организовать альтернативный уход за детьми, находящимися дома из-за закрытия школ.

Специальный докладчик Организации Объединенных Наций по вопросам насилия в отношении женщин призвал государства принять срочные меры для решения проблемы домашнего насилия в отношении женщин и детей в контексте COVID-19, предупредив, что для многих женщин и детей дом может быть местом страха и жестокого обращения.

Правительствам следует стремиться к расширению услуг для семей, подверженных риску, включая услуги по посещению на дому профессиональными медсестрами и социальными работниками семей, где дети и молодежь подвергаются повышенному риску насилия.

Правительства должны обеспечить, чтобы в сообщениях для детей, молодежи и родителей или опекунов из школ также содержалась информация о том, как и куда обращаться за услугами поддержки в случае сильного стресса или психосоциальной поддержки и других профилактических механизмов для снижения риска насилия.

Правительственные кампании по информированию общественности о COVID-19 должны включать информацию о том, как дети, чувствующие себя в опасности в своих домах, могут обратиться за помощью, включая поддержку в том, чтобы насильник был исключен из дома или помещен в альтернативное жилье.

Государствам следует обеспечить, чтобы услуги детям и молодежи по борьбе с бытовым насилием не прерывались

из-за пандемии COVID-19, расширить эти услуги, где это необходимо, чтобы удовлетворить уровень потребностей, и обеспечить доступность услуг для всех, включая детей и молодежь, находящихся на карантине или инфицированных COVID-19.

Следует расширять кампании по просвещению и информированию общественности по вопросам домашнего насилия и жестокого обращения с детьми и молодежью, включая профилактику, способы выявления предупреждающих признаков возможного насилия в семье, способы получения доступа к услугам и то, как сосед или друг может помочь человеку, переживающему насилие.

Важно рекламировать горячие линии и другие услуги, доступные для жертв насилия, включая тех, кто живет в районах, где действуют ограничения на передвижение, карантин, или инфицированных вирусом COVID-19.

Одним из последствий пандемии коронавируса для детей и молодежи является потеря родителей и воспитателей. По мере роста числа погибших все большее количество детей и молодежи будет оставаться без одного или обоих родителей или других лиц, обеспечивающих им уход. Во время эпидемии Эболы в Западной Африке в 2014–2015 годах, по данным ЮНИСЕФ, в Гвинее, Либерии и Сьерра-Леоне было зарегистрировано 11 310 смертей, в результате чего более 22 000 детей потеряли одного или обоих родителей. Несмотря на то, что смертность от COVID-19 наиболее высока среди пожилых людей, масштаб пандемии, безусловно, осиротит большое количество детей и молодежи. Дети также могут остаться без ухода, если их родители будут госпитализированы в связи с COVID-19.

Осиротевшие дети и молодежь особенно уязвимы для торговли людьми и других форм эксплуатации, включая сексуальную эксплуатацию, принудительное попрошай-

ничество, уличную торговлю и другие формы детского труда.

Дети и молодежь без постоянного жилья, живущие или работающие на улицах и в других общественных местах, могут быть не в состоянии выполнять предписания органов здравоохранения, требующие самоизоляции, карантина или комендантского часа.

Преыдущие кризисы общественного здравоохранения, такие как глобальная эпидемия вируса иммунодефицита человека, привели к расширению детских домов и других интернатных учреждений, часто финансируемых религиозными группами и частными лицами. Тем не менее исследования документально подтвердили целый ряд вредных последствий для детей и молодежи, находящихся в учреждениях интернатного типа, включая недостатки физического роста, когнитивных функций, нейроразвития и социально-психологического здоровья. Комитет Организации Объединенных Наций по правам ребенка установил, что учреждения интернатного типа связаны с более низким уровнем образования, зависимостью от социального обеспечения и более высоким риском бездомности, тюремного заключения, нежелательной беременности, раннего отцовства, злоупотребления психоактивными веществами, членовредительства и самоубийств.

Руководящие принципы Организации Объединенных Наций поощряют семейный уход, когда это возможно, включая уход в расширенной семье (родственные связи), патронатное воспитание или другие формы семейного или сходного с семейным ухода.

Необходимо иметь в виду, что миллионы детей и молодежи находятся в учреждениях или под стражей. По оценкам исследования Организации Объединенных Наций, проведенного в 2019 г., от 1,5 до 8 миллионов детей в год содержатся

в местах лишения свободы, иммиграционных тюрьмах, детских домах, учреждениях или иным образом лишены свободы¹⁵.

Несмотря на то, что эксперты Организации Объединенных Наций пришли к выводу, что задержание детей по причинам, связанным с миграцией, не может отвечать наилучшим интересам ребенка, по меньшей мере 330 000 детей в 77 странах ежегодно содержатся в иммиграционных центрах. В Греции, например, сотни несопровождаемых детей-мигрантов и детей, ищущих убежище, заперты в камерах полиции и центрах содержания под стражей в антисанитарных условиях и не имеют доступа к медицинской помощи или психологическим консультациям.

Следует отметить, что десятки миллионов детей мигрировали через границы или были насильственно перемещены, включая более 12,7 миллионов беженцев, 17 миллионов внутренне перемещенных лиц и 1,1 миллиона просителей убежища¹⁶. Многие из них находятся в переполненных лагерях, неофициальных центрах приема или поселениях, где нет чистой воды, санитарии и медицинских услуг, где легко распространяются инфекционные заболевания. Из-за ограниченного медицинского обслуживания беженцы, просители убежища, мигранты и внутренне перемещенные лица, имеющие хронические заболевания, имеют меньше шансов получить необходимое лечение и консультации, что делает их еще более уязвимыми для COVID-19.

Несмотря на угрозу, которую представляет пандемия COVID-19, органы защиты детей в некоторых регионах Франции отказываются от несопровождаемых детей-ми-

¹⁵ URL: <https://www.hrw.org/news/2020/04/09/covid-19-and-childrens-rights> (дата обращения: 30.07.2021).

¹⁶ URL: https://www.hrw.org/news/2020/04/09/covid-19-and-childrens-rights#_Toc37256535 (дата обращения: 31.07.2021).

грантов, которые вынуждены жить в антисанитарных помещениях, где у них нет защиты от передачи вируса или других заболеваний. Например, в Марселе власти отказываются предоставить несопровожаемым детям-мигрантам жилье и уход, несмотря на постановления судей по делам несовершеннолетних.

В Греции продолжающаяся с 2016 г. политика правительства по размещению просителей убежища на Эгейских островах привела к резкому перенаселению в антисанитарных условиях еще до появления COVID-19. Около 36 560 человек, не менее трети из которых — дети, застряли на островах в лагерях, рассчитанных всего на 6 095 человек. В лагерях на островах уже давно нет доступа к медицинской помощи, туалетам и душевым, а также достойного жилья, тысячи семей живут в хлипких палатках, которые они купили сами. Вместо того, чтобы эвакуировать лагеря, Греция отреагировала на риск заражения COVID-19, по сути, запретив их, оставив детей и молодежь с еще меньшим доступом к основным услугам, чем раньше, когда условия уже были невыносимыми. Детям на островах грозит гуманитарная катастрофа из-за массовой вспышки COVID-19 в лагерях, если греческое правительство откажется переселить их на материк.

Дети и молодежь, потерявшие своих родителей или опекунов из-за коронавируса, будут особенно уязвимы для злоупотреблений, включая торговлю людьми, поскольку их перемещение будет означать, что у них меньше шансов получить доступ к традиционным формам альтернативного ухода, например, быть принятыми на воспитание членами семьи.

Риски, связанные с COVID-19, подчеркивают важность резкого сокращения числа детей в учреждениях и местах лишения свободы и перевода их в семейные условия,

не связанные с лишением свободы. Например, многие дети, находящиеся в местах лишения свободы для несовершеннолетних, не представляют угрозы для общественной безопасности и могут быть задержаны за мелкие, ненасильственные правонарушения. У многих детей в детских домах или других интернатных учреждениях есть живые родители, и при достаточной поддержке о них можно было бы заботиться дома.

Необходимо иметь в виду, что некоторые группы людей более уязвимы в этих обстоятельствах, включая детей и молодежь, лишенных свободы, которые часто имеют подорванное психосоциальное, физическое и психическое здоровье, живут в тесноте или антисанитарных условиях и более уязвимы для жестокого обращения.

Уроки, извлеченные из предыдущих вспышек заболеваний, подчеркивают необходимость того, чтобы государства учитывали возросшие потребности в защите детей и молодежи при разработке и реализации своих планов реагирования. Неустранение таких потребностей или несвоевременное осуществление скоординированных ответных мер может усилить страдания, нанести непоправимый вред детям и молодежи и задержать восстановление целых сообществ.

В ответ на пандемию COVID-19 государства должны обеспечить полное уважение, защиту и реализацию прав детей и молодежи, лишенных свободы. Это включает обеспечение надлежащего ухода и защиты от вреда, в том числе путем принятия мер по снижению переполненности всех учреждений, в которых они содержатся, и обеспечения безопасного помещения в учреждения, не связанные с лишением свободы, в семье или общины. Это также означает, что все решения и действия в отношении детей должны руководствоваться принципом наилучшего обеспечения интере-

сов детей и молодежи и правами детей на жизнь, выживание и развитие, а также на то, чтобы быть услышанными.

Конвенция о правах ребенка 1989 г. применяется ко всем детям во всех контекстах, в том числе в чрезвычайных ситуациях. Каждый день сотни тысяч детей лишаются свободы в местах лишения свободы по всему миру¹⁷. Хотя заразиться коронавирусной инфекцией (COVID-19) может любой человек, дети, лишённые свободы в закрытых учреждениях, включая тех, кто содержится с родителями или опекунами, тех, кто находится в иммиграционном заключении и тех, кто задержан по соображениям национальной безопасности, подвержены большему риску заражения и распространения заболевания. Меры, принятые для борьбы с распространением коронавирусной инфекцией (COVID-19) и его воздействием на общество, также могут негативно повлиять на их благополучие и здоровое развитие, включая адекватный уход во время содержания под стражей, поддержку семьи и общества.

Согласно ст. 24 Конвенции о правах ребенка 1989 г., дети имеют право на наивысший достижимый уровень здоровья. Дети, лишённые свободы, более уязвимы к заражению COVID-19 из-за стесненных условий, в которых они живут. Лишение свободы затрудняет самоизоляцию или практику физического дистанцирования, особенно в переполненных и нечистых учреждениях, где безопасность или инфраструктура ограничивают доступ к воде, санитарии и базовой гигиене. Дети и молодежь, лишённые свободы, имеют общие демографические характеристики и в целом более слабое здоровье, чем остальное население, с большей вероятностью имеют или испытывают основные психосоциальные,

¹⁷ URL: https://alliancceph.org/en/system/tdf/library/attachments/covid-19_and_children_deprived_of_their_liberty_v1_lowres_0.pdf?file=1&type=node&id=37576 (дата обращения: 31.07.2021).

физические и психические проблемы со здоровьем, которые усугубляются в результате их помещения под стражу и сталкиваются с отсутствием качественных медицинских услуг еще до возникновения чрезвычайной ситуации. Они часто получают плохое питание и не имеют адекватного доступа к качественным услугам, включая психическое здоровье и психосоциальную поддержку, социальные и образовательные услуги. В этих условиях места лишения свободы могут служить источником инфекции, усиления и распространения COVID-19 внутри и за пределами учреждений.

В местах лишения свободы риску заражения вирусом подвергаются не только дети и молодежь, но и персонал, работающий в этих учреждениях (полицейские, сотрудники исправительных учреждений, воспитатели, социальные и медицинские работники и т.д.), их семьи и общины. Персонал может быть не обеспечен необходимыми средствами защиты и в связи с этим испытывать страх и сталкиваться с дискриминацией, особенно в тех случаях, когда вспышки происходят в учреждениях. Во многих странах COVID-19 начал поражать тюрьмы, колонии и центры содержания иммигрантов, а также другие места, где дети и молодежь лишены свободы, и в ответ на это многие страны предпринимают упреждающие меры по сокращению числа детей и молодежи, лишенных свободы.

Кроме того, меры профилактики и контроля общественного здоровья в местах лишения свободы могут повысить уязвимость детей и молодежи к и без того повышенному риску насилия, включая гендерное насилие. Более того, во многих случаях места содержания под стражей находятся далеко от семей, домов и общин детей и молодежи, и регулярное общение с ними часто ограничено. Это способствует усилению страха и чувства неопределенности, что еще больше влияет на здоровье и благополучие (включая психи-

ческое и психосоциальное благополучие) этих детей и молодежи и их семей. Дети и молодежь также могут столкнуться с ситуацией, если вспышки заболевания происходят в местах лишения свободы, что может еще больше отбросить их назад.

Кроме того, болезнь персонала может привести к сокращению персонала ниже приемлемого уровня для ухода и защиты детей, лишенных свободы, потенциально усугубляя уязвимость детей и молодежи из-за отсутствия надзора и ухода, включая их уязвимость к насилию, жестокому обращению и пренебрежению, а также увеличивая вероятность того, что они будут находиться в меньшем пространстве, которое легче контролировать или надзирать.

В некоторых странах меры по прекращению распространения COVID-19 фактически увеличивают число детей и молодежи, лишенных свободы, и затрудняют их освобождение, несмотря на амнистии или общие приказы об освобождении, направленные на сокращение числа мест лишения свободы. Такие меры включают закрытие судов, приостановку уголовных процессов или административных слушаний, ограничение свободы передвижения, ограничение доступа детей, лишенных свободы, к адвокатам или семьям, закрытие границ или расширение использования содержания под стражей до высылки вместо прекращения депортации и освобождения детей в альтернативы содержанию под стражей, не связанные с лишением свободы.

Следует отметить, что меры по борьбе с пандемией COVID-19 в отношении детей и молодежи, лишенных свободы, включая чрезвычайные меры, основанные на целях общественного здравоохранения, должны строго соответствовать международному праву и стандартам в области прав человека. Любые ответные меры должны быть

соразмерными, необходимыми, ограниченными по времени, подлежащими пересмотру, недискриминационными по отношению к оцененному риску и основанными на наилучших интересах детей и молодежи.

Необходимо уделять особое внимание уникальной уязвимости девочек и мальчиков, тех, кто подвергается дискриминации по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности, детей с ограниченными возможностями, детей-мигрантов, просителей убежища, беженцев, бездомных, детей и молодежи из числа коренных народов, детей и молодежи из общин этнических меньшинств, беспризорных детей, детей, связанных с вооруженными группами и вооруженными силами, и любых других уязвимых или маргинализированных групп.

Для улучшения международно-правового положения детей и молодежи в условиях пандемии COVID-19 государствам необходимо осуществлять более эффективное сотрудничество по некоторым направлениям.

Первостепенное значение имеет сотрудничество между государствами и международными организациями в борьбе со вспышками пандемии среди детей и молодежи. Вспышка пандемии — это возможность продемонстрировать ценность объединения научной изобретательности и открытого сотрудничества между учеными и исследовательскими институтами, координации логистических и производственных возможностей, выделения финансовых ресурсов, необходимых для приобретения и распространения необходимых медицинских препаратов (включая вакцины, диагностику, лечение и средства индивидуальной защиты), а также попыток обеспечить детям и молодежи во всем мире доступ к жизнеобеспечению, включая адекватное питание. Вспышка пандемии не является поводом для поиска политических или экономических преимуществ.

Существенное значение имеет поддержка Всемирной организации здравоохранения в сфере правового положения детей и молодежи. Очень важно, чтобы государства поддержали центральную роль Всемирной организации здравоохранения в борьбе с пандемией COVID-19, а также в подготовке и противостоянии будущим кризисам общественного здравоохранения.

Несмотря на то, что текущее состояние пандемии, возможно, выходит за рамки сферы действия Международных медико-санитарных правил 2005 г., они по-прежнему играют важную роль в качестве глобальной правовой основы для направления данных и информации и содействия координации мер реагирования. Государства-участники должны избегать ослабления Международных медико-санитарных правил путем распространения односторонних несогласованных мер и соблюдать свои обязательства, в частности, в отношении уведомлений, предоставления информации, взаимопомощи и сотрудничества, а также воздерживаться от ограничительных мер, не подкрепленных надлежащей оценкой риска.

Права детей и молодежи на жизнь, здоровье и питание являются основополагающими. По мере внедрения методов лечения, вакцин и диагностики для борьбы с пандемией COVID-19 крайне важно, чтобы международное сообщество сосредоточилось на обеспечении равного доступа для всех детей и молодежи с любым уровнем дохода, где бы они ни находились. Мировому сообществу и отдельным государствам необходимо обеспечить продовольственную безопасность детей и молодежи. Государствам при принятии мер, направленных на остановку ускоряющейся пандемии COVID-19 следует минимизировать потенциальное воздействие на поставки продовольствия или непреднамеренные последствия для мировой торговли и продовольственной безопасности.

Некоторые меры по сдерживанию пандемии COVID-19, включая карантины, по своей сути противоречат целому ряду прав и свобод, гарантированных международно-правовыми актами о правах человека, включая право на неприкосновенность частной жизни и физическую неприкосновенность, а также свободу передвижения. Эти меры должны иметь правовую основу и быть соразмерными. Они должны быть направлены на минимизацию вмешательства в права детей и молодежи. Если государство решит временно «отступить» от прав детей и молодежи, такое отступление требует тщательного контроля для обеспечения того, чтобы права не отступали без необходимости. Эти чрезвычайные ограничения и отступления должны быть временными, и необходимо проявлять большую осторожность и внимание, чтобы убедиться, что они будут отменены, как только в них отпадет необходимость, и не сохранятся после окончания чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения. Пандемия не должна служить постоянной основой для усиленного и неограниченного вторжения государства в сферу личной деятельности детей и молодежи. Международные контрольные органы должны отчитываться перед государствами за то, как они применяют ограничения и отступления.

Государствам при содействии гуманитарных организаций следует активизировать свои усилия по выявлению детей и молодежи, осиротевших в результате пандемии COVID-19, и определить варианты неинституционального альтернативного ухода.

Важно, что при международной поддержке, должны гарантировать внутренне детям и молодежи — перемещенным лицам, беженцам и мигрантам, независимо от их статуса, доступ к медицинскому обслуживанию, а также предоставить надлежащие санитарно-гигиенические средства и обес-

печить постоянное наличие проточной воды в лагерях, чтобы жители могли следовать рекомендациям по защите от COVID-19.

Следует снять ограничения на доступ к Интернету и образованию, а также проводить или содействовать проведению гуманитарными организациями кампаний по охране здоровья детей и молодежи с целью предоставления точной, доступной и своевременной информации всем беженцам и мигрантам, в том числе на разных языках, о профилактике COVID-19 и о том, что делать и как получить помощь в случае появления симптомов.

В заключение представляется необходимым отметить, что для улучшения положения детей и молодежи следует принять Резолюцию Организации Объединенных Наций «Влияние пандемии COVID-19 на международно-правовое положение детей и молодежи», которая предусматривала бы меры повышения эффективности сотрудничества государств по осуществлению и защите прав детей и молодежи во время пандемии COVID-19.

Солнцев Александр Михайлович,
доц., канд. юрид. наук,
Российский университет дружбы народов

Трудности кодификации и прогрессивного развития международного экологического права

Международное экологическое право (МЭП) является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей международного права. Так, уже разработано и принято более 1300 международных экологических соглашений (МЭС) и более 2200 региональных МЭС¹. Можно с абсолютной уверенностью утверждать, что ни в одной отрасли международного права не наблюдается такого нормативного феномена в настоящее время. Однако, это явление имеет не только положительные последствия. Можно констатировать чрезмерный нормативно-правовой массив², отсутствие как вертикальной связи между нормами различных МЭС, так и слабую горизонтальную связь между ними. Наличие такого большого числа МЭС, с одной стороны, способствует повышению уровня защиты и сохранения окружающей среды, но, с другой стороны, влечет нерациональное использование финансовых и человеческих ресурсов. Данную проблему сегодня пытаются активно решить, идет

¹ International Environmental Agreements (IEA) Database Project. URL: <https://iea.uoregon.edu/>

² См. подробнее: Хлуденева Н.И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М. : ИНФРА-М, 2014.

поиск синергии между международными экологическими соглашениями. Например, проводится совместное заседание секретариатов трех конвенций, направленных на борьбу с отходами³. При этом отметим интересную тенденцию: в последнее время преимущественно принимаются поправки к уже существующим МЭС (например, Кигалийская поправка 2016 г. к Монреальскому протоколу об озоноразрушающих веществах) или дополнительные протоколы (например, Парижское соглашение об изменении климата 2015 г. к Рамочной конвенции ООН по изменению климата 1992 г.). Иными словами, идет «точечная настройка» международно-правового режима охраны окружающей среды. Из новых международных договоров можно отметить региональное Эскасуасское соглашение по экологическим правам человека 2018 г.⁴, а также идущие переговоры по созданию Конвенции о сохранении и устойчивом использовании морского биоразнообразия за пределами национальной юрисдикции⁵ и Конвенции о загрязнении морской среды

³ Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях; Базельская конвенция о контроле за трансграничными перемещениями опасных отходов, представляющих собой отходы, существование которых или обращение с ними представляют опасность для жизни, здоровья человека и окружающей среды, а также их удалением и Роттердамская конвенция о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов. Подробнее см.: <http://www.brsmeas.org/Home/tabid/813/language/en-US/Default.aspx>. Теперь проблема усугубилась тем, что надо включить в сотрудничество Минаматскую конвенцию по ртути. См. Доклад об осуществлении решения МК-3/11 об укреплении сотрудничества между секретариатом Минаматской конвенции и секретариатом Базельской, Роттердамской и Стокгольмской конвенций. UNEP/MC/COP.4/20. 05.07.2021.

⁴ Regional Agreement on Access to Information, Participation and Justice in Environmental Matters in Latin American and the Caribbean 2018. URL: www.cepal.org/en/escazuagreement

⁵ Preparatory Committee established by General Assembly resolution 69/292: Development of an international legally binding instrument

пластиком⁶. Даже в Комиссии международного права ООН сейчас находятся сразу три проблемы МЭП (охрана атмосферы; защита окружающей среды в условиях вооруженного конфликта повышение уровня моря с точки зрения международного права)⁷. Но это не отменяет важность разработки единого кодифицирующего акта для отрасли международного экологического права.

Давно ведутся разговоры среди специалистов по международному экологическому праву о важности укрепления отрасли, что нужно учредить Международную экологическую организацию, нужно создать Международный экологический суд и разработать единый кодифицирующий акт — Всемирный пакт по окружающей среде⁸. И вот, наконец, в 2018 г. ситуация стала меняться к лучшему — впервые за всю историю ООН была принята резолюция ГА ООН 72/277 «К заключению Всемирного пакта о защите

under the United Nations Convention on the Law of the Sea on the conservation and sustainable use of marine biological diversity of areas beyond national jurisdiction. Intergovernmental Conference on Marine Biodiversity of Areas Beyond National Jurisdiction. URL: <https://www.un.org/bbnj/>

⁶ URL: <https://ministerialconferenceonmarinelitter.com>; <https://enb.iisd.org/oceans/marine-litter-microplastics/aheg4/>

⁷ См.: Доклад Комиссии международного права. Семьдесят вторая сессия (26 апреля — 4 июня и 5 июля — 6 августа 2021 года). Документ ООН A/76/10.

⁸ Копылов М.Н., Кузьменко Э.Ю. Кодификация международного экологического права: некоторые вопросы теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. М. : Изд-во РУДН, 2005. № 1 (17). С. 99–107; Копылов М.Н., Солнцев А.М. Международное экологическое право перед вызовами современности // Евразийский юридический журнал. 2013. № 3. С. 53–56; Копылов М.Н., Солнцев А.М. Международное экологическое право перед вызовами современности (Международная экологическая организация) // Евразийский юридический журнал. 2013. № 1. С. 56–58.

окружающей среды»⁹. Согласно положениям резолюции, была учреждена специальная рабочая группа открытого состава по Всемирному пакту об окружающей среде, которая провела свою организационную сессию в Нью-Йорке 5-7 сентября 2018 г. Специальная рабочая группа открытого состава провела пять заседаний¹⁰. Помимо государств на заседаниях присутствовали различные межправительственные организации и 38 НПО. На этой встрече были приняты два документа: решение 2018/1 «Продолжительность и количество основных сессий Специальной рабочей группы открытого состава, учрежденной в соответствии с резолюцией 72/277 Генеральной Ассамблеи» и решение 2018/2 «Предварительная повестка дня и аннотации к ней для первой основной сессии Специальной рабочей группы открытого состава, учрежденной в соответствии с резолюцией 72/277 Генеральной Ассамблеи»¹¹. Согласно этим решениям были проведены три встречи в 2019 г. в штаб-квартире ЮНЕП в Найроби (Кения): 14–18 января, 18–20 марта и 20–22 мая. Рабочая группа работала под председательством Постоянного представителя Ливана при ООН Амаль Мудаллали и Постоянного представителя Португалии при ООН Франсиско Дуарте Лопес.

В рамках своего мандата Рабочая группа рассмотрела доклад Генерального секретаря ООН, в котором определяются и оцениваются возможные пробелы в международном экологическом праве и инструментах, связанных с защитой

⁹ Резолюция 72/277, принятая Генеральной Ассамблеей 10 мая 2018 г., «К заключению Всемирного пакта о защите окружающей среды». URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/72/277>

¹⁰ Доклад Специальной рабочей группы открытого состава, учрежденной в соответствии с резолюцией 72/277 Генеральной Ассамблеи от 10 мая 2018 года, озаглавленной «К заключению Всемирного пакта о защите окружающей среды». Документ ООН A/АС.289/2 от 22.10.2018.

¹¹ Там же. С. 5–7.

окружающей средой, с целью активизации их осуществления. В резолюции 72/277 также предусматривалось, что Рабочая группа «при необходимости рассмотрит сферу охвата, параметры и осуществимость международного документа с целью выработки рекомендаций для ГА ООН в первой половине 2019 года».

На первой сессии в январе 2019 г. присутствовали представители государств, различные межправительственные организации, 67 НПО (отметим снижающую активность: на второй присутствовало 38 НПО, а на третьей уже 24 НПО), а также представители секретариатов ряда международных экологических соглашений (МЭС). На встрече состоялось общее обсуждение доклада Генерального секретаря ООН «Пробелы в международном экологическом праве и касающихся окружающей среды документах: к заключению Всемирного пакта о защите окружающей среды»¹², затем многие участники выступили с официальными заявлениями¹³. Отметим, что сам доклад заслуживает отдельного и детального исследования¹⁴. Здесь кратко отметим в нем были выделены пять проблем, стоящих перед необходимостью защиты и сохранения окружающей среды, которые могут быть решены путем принятия комплексного международного договора. *Во-первых*, это проблема отраслевых принципов МЭП, единообразного понимания их юридиче-

¹² Доклад Генерального секретаря «Пробелы в международном экологическом праве и касающихся окружающей среды документах: к заключению Всемирного пакта о защите окружающей среды». Документ ООН A/73/419 от 30.11.2018.

¹³ First Substantive session, statements. URL: <https://www.unenvironment.org/events/con-ference/towards-global-pact-environment>

¹⁴ Например, целый номер известнейшего журнала был посвящен этой проблеме: Review of European, Comparative & International Environmental Law. 2019. Volume 28. Issue 1. Special Issue: The Global Pact for the Environment and Gaps in International Environmental Law.

ского содержания, определения их статуса. *Второе* — это проблема фрагментации и отсутствии синергии различных режимов, существующих в МЭП: международно-правовой режим охраны атмосферы; международно-правовой режим сохранения биологического разнообразия и защиты почв; международно-правовой режим охраны пресноводных ресурсов; международно-правовой режим охраны океанов и морей; международно-правовой режим регламентирования опасных веществ, отходов и видов деятельности. Это приводит к серьезному дефициту координации на уровнях создания новых актов и правоприменительной деятельности и необходимости в улучшении согласованности политики, взаимной поддержки и синергии в ходе осуществления. *Третья проблема* — это проблема сопряжения МЭП и других отраслей международного права, в рамках которых приняты международные акты, затрагивающие вопросы защиты и сохранения окружающей среды (права человека, международное гуманитарное право, торговля, инвестиции, интеллектуальная собственность), в том числе это находит отражение в неясности применения принципов МЭП в других отраслях. *Четвертая проблема* — это необходимость преодоления пробелов, относящиеся к структуре регулирования в системе международного экологического права, которая характеризуется институциональной раздробленностью и неоднородностью образующих ее субъектов, что говорит о значительных трудностях в области согласования и координации. В отсутствие международного экологического суда существующие международные суды по-разному трактуют и применяют принципы МЭП. И, наконец, *пятая проблема* касается уже эффективности в применении МЭП на разных уровнях: на уровне финансирования и передачи технологий, на уровне урегулирования споров и обеспечения соблюдения МЭС, на уровне реализации ответственности

за трансграничный ущерб окружающей среде, и, конечно, на национальном уровне (отсутствие надлежащего национального законодательства, финансовых ресурсов, экологически безопасных технологий и институционального потенциала).

По итогам второй сессии, которая прошла в марте 2019 г., планировалось передать Генеральной Ассамблее ООН следующие рекомендации: рассмотреть вопрос о принятии международного документа на конференции ООН высокого уровня с целью активизации осуществления международного экологического права; учредить подготовительный комитет до этой конференции для выработки существенных рекомендаций по элементам международного документа; определить конкретный график, в течение которого будут проходить переговоры, и прийти к заключению; а также установить, что переговоры должны быть открыты для всех государств-членов ООН, членов специализированных учреждений и сторон многосторонних экологических соглашений, а другие приглашены в качестве наблюдателей в соответствии с практикой ООН¹⁵.

На третьей сессии в мае 2019 г. течение дискуссий изменилось и от идеи разработки единого Всемирного пакта отказались. Заключительный документ, принятый Рабочей группой 23 мая 2019 г., состоял из трех разделов: 1) цели рекомендаций; 2) основные рекомендации; 3) соображения по дальнейшей работе.

Цели рекомендаций состояли в необходимости усиления защиты окружающей среды на благо нынешнего и будущих поколений, подтверждении имеющихся обязательств по МЭС, вкладе в укрепление реализации международно-

¹⁵ Lebada Ana Maria. Draft Elements Proposed for Resolution on Global Pact for Environment (30 April 2019). URL: <http://sdg.iisd.org/news/draft-elements-proposed-for-resolution-on-global-pact-for-environment/>

го экологического права и касающихся окружающей среды документах, поддержке реализации Повестки дня по устойчивому развитию 2030 и документа «Будущее, которого мы хотим»¹⁶ (п. 88–89), а также в том, чтобы не подрывать действующие правовые инструменты и рамки и соответствующие глобальные, региональные и секторальные органы.

Основные рекомендации включали подтверждение роли Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) в качестве ведущего глобального экологического органа, который определяет глобальную экологическую повестку дня, способствует согласованному осуществлению экологического аспекта устойчивого развития в системе ООН и служит в качестве авторитетного защитника глобальной окружающей среды, а также роли Ассамблеи ООН по окружающей среде (UNEA). Делегаты призвали к возобновлению усилий на всех уровнях в целях более эффективного осуществления существующих обязательств и обязательств в соответствии с международным экологическим правом, подчеркнув важность усиления амбиций в отношении средств осуществления, включая предоставление и мобилизацию всех типов и источников средств осуществления, в соответствии с Аддис-Абебской программой действий 2015 г.¹⁷ и «Повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»¹⁸. Отдельно было отмечено, что в отношении

¹⁶ Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию (Рио-де-Жанейро, 20–22 июня 2012 г.) «Будущее, которого мы хотим». Документ ООН A/CONF.216/L.1* от 19.06.2012.

¹⁷ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 27 июля 2015 г. № 69/313. Аддис-Абебская программа действий Третьей международной конференции по финансированию развития (Аддис-Абебская программа действий). Документ ООН A/RES/69/313 от 17.08.2015.

¹⁸ Резолюция Генеральной Ассамблеи от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.». Документ ООН A/RES/70/1 от 21.10.2015.

дискуссии о принципах международного экологического права важно уделить внимание теме «Общие принципы права», которая в настоящее время рассматривается в Комиссии международного права ООН (КМП). Делегаты предложили научному сообществу продолжить свою работу по взаимосвязанным и сквозным вопросам путем обмена информацией между ведущими научными, техническими и технологическими органами, которые информируют о работе МЭС и природоохранных процессах, а также поощрять укрепление сотрудничества между научными, техническими и технологическими органами.

Ряд рекомендаций был дан договорным механизмам МЭС. Так, договорным органам, созданным на базе различных МЭС, при сохранении и уважении их мандатов, было рекомендовано повысить усилия по проведению работы по согласованности между МЭС на всех уровнях и рассмотреть возможность выявления и решения проблем в рамках режимов МЭС с тем, чтобы укрепить реализацию на международном и национальном уровнях. Также органам и секретариатам МЭС рекомендовалось укрепить сотрудничество и коллаборацию между ними самими, учитывая их независимый мандат, а также ними и ЮНЕП и Ассамблеей. Рабочая группа рекомендовала также усилить обмен информацией и опытом, в т.ч. в части рационализации отчетных и мониторинговых процессов.

Государствам было рекомендовано ратифицировать МЭС, если они это еще не сделали, и эффективно имплементировать их; укреплять, где это необходимо, экологическое право и политику на национальном уровне, а также потенциал во всех секторах для эффективной имплементации международного экологического права, в том числе через правоприменительный процесс в рамках административного и судебного производств в соответствии с национальными

ми правовыми системами; включать вопросы окружающей среды в секторальную политику и программы на всех уровнях, в том числе в национальные планы развития и планы устойчивого развития.

В документе содержался призыв ко всем соответствующим заинтересованным сторонам принять активное и значимое участие на всех уровнях в различных форумах, связанных с имплементацией международного экологического права. Отдельно подчеркивалась необходимость поддерживать и использовать 5-ю Программу по развитию и периодическому пересмотру экологического права (Программа Монтевидео V), принятую на 4-й сессии Ассамблеи, с целью укрепления доктрины Rule of law в международном экологическом праве и имплементации международного экологического права на всех уровнях.

И в заключение была отмечена роль ЮНЕП в качестве председателя Группы по экологическому управлению и содержался призыв продолжать укреплять общесистемную межучрежденческую координацию по окружающей среде и призывать к осуществлению общесистемных стратегий в области окружающей среды.

Что касается третьего раздела (*дальнейшая работа*), то Рабочая группа рекомендовала, чтобы ГА ООН направила свои рекомендации всем государствам-членам, а также Ассамблее ООН по окружающей среде ЮНЕП для рассмотрения, а Ассамблея подготовила на своей пятой сессии в феврале 2021 года (UNEA-5) политическую декларацию для Сопредседания высокого уровня ООН, при условии добровольного финансирования, в контексте празднования юбилея ЮНЕП, учрежденного по итогам Конференции ООН по окружающей среде человека (Стокгольм, 5–16 июня 1972 г.), с целью активизации осуществления международного экологического права и международной экологической

координации в соответствии с пунктом 88 документа «Будущее, которого мы хотим» (Рио-де-Жанейро, 2012).

В итоговом документе Рабочей группы отмечается, что после принятия рекомендаций многие государства-члены сделали заявления с разъяснением позиции в отношении рекомендаций. Египет и Китай от Группы 77, ЕС и США специально просили, чтобы их заявления были отражены кратко в итоговом отчете.

В заявлении Египта было выражено сожаление по поводу того, что рекомендация о средствах осуществления не признает «каким-либо значимым образом необходимого баланса между действиями и поддержкой»¹⁹. Они призвали к увеличению средств осуществления из всех источников «во имя справедливости». США подчеркнули, что «согласованные формулировки о средствах реализации не подразумевают призыв к усилению поддержки со стороны какой-либо конкретной страны», и отметили необходимость «расширения пула доноров помимо традиционных доноров»²⁰. Также США отметили независимость договорных органов МЭС, поскольку они определяют свои приоритеты исходя из МЭС и работы их секретариатов. ЕС заявил, что рекомендации Рабочей группы не предвосхищают дальнейшие обсуждения в отношении предоставления средств осуществления и существующих обязательств²¹.

Таким образом, и эта попытка кодификации не увенчалась успехом. Как отметили непосредственные участники переговоров: «страх сыграл свою роль и в конечном итоге сформировал результат: боязнь потерять суверенитет, боязнь усложнить существующие режимы МЭС, боязнь раскрыть установленные принципы и их разнообразное,

¹⁹ A/AC.289/6/Rev.1, п. 58.

²⁰ A/AC.289/6/Rev.1, п. 60.

²¹ Там же. П. 59.

противоречивое применение, позиции развивающихся стран — это боязнь совершить шаги, которые они не в состоянии осуществить»²². Остается надежда на то, что государства будут продолжать обсуждения и диалог, которые могут закончиться разработкой международного договора к знаменательной 50-й годовщине Конференции ООН по окружающей человека среде («Стокгольм+50») в 2022 г.

На заключительном пленарном заседании неправительственные организации (НПО) охарактеризовали политическую волю как наиболее важный пробел и обвинили те страны, которые несут наибольшую ответственность за экологический крах планеты, в попытке «убить процесс»²³. Сопредседатель Дуарте Лопес, поблагодарив НПО за помощь в управлении процессом, и отметил, что результат был основан на консенсусе, который обеспечивает первый шаг в продолжающемся процессе.

По итогам встреч 28 июня 2019 г. сопредседатели Рабочей группы направили рекомендации²⁴ Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН). К сожалению, вместо того чтобы призывать к созданию Всемирного пакта, Рабочая группа рекомендовала, чтобы ГА ООН приняла паллиативные меры.

Открывая брифинг в штаб-квартире ООН 9 июля 2019 г. президент ГА ООН Мария Фернанда Эспиноса Гарсес предложила ГА ООН «рассмотреть рекомендации Рабочей

²² Summary of the Third Substantive Session of the Ad Hoc Open-ended Working Group towards a Global Pact for the Environment (20–22 May 2019, UN Office at Nairobi, Kenya) // Earth Negotiations Bulletin (ENB). 25 May 2019. Vol. 35. № 3. URL: <http://enb.iisd.org/vol35/enb3503e.html>

²³ WAGNER LYNN. Global Pact Talks Forward Recommendations to UNEA-5. URL: <http://sdg.iisd.org/news/global-pact-talks-forward-recommendations-to-unea-5/>

²⁴ A/AC. 289/6/Rev.1.

группы, учитывая, что две трети целей ЦУР, которые должны быть достигнуты в 2020 году, зависят от природоохранных действий, равно как и в целом Повестка дня на период до 2030 года»²⁵. Она сказала, что “содержательные, действенные рекомендации, выработанные Рабочей группой, дают положительный сигнал о способности правительств работать вместе и находить точки соприкосновения»²⁶. Эспиноза добавила, что эти рекомендации Рабочей группы пришли в «критическое время», поскольку последние данные показывают, что человечеству необходимо предпринимать срочные меры, чтобы справиться с климатическим кризисом, сокращением биоразнообразия и опустыниванием, так популяция позвоночных с 1970 года сократилась на 60%, а часть земель размером с Грецию становится непродуктивной каждый год из-за опустынивания и засухи. При этом было отмечено, что большие возможности лежат в природоохранной деятельности. Например, действия по восстановлению деградировавших земель могут сэкономить до 1,3 миллиарда долларов в день, которые можно было бы инвестировать в поддержку других целей в области устойчивого развития в дополнение к повышению продовольственной безопасности и средств к существованию.

Также в рамках встречи было поддержано мнение Рабочей группы направить рекомендации Рабочей группы о направлении ее итогов Ассамблее ООН по окружающей среде.

²⁵ Informal Briefing on the Ad Hoc Open-Ended Working Group Created by General Assembly Resolution 72/77 Entitled ‘Towards a Global Pact for the Environment’. 9 Jul 2019. URL: <https://www.un.org/pga/73/2019/07/09/informal-briefing-on-the-ad-hoc-open-ended-working-group-created-by-general-assembly-resolution-72-77-entitled-towards-a-global-pact-for-the-environment/>

²⁶ Ibid.

Далее в рамках брифинга выразили свои позиции государства и организации²⁷. ЕС объявил, что группа стран «в ближайшее время» представит процедурную резолюцию, которая позволит ГА ООН принять рекомендации с намерением организовать лишь несколько неофициальных заседаний и согласовать текст к концу июля 2019 г. ЕС подчеркнул, что консенсус должен и впредь быть основой для дальнейших действий.

Марокко, Франция и Китай также приветствовали результаты работы Рабочей группы. Франция заявила, что итоги представляют собой первые шаги к соглашению, которое будет подготовлено в 2021 году и принято в ходе конференции «Стокгольм + 50» в 2022 г. Марокко выразило уверенность, что Всемирный пакт по окружающей среде, если он будет согласован и принят, сможет действительно согласовать и скоординировать принципы международного экологического права и их реализацию. Он добавил, что «юридически обязательный характер такого соглашения не является существенным на данном этапе» из-за отсутствия консенсуса в настоящее время, но его следует дополнительно обсудить на предлагаемом совещании высокого уровня в 2021 г.»²⁸.

Китай настоятельно призвал ГА ООН принять во внимание озабоченность, выраженную в результатах работы Рабочей группы в отношении активизации ЮНЕП и оказания поддержки развивающимся странам в осуществлении МЭС посредством оказания финансовой, технологической помощи и помощи в создании потенциала.

²⁷ См.: URL: <http://webtv.un.org/search/general-assembly-%E2%80%9CStowards-a-global-pact-for-the-environment%E2%80%9D-informal-meeting/6057047336001/?term=pact&sort=date>

²⁸ Ibid.

Процесс разработки Политической декларации для принятия на конференции «Стокгольм+50» уже начался²⁹ и в ЮНЕП кипит работа³⁰. В целом можно констатировать, что надежда на кодификацию международного экологического права остается, эксперты готовы, ожидаем согласование интересов государств.

²⁹ Governments Begin Negotiating 2022 Political Declaration on Environment. 25 August 2020. URL: http://sdg.iisd.org/news/governments-begin-negotiating-2022-political-declaration-on-environment/?utm_medium=email&utm_campaign=SDG%20Weekly%20Update%20-%2028%20August%202020&utm_content=SDG%20Weekly%20Update%20-%2028%20August%202020+CID_9832f68161518f56f58cb55665445dc2&utm_source=cm&utm_term=Read

³⁰ См: URL: <https://www.unenvironment.org/events/cpr-meetings/first-informal-substantive-consultation-meeting-unga-resolution-73333>; <https://environmentassembly.unenvironment.org/follow-up-on-ga-res-73-333>

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ,
ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ АСПИРАНТАМИ КАФЕДРЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА МГИМО МИД РОССИИ

Корженяк Анастасия Михайловна,
аспирант кафедры международного права
МГИМО МИД России

**Деятельность ООН
в сфере противодействия
финансированию терроризма:
правовые проблемы и перспективы**

Организация Объединенных Наций, являясь гарантом поддержания международного мира и безопасности, вырабатывает стратегии по борьбе с терроризмом (в том числе связанным с оружием массового уничтожения), по предотвращению снабжения террористов оружием¹, пресечению финансирования терроризма и по множеству иных вопросов. Данные стратегии строятся на пяти ключевых направлениях: 1) убеждение террористических группировок не прибегать к насилию; 2) ограничение террористов в средствах для проведения нападений; 3) ограничение поддержки террористических группировок отдельными странами; 4) развитие возможностей государств в предотвращении актов терроризма; 5) защита прав человека в ходе осуществления

¹ Малеев Ю.Н., Серов И.Б. Роль ООН в сфере международно-правового регулирования оборота стрелкового оружия и обычных (легких) вооружений // Московский журнал международного права. 2017. № 1. С. 23.

антитеррористической деятельности². Для этого под эгидой ООН были разработаны антитеррористические конвенции, Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей ООН был принят целый ряд резолюций.

Совет Безопасности ООН

Основополагающее значение имеют два ключевых комплекса коллективных мер Совета Безопасности ООН (далее — СБ ООН), связанных с пресечением финансирования терроризма³: 1) так называемый *механизм включения в перечень*, который вводит меры по замораживанию активов определенных лиц и организаций, членов и сторонников конкретных террористических групп (режим, основанный на **резолюции 1267 СБ ООН** от 15 октября 1999 г.)⁴; 2) «*нормотворческие*»⁵ *резолюции СБ ООН, направленные против терроризма как такового* (первой резолюцией такого рода считается **резолюция 1373 СБ ООН от 28 сентября 2001 г.**, так как она создала новые общие нормы, не свя-

² Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml (дата обращения: 10.09.2021).

³ Правовое последствие квалификации Советом Безопасности ООН актов терроризма как «угрозы международному миру и безопасности» заключается в праве принятия (при необходимости) коллективных мер (санкций), предусмотренных главой VII Устава ООН, которые являются обязательными для всех членов ООН в силу ст. ст. 25 и 48 Устава ООН и требуют от государств принятия мер против отдельных лиц, групп, организаций и их активов. См.: *Suppressing the Financing of Terrorism: A Handbook for Legislative Drafting*. Washington, D.C. : International Monetary Fund, Legal Dept., 2003. P. 22–27.

⁴ См. Рекомендацию 6 ФАТФ о применении целевых финансовых санкций во исполнение резолюций СБ ООН.

⁵ Powell C.H. *The United Nations Security Council Sanctions Regime Against the Financing of Terrorism* // *The Palgrave Handbook of Criminal and Terrorism Financing Law* / Edited by King C., Walker C., Gurulé J. Palgrave Macmillan, 2018. P. 883–906.

занные с каким-либо конкретным инцидентом, тем самым отойдя от прежней практики СБ ООН, когда государствам предписывались конкретные меры в отношении определенных государств, физических или юридических лиц; а также **резолюции 1540 СБ ООН** от 28 апреля 2004 г. и **2178** от 24 сентября 2014 г., последние, однако, не сосредотачиваются на аспекте финансирования терроризма).

**Первый комплекс мер:
режим включения в перечень
в соответствии с резолюцией 1267 СБ ООН 1999 г.**

Резолюцией 1267 были введены санкции в отношении физических и юридических лиц, связанных с движением «Талибан»⁶, а также был создан Комитет для составления перечня соответствующих лиц, групп, предприятий и организаций. **Резолюция 1333 СБ ООН 2000 г.** распространила санкции на лиц, связанных с «Аль-Каидой»⁷. Согласно **резолюциям 1988 и 1989 СБ ООН 2011 г.** физические и юридические лица, связанные с движением «Талибан», были исключены из сводного перечня, который в соответствии с резолюциями 1267 и 1333 ведет Комитет, учрежденный резолюцией 1267, а были отнесены к новому перечню, для чего резолюцией 1988 был образован новый Комитет по санкциям⁸. **Резолюция 2253 СБ ООН 2015 г.** распространила критерии⁹ для включения в перечень на «Исламское

⁶ Здесь и далее — террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

⁷ Здесь и далее — террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

⁸ URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1988> (дата обращения: 23.09.2021).

⁹ **Резолюцией 1617 СБ ООН 2005 г.** были введены критерии включения в перечень, которые с тех пор изменений не претерпели: 1) участие в финансировании, планировании, содействии, подготовке

государство Ирака и Леванта»¹⁰ (ИГИЛ, также известный как ДАИШ, ныне «Исламское государство» — ИГ). Соответственно, Комитет, который контролирует соблюдение государствами режима введенных санкций, теперь носит название Комитет по санкциям против ИГИЛ (ДАИШ) и «Аль-Каиды», учрежденный резолюциями 1267 (1999), 1989 (2011) и 2253 (2015).

Санкции, введенные резолюцией 1267, были сведены воедино **резолюцией 1390 СБ ООН 2002 г.**, и режим стал включать в себя три компонента из «нормотворческой» резолюции 1373 СБ ООН: 1) замораживание средств; 2) запрет на поездки и 3) эмбарго в отношении оружия. *Замораживание активов* применяется ко всем активам включенного в перечень и находящегося в пределах юрисдикции государства лица, включая активы, которые принадлежат или находятся под контролем лиц, действующих от его имени или по его указанию¹¹. *Запрет на поездки* служит цели воспрепятствования въезду или проезду включенных в перечень лиц на территорию любого государства, в то время как *эмбарго на поставки оружия*¹² обязывает го-

или совершении актов ИГИЛ или «Аль-Каиды»; 2) поставка, продажа или передача оружия и иных материальных средств ИГИЛ или «Аль-Каиде»; 3) вербовка или поддержка их деятельности. Пункт 7 данной резолюции также призывает государства — члены ООН соблюдать *всеобъемлющие международные стандарты, которые содержатся в 40 рекомендациях ФАТФ и 9 специальных рекомендациях ФАТФ по борьбе с финансированием терроризма.*

¹⁰ Здесь и далее — террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

¹¹ См. в дополнение **резолюцию 2368 СБ ООН 2017 г.:** замораживание активов применяется к финансовым операциям с денежными средствами, экономическими ресурсами или в связи с приносящими доход видами деятельности, выгоду из которых извлекают включенные в санкционный перечень лица.

¹² В рамках осуществления контроля над мировым экспортом и импортом оружия Совет Безопасности ООН уполномочен, в частности,

сударства не допускать продажи и поставки включенным в перечень лицам военной техники и продукции военного назначения.

Основная проблема заключается в том, что данный режим санкций не может применяться единообразно во всех государствах, что ослабляет его способность эффективно противодействовать финансированию терроризма, поэтому был проведен ряд реформ. Так, Группа контроля (созданная в 2001 г. резолюцией 1363) была заменена в 2004 г. Группой по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями (в соответствии с резолюцией 1526), чей мандат чрезвычайно широк: контроль за соблюдением государствами санкционного режима, включая проверку и аргументацию включения в перечни, подготовку предложений по исключению в случае необходимости, представление докладов Комитету 1267 и самому СБ ООН; совместная работа

вводить **эмбарго на поставки оружия** (бланкетные, выборочные и глобальные), например, в отношении воинственно настроенных государств, террористических и экстремистских организаций. Такие разновидности эмбарго устанавливались в отношении следующих государств: Ирак (1991 г.), Ливия (1992 г.), Афганистан (2000 г.), Иран (2006 г.), Северная Корея (2006 г.), а также террористических организаций: Аль-Каида, Талибан (2002). (См.: Серов И.Б. Современные международно-правовые вопросы международного оборота оружия : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Серов Иван Борисович; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Москва : МГИМО-Университет, 2018. С. 13, 76, 118). Тем не менее проблемы этим не исчерпываются из-за расширения неподконтрольных государству источников поставок и каналов сбыта оружия (см., например, **резолюцию 2368 СБ ООН 2017 г.**). Принимаются меры и по регулированию оборота огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и их составляющих (см., например, резолюции ЭКОСОС ООН). Особенно важными моментами являются принятие в 2000 г. Конвенции против транснациональной организованной преступности, а в 2013 г. — Договора о торговле оружием, регулирующего законный оборот оружия.

с Управлением ООН по наркотикам и преступности¹³; с недавнего времени также оценка того, как режим санкций содействует борьбе с незаконной торговлей нефтепродуктами и культурными ценностями, а также с похищением людей; отслеживание деятельности иностранных боевиков-террористов; содействие Омбудсмену¹⁴; сотрудничество с Комитетами, учрежденными резолюциями 1373 и 1540.

Второй комплекс мер:

«нормотворческие» резолюции СБ ООН

1) **Резолюция 1373 СБ ООН** от 28 сентября 2001 г., помимо ряда иных предупреждающих мер, которые должны были принять государства, призвала к скорейшему подписанию Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., пресечению финансирования таких актов, в том числе посредством введения уголовной ответственности, блокировки финансовых средств лиц, вовлеченных в эту преступную деятельность на ее различных этапах. Согласно пункту 6 данной резолюции для контроля за соблюдением ее положений был учрежден **Контртеррористический комитет (КТК)** в составе всех членов СБ ООН¹⁵, которому с 2004 г. (резолюция 1535) поддержку и помощь в работе оказывает **Исполнительный директорат Контртеррористического комитета (ИДКТК)**. Эти органы

¹³ Основано в 1997 г. и действует в рамках ЭКОСОС, образовано в результате слияния Программы ООН по контролю за наркотиками и Центра по предотвращению международной преступности, в задачи которого, помимо прочего, входит противодействие терроризму.

¹⁴ В 2009 г. была учреждена Канцелярия Омбудсмана по Комитету СБ ООН по санкциям в отношении ИГИЛ (ДАИШ) и «Аль-Каиды». Омбудсмен дает беспристрастную и обоснованную оценку того, следует ли исключить какое-либо лицо из перечня. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/ombudsperson> (дата обращения 23.09.2021).

¹⁵ URL: <https://www.un.org/sc/ctc/> (дата обращения: 12.10.2021).

обладают более широким мандатом по сравнению с Группой по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, поскольку они консультируют государства и дают им рекомендации по практическому применению передового опыта в национальном законодательстве в сфере борьбы с терроризмом¹⁶. В соответствии с резолюцией 1373 периодически проходит процедура пересмотра решений о включении в перечень с последующим исключением из него и размораживанием активов.

2) Резолюция 1540 СБ ООН от 28 апреля 2004 г. нацелена на недопущение попадания в руки негосударственных субъектов оружия массового поражения и средств его доставки. В соответствии с данной резолюцией Советом Безопасности ООН был создан **Комитет по нераспространению** (также именуемый Комитет 1540) — это еще один вспомогательный орган, задачей которого является контроль за соблюдением государствами положений резолюции 1540.

3) Резолюция 2178 от 24 сентября 2014 г. в общих чертах обязывает государства предотвращать участие иностранных боевиков-террористов в вооруженных конфликтах и террористических актах, обязывает государства по национальному законодательству квалифицировать финансирование, планирование, подготовку или совершение террористических актов и вербовку иностранных боевиков-террористов как серьезное уголовное правонарушение (**иностраные боевики-террористы (ИБТ)**; англ. *«foreign terrorist fighters (FTF) phenomenon»*) — люди, которые уезжают за границу, чтобы принять участие в актах насилия в рамках мятежа или в составе негосударственной вооруженной группы, не связанных с их собственным государством — сравнительно

¹⁶ Shaw M.N. International Law. 6th ed. Cambridge, 2008. P. 1162–1167.

новое, дестабилизирующее явление¹⁷ в международной системе противодействия терроризму, успех в преодолении которого зависит от согласованного и должным образом налаженного с юридической точки зрения международного сотрудничества¹⁸ по пресечению подобной деятельности)¹⁹.

В рабочей программе Контртеррористического комитета ООН на 2021 год²⁰ имеется указание на то, что в соответствии с резолюцией 2396 СБ ООН 2017 г.²¹ Комитет будет уделять особое внимание необходимости противодействия возникающим проблемам, включая финансирование, планирование, подготовку или совершение террористических актов и вербовку террористов, в том числе иностранных боевиков-террористов.

¹⁷ См., например: DeVille D., Pearson D. Responding to Money Transfers by Foreign Terrorist Fighters // The Palgrave Handbook of Criminal and Terrorism Financing Law / Edited by King C., Walker C., Gurulé J. Palgrave Macmillan, 2018. P. 1061–1085.

¹⁸ См., прежде всего, **резолюцию 2178 СБ ООН 2014 г.; резолюцию 2396 СБ ООН 2017 г.**; Дополнительный протокол к Конвенции о предупреждении терроризма (Совет Европы), открытый для подписания 22.10.2015 г. (Рига). URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/217> (дата обращения: 26.09.2021).

¹⁹ Волеводз А.Г. Международно-правовые основы противодействия боевикам-террористам и внутригосударственное право // Московский журнал международного права. 2017. № 1. С. 98–109.

²⁰ Work programme of the Security Council Committee established pursuant to resolution 1373 (2001) concerning counter-terrorism for 2021. Work programme of the Counter-Terrorism Committee Executive Directorate for 2021. URL: <https://www.un.org/sc/ctc/news/document/s-2021-278-ctc-cted-programmes-work-2021/> (дата обращения: 23.09.2021).

²¹ **Резолюция 2396 СБ ООН 2017 г.** призывает государства усилить противодействие угрозе, создаваемой ИБТ, в том числе посредством ужесточения мер пограничного контроля, внедрения технологий сбора биометрических данных, а также призывает принять меры универсального, регионального и национального характера для повышения эффективности реализации нового Глобального плана ИКАО по обеспечению безопасности полетов.

Важно осознавать, что резолюция 1373 СБ ООН и основанный на ней режим являются такой же стержневой составляющей комплекса коллективных мер ООН, направленных против финансирования терроризма, как и резолюция 1267 СБ ООН и связанные с ней резолюции. Рассмотрение режима, основанного на резолюции 1267, в качестве более значимого или даже единственного режима санкций означало бы отождествление санкций с процессом включения в перечень, осуществляемым ООН через Комитет 1267. Однако оба этих режима вводят санкции, направленные на пресечение финансирования терроризма, и взаимосвязаны между собой. Разница между ними заключается в том, что в случае режима, основанного на резолюции 1373, государство, которое вводит санкцию, должно самостоятельно определить конкретных лиц в качестве террористов или признать конкретные организации террористическими. В этой связи зачастую высказываются критические замечания в отношении данного режима, как неспособного создать универсальную практику для всех государств, в том числе в контексте предоставления надлежащего уровня правовой защиты и доступа к информации включенным в перечни лицам. Тем не менее, с другой стороны, именно этот режим обладает таким образом преимуществом и более гибок с точки зрения учета специфики различных государств, которые, выполняя свои международно-правовые обязательства, могут при этом самостоятельно оценить степень террористической угрозы, риски финансирования терроризма и иные сопряженные с этим вопросы.

В связи с усилением террористической угрозы в последние годы и совершенствованием методов (типологий) финансирования терроризма²² СБ ООН были приняты

²² См. более подробно: Корженяк А.М. К вопросу об источниках и методах финансирования террористической деятельности

дополнительные резолюции. Среди последних следует отметить **резолюцию 2462 СБ ООН 2019 г.**, которая призывает рассмотреть новые возможности финансирования терроризма, в том числе по вопросам нарушения связей между террористами и организованными преступными группами, по проблеме похищения людей с требованием выкупа, торговли людьми²³, разграбления культурных ценностей²⁴. **Резолюция 2560 СБ ООН 2020 г.** призывает активизировать деятельность по отправлению в Комитет по санкциям заявок на включение соответствующих критериям лиц и организаций в перечень, а также использовать положения об изъятиях²⁵ из принимаемых мер (в основном касающихся денежных средств на покрытие насущных или чрезвычайных расходов).

Необходимо пояснить, что эффективный режим замораживания активов позволяет достигать следующие цели в сфере противодействия терроризму: 1) воспрепятствовать и сдерживать деятельность не включенных в перечень лиц, которые могут использовать альтернативные способы финансирования терроризма; 2) выявить каналы перемещения денежных средств, что может помочь раскрыть ранее неизвестные террористические ячейки или группы и финансирующие их организации; 3) заблокировать потоки денежных средств и активов и ликвидировать сети источников и ка-

(сравнительно-правовой анализ) // Актуальные проблемы сравнительного правоведения / Contemporary Issues of Comparative Law / отв. ред. А.А. Малиновский, Е.Н. Трикоз. Вып. 2. М. : Проспект, 2022. С. 111–116.

²³ См. также резолюции СБ ООН 2133 (2014 г.), 2195 (2014 г.), 2199 (2015 г.), 2331 (2016 г.).

²⁴ См. также резолюцию 2347 СБ ООН 2017 г. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1267/resolutions?page=1> (дата обращения: 23.09.2021).

²⁵ См. резолюцию 1452 СБ ООН 2002 г.

налов финансирования терроризма²⁶; 4) вынудить террористов прибегать к более рискованным и дорогим источникам финансирования, что повысит их уязвимость к обнаружению; 5) активизировать межгосударственное сотрудничество и поощрять соблюдение обязательств, предусмотренных комплексами мер СБ ООН по пресечению финансирования терроризма.

Генеральная Ассамблея ООН

Анализ положений Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма принята 09.12.1999 г. резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН. Важно подчеркнуть, что данная конвенция направлена на борьбу с терроризмом в целом, а не с каким-либо отдельным его видом — это первая такая антитеррористическая конвенция. Суть ее принятия заключалась в использовании уже налаженного механизма международно-правового регулирования борьбы с легализацией доходов, полученных преступным путем, сосредоточив его конкретно на пресечении источников и каналов финансирования терроризма.

Как утверждает К. Роуч, в данной конвенции представлена «общая дефиниция терроризма» и «уловлена суть того, что в мире понимается под этим термином»²⁷. Профессор международного права Университета Сиднея Бен Сол, посвятивший монографию вопросам определения терроризма в международном праве, отмечает, что эта конвенция добавляет понятие «запугивания, устрашения» к идее о принуждении, содержащейся в предыдущих международных

²⁶ См. более подробно: Корженяк А.М. Указ. соч. С. 111–116.

²⁷ Roach K. Defining Terrorism: The Need for a Restrained Definition // The Human Rights of Anti-terrorism / Nicole LaViolette & Craig Forcese, editors. Irwin Law Inc., 2008. P. 112–113.

договорах, и именно она была наиболее близка к завершению формирования общего определения понятия «терроризма»²⁸.

Из текста преамбулы Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. следует, что государства-участники намерены принять и осуществлять необходимые меры в рамках национального права с целью предупреждения и противодействия прямому или косвенному финансированию террористической деятельности, в том числе через организации, якобы выполняющие общественные, благотворительные или культурные функции, но фактически вовлеченные в преступные виды деятельности (незаконные поставки оружия, незаконный оборот наркотиков и вымогательство, использование лиц в целях финансирования террористической деятельности и т. д.). При этом пресечение подозрительных операций с точки зрения их предназначения для террористических целей не должно препятствовать свободе движения законного капитала²⁹. Особо отмечено, что вопросу борьбы с финансированием актов международного терроризма, частота и тяжесть которых напрямую зависят от наличия источников и каналов их финансирования, не уделено должное внимание в более ранних многосторонних международно-правовых документах, в связи с чем очевидна необходимость укрепления международного сотрудничества по данному направлению³⁰.

²⁸ Saul B. Defining Terrorism in International Law. Oxford University Press, 2006. P. 137.

²⁹ Отсылка к пп. (f) п. 3 Резолюции Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 г. (A/RES/51/210).

³⁰ Для сравнения интересно обратиться к формулировке, используемой в модельном законодательстве СНГ в сфере противодействия финансированию терроризма: «**Финансирование терроризма** — предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации,

В статье 1 представлены определения понятий «средства» (любые активы либо документы, закрепляющие право на такие активы); «государственный или правительственный объект» (объект или транспортное средство, используемые представителями государства, органов государственной власти, государственного учреждения, должностными лицами межправительственной организации для выполнения служебных обязанностей); «поступления» (любые средства, полученные прямо или косвенно посредством совершения преступления, предусмотренного статьей 2)³¹.

Статья 2 Конвенции охватывает следующие виды преступлений:

1) прямое или косвенное, незаконное и умышленное (элемент субъективной стороны — наличие умысла) предоставление или сбор³² средств с осознанным намерением их полного или частичного (для наличия состава преступления необязательно фактического) использования для совершения а) деяний, предусмотренных в Конвенциях и Протоколах, принятых в сфере борьбы с международным

подготовки и совершения хотя бы одного из деяний, определяемых нормами национального законодательства как преступления террористического характера, либо для обеспечения террористической организации» (Модельный закон о противодействии финансированию терроризма, 2007 г. // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. 2007. № 39. Ч. 1).

³¹ На этапе переговоров предполагалось, что статья 1 Конвенции будет содержать следующее определение понятия «финансирование»: «Передача или получение средств, активов или иного имущества, законного или незаконного, любыми средствами, прямо или косвенно, другому лицу или организации или же от них». См.: Lehto M. *Indirect Responsibility for Terrorist Acts // The Erik Castrén Institute Monographs on International Law and Human Rights. Vol. 10. Leiden, The Netherlands : Brill | Nijhoff, 2009. P. 268.*

³² См. подробнее *рассуждения о том, что не включены понятия «владение», «хранение» или «получение» средств*: Lehto M. *Op. cit.* P. 261–267.

терроризмом в период с 1970 г. по 1997 г.³³; б) иных деяний, направленных на причинение смерти или нанесения тяжкого телесного повреждения гражданскому лицу и преследующих цель запугивания населения или принуждения правительства или международной организации к совершению какое-либо действия или воздержанию от него.

2) криминализуются также приготовление к преступлению, покушение на преступление (по тексту Конвенции — попытка совершить преступление), соучастие (в том числе создание организованной группы для совершения одного или нескольких преступлений).

Согласно статье 3 Конвенция неприменима в случаях, когда преступление не отвечает признакам преступления международного характера (то есть она не применяется, если преступление совершается на территории и в пределах юрисдикции одного государства, гражданином которого является преступник).

В соответствии со ст. 4–5 государства-участники принимают меры для привлечения по внутригосударственному праву физических лиц к уголовной ответственности, а также юридических лиц (в случае если физическое лицо осуществляет управление и контроль юридическим лицом и выступает в официальном качестве) — к уголовной, гражданско-правовой или административной ответственности. Следовательно, в Конвенции в качестве одного из элемен-

³³ См. Приложение к Конвенции: Конвенция позволяет государству-участнику исключить международный договор из списка, но только в том случае, если это государство не является его участником. Исключение перестает действовать, когда государство становится участником договора. И наоборот, когда государство-участник перестает быть участником одной из перечисленных конвенций, оно может исключить его из перечня договоров, применимых к нему в соответствии с Конвенцией. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения: 01.10.2021).

тов состава преступления — субъекта преступления — помимо физических лиц указаны и юридические лица при наличии определенных условий.

Статья 8 предусматривает необходимость для целей возможной конфискации определить, обнаружить, заблокировать или арестовать любые средства, используемые или выделенные в целях совершения указанных преступлений, а также поступления, полученные в результате таких преступлений.

Статья 10 предусматривает часто встречающееся в антитеррористических конвенциях положение, отражающее принцип «*aut dedere, aut judicare*» (лат. «либо выдай, либо суди») ³⁴, о том, что государство обязано выдать лицо, совершившее преступление, или осуществить в отношении него уголовное преследование с целью разрешения конфликта национальных юрисдикций в рамках межгосударственного сотрудничества.

Государства-участники Конвенции не могут отклонять просьбы о выдаче или взаимной правовой помощи, ссылаясь на банковскую тайну (статья 12) или на связь преступления с налогами, так как согласно Конвенции ни одно из указанных в ней преступлений не рассматривается как связанное с налогами (статья 13), а также не относится к политическим преступлениям или преступлениям, совершенным по политическим мотивам (статья 14).

Согласно статье 18 сотрудничество государств-участников в сфере противодействия и предупреждения финансирования терроризма заключается, в частности, в принятии

³⁴ См.: Скуратова А.Ю. Принцип “*aut dedere aut judicare*”: современные проблемы международно-правового содержания // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 2. С. 3–7; Lehto M. Op. cit. P. 281; Saul B. Op. cit. P. 139. Эта формула отражает так называемую «квазиуниверсальную юрисдикцию». См.: Shaw M.N. International Law. 6th ed. Cambridge, 2008. P. 673, 1160.

следующих мер: 1) по запрещению деятельности, подразумевающей умышленное поощрение, подстрекательство, организацию и совершение преступлений, связанных с финансированием терроризма (а именно перечисленных в статье 2 Конвенции); 2) по установлению обязанности для финансовых учреждений использовать эффективные способы идентификации и проверки статуса клиентов, фиксировать и добросовестно уведомлять уполномоченные органы власти о подозрительных операциях, предположительно имеющих отношение к преступной деятельности, обеспечивать хранение всех необходимых документов по операциям на протяжении как минимум пяти лет; 3) по контролю (в том числе лицензированию) за деятельностью организаций, осуществляющих денежные переводы, по отслеживанию перемещения средств и оборотных документов при отсутствии ограничений свободы движения законного капитала. Для реализации поставленных задач государства-участники сотрудничают в проведении расследований соответствующих преступлений, обеспечивают оперативный и защищенный обмен достоверными сведениями, который может быть осуществлен через Международную организацию уголовной полиции (Интерпол), играющую значимую роль в противодействии финансированию терроризма.

По сравнению с предыдущими антитеррористическими международными договорами данная Конвенция на самом деле является радикально иным документом, который открывает новые возможности не только в отношении обязательств государств, но и, в частности, в отношении вопросов индивидуальной уголовной ответственности³⁵. Исследуемый документ касается оказания материальной поддержки широкому кругу террористических групп и проведения фи-

³⁵ Lehto M. Op. cit. P. 256.

нансовых операций, которые могут включать в себя пожертвования благотворительным организациям, использование подставных компаний, других законных предприятий, получение доходов от организованной преступности и могут распространяться на любую сферу общественной деятельности. Ключевой особенностью преступления финансирования терроризма является то, что акт финансирования как таковой не причиняет вреда или серьезного ущерба какому-либо лицу или его имуществу, или окружающей среде. Кроме того, фактическое совершение преступления, связанного с финансированием, не обязательно является незаконным или нарушает нормальные социальные правила поведения. Финансированию как таковому не присуща стигматизация, соответственно, незаконность финансирования терроризма зачастую не является очевидной для общественности, поскольку речь идет, скорее, о разновидности экономических преступлений («*market-based crimes*»), где «проблемы гораздо сложнее, мораль более расплывчата, жертвы труднее определить, а антисоциальные последствия гораздо более подвержены обсуждению»³⁶.

Таким образом, можно заключить, что Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. представляет собой принципиально иной международный договор по сравнению с предыдущими антитеррористическими документами ООН, так как это первая конвенция, направленная на борьбу с терроризмом в целом, а не с каким-либо отдельным его видом. Суть ее принятия заключалась в использовании уже налаженного механизма международно-правового регулирования борьбы с легализацией доходов, полученных преступным путем, сосредоточив его конкретно на пресечении источников и каналов финансирования

³⁶ Ibid. P. 257.

терроризма. При этом Конвенция содержит три основных обязательства государств-участников: *во-первых*, государства-участники должны закрепить в национальном уголовном законодательстве финансирование терроризма в качестве преступления³⁷; *во-вторых*, они должны осуществлять тесное сотрудничество с другими государствами-участниками и оказывать им правовую помощь по вопросам, охватываемым Конвенцией; *в-третьих*, они должны ввести определенные требования, касающиеся роли финансовых учреждений в выявлении и представлении доказательств финансирования террористической деятельности.

Наряду с базовой Международной конвенцией о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., принятой резолюцией ГА ООН, к наиболее значимым документам Генеральной Ассамблеи ООН по исследуемой тематике следует отнести: 1) Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма, принятую в 1994 г. резолюцией ГА ООН 49/60 и которая в том числе призвала не финансировать, не поощрять и не поддерживать каким-либо иным образом террористическую деятельность; 2) Декларацию, принятую резолюцией 51/210 ГА ООН от 17 декабря 1996 г.³⁸ и дополняющую Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 г., которая подтвердила, что сознательное финансирование, планирование, подготовка терактов, равно как и подстрекательство к их совершению противоречат

³⁷ См. подробнее научную статью, содержащую *сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства зарубежных государств в сфере противодействия финансированию терроризма: Противодействие финансированию террористической деятельности как одна из форм предупреждения международного терроризма* / Х.Х.А. Хасан, Л.М. Сайдулаева, М.Ю. Шамрин // Московский журнал международного права. 2019. № 1. С. 89–99.

³⁸ В резолюции 51/210 ГА ООН содержится призыв разработать всеобъемлющую конвенцию, касающуюся международного терроризма.

целям и принципам ООН; 3) Глобальную контртеррористическую стратегию ООН, принятую в 2006 г. резолюцией ГА ООН 60/288, и прилагаемый к ней План действий. Эта стратегия является уникальным универсальным документом активизации усилий национального, регионального и глобального характера по борьбе с терроризмом. Каждые два года Генеральная Ассамблея проводит обзор о ходе осуществления ее положений, таким образом с учетом текущих изменений и новых приоритетов делая этот документ более гибким и «живым»³⁹.

Важно, что в стратегии содержится рекомендация государствам (как и в упомянутой ранее резолюции 1617 СБ ООН 2005 г.) применять всеобъемлющие международные стандарты, отраженные в 40 Рекомендациях ФАТФ, касающихся отмывания денег, и в 9 специальных рекомендациях ФАТФ, касающихся борьбы с финансированием терроризма (теперь объединенные 40 Рекомендаций). Кроме того, содержится призыв расширять сотрудничество с Международным валютным фондом, Всемирным банком, Управлением ООН по наркотикам и преступности, а также Интерполом по вопросам противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма.

В 2017 г. в целях совершенствования координации глобальных усилий по борьбе с терроризмом резолюцией ГА ООН 71/291 было учреждено Контртеррористическое

³⁹ 30 июня 2021 г. состоялось итоговое пленарное заседание ГА ООН по вопросу перенесенного из-за пандемии COVID-19 седьмого обзора Глобальной контртеррористической стратегии ООН. В феврале 2021 г. был опубликован представленный Генеральной Ассамблее ООН Генеральным секретарем ООН Антониу Гутерришем обновленный доклад о деятельности системы ООН по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии ООН за период с января по декабрь 2020 г. и предложения по ее дальнейшему осуществлению. URL: <https://www.un.org/counterterrorism/un-global-counter-terrorism-strategy> (дата обращения: 23.08.2021).

управление ООН (КТУ ООН)⁴⁰, мандат которого, по сути, следует из Глобальной контртеррористической стратегии ООН и резолюций ГА ООН по итогам ее двухгодичных обзоров. Создание новой структуры — это одна из ключевых институциональных реформ, проведенных для повышения результативности реализации положений Глобальной контртеррористической стратегии ООН, на которую некоторые исследователи возлагают надежды с точки зрения активизации процесса разработки и принятия универсальной и всеобъемлющей конвенции по борьбе с международным терроризмом⁴¹, в случае если предпочтение будет отдано обоснованности целесообразности ее принятия. В ходе реформы из Департамента по политическим вопросам и вопросам миростроительства (ДПВМ)⁴² были выведены и включены в новое Контртеррористическое управление подписанный в 2018 г. Глобальный договор ООН о координации контртеррористической деятельности⁴³ и созданный в 2011 г. Контртеррористический центр ООН (КТЦ ООН)⁴⁴, который яв-

⁴⁰ The UN Office of Counter-Terrorism (UNOCT). URL: <https://www.un.org/counterterrorism/about> (дата обращения: 24.09.2021).

⁴¹ Кибальник А.Г., Суворов В.А. Акт международного терроризма как преступление против мира и безопасности человечества. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 4.

⁴² URL: <https://dppa.un.org/ru/about-us> (дата обращения: 24.09.2021).

⁴³ Ранее (с 2005 по 2018 г.) Целевая группа по осуществлению контртеррористических мероприятий. URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/global-ct-compact> (дата обращения: 24.09.2021).

⁴⁴ UN Counter-Terrorism Centre (UNCCT) Annual Report 2019. На данный момент опубликован только четвертый годовой доклад за 2019 г. пятилетней программы Контртеррористического центра ООН, который содержит всеобъемлющий обзор результатов оперативной и финансовой деятельности КТЦ ООН. URL: <https://www.un.org/counterterrorism/cct/countering-the-financing-of-terrorism> (дата обращения: 24.09.2021). Согласно п. 58 доклада Генерального секретаря ООН 2021 г. по седьмому обзору Глобальной контртеррористической стратегии ООН, КТЦ ООН совместно с ИДКТК, УНП ООН, Интерполом и Управлением информационно-коммуникационных технологий продолжает совершенствовать

ляется основным подразделением КТУ ООН по оказанию помощи государствам в осуществлении антитеррористических программ. КТЦ ООН также координирует свою работу с деятельностью Исполнительного директората Контртеррористического комитета и Управления ООН по наркотикам и преступности.

Кроме того, в качестве функционального органа ЭКОСОС в 1992 г. была создана **Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию**, которая содействует реализации одноименной принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1991 г. Программы ООН и заменила собой Комитет по предупреждению преступности и борьбе с ней (действовавший с 1950 г.). В контексте исследуемого вопроса следует отметить выполнение Комиссией функций по координации и содействия сотрудничеству государств в борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем, по анализу новых тенденций в области транснациональной организованной преступности, по определению повестки дня Конгресса ООН по предупреждению преступности⁴⁵.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на уровне ООН (выступающей в роли всеобъемлющего регулятора и гаранта обеспечения международного мира и безопасности, обуздания и искоренения терроризма как явления

накопленный опыт в сфере выявления, предупреждения и пресечения финансирования терроризма, в частности, идет разработка **нового программного обеспечения «goFintel»** для упрощения сбора и анализа данных финансовой разведки и распространения оперативной финансовой информации; составляются рекомендации по использованию и обмену биометрическими данными; по борьбе с угрозой терроризма на море (п. 57).

⁴⁵ 12.03.2021 г. в Киото (Япония) завершил свою работу 14-й Конгресс ООН по предупреждению преступности 2020, сессия которого была перенесена из-за пандемии COVID-19 на 2021 г. (14th UN Congress on Crime Prevention and Criminal Justice). URL: <https://www.unodc.org/congress/ru/about.html>; <https://news.un.org/ru/story/2021/03/1398682> (дата обращения: 12.10.2021).

в целом) были разработаны два ключевых, взаимосвязанных и одинаково значимых режима коллективных мер Совета Безопасности ООН, связанных с пресечением финансирования терроризма: 1) механизм включения в перечень в соответствии с резолюцией 1267 СБ ООН 1999 г. и 2) «нормотворческие» резолюции СБ ООН, направленные против терроризма как такового (резолюции 1373 (2001 г.), 1540 (2004 г.), 2178 (2014 г.)). Необходимо отметить тот факт, что резолюции СБ ООН, принимаемые на основании главы VII Устава ООН, имеют особо важное значение в сфере противодействия финансированию терроризма, поскольку предусматривают создание перечней физических и юридических лиц, над которыми должен быть установлен контроль, а именно: замораживание их финансовых активов или экономических ресурсов, запрет на поездки и эмбарго на поставки им оружия, что содействует эффективному обнаружению и блокировке сетей финансирования террористических ячеек, групп или организаций вплоть до ликвидации последних. В рамках Генеральной Ассамблеи функционирует мощная система различных структур, нацеленных на совершенствование координации глобальных усилий по борьбе с терроризмом и его финансированием.

Подводя итог вышеизложенному, можно обобщить выработанные на уровне ООН меры по борьбе с финансированием террористической деятельности следующим образом: 1) признание любого проявления финансирования терроризма преступлением; 2) необходимость закрепления во внутригосударственном законодательстве обязанности финансовых учреждений по использованию эффективных способов идентификации и проверки статуса клиентов; уведомлению уполномоченных органов власти о подозрительных операциях, предположительно имеющих отношение к преступной деятельности; по хранению всех необходимых документов

по операциям и др.; 3) внутренний контроль за деятельностью организаций, осуществляющих денежные переводы; 4) создание перечней лиц и организаций, чьи финансовые активы и экономические ресурсы подлежат замораживанию и в отношении которых устанавливаются запрет на въезд или проезд, а также эмбарго на поставки оружия; 5) непосредственное замораживание государствами этих активов и реализация иных указанных мер противодействия; 6) межгосударственное сотрудничество, оперативный и защищенный обмен достоверными сведениями между уполномоченными органами.

Тем не менее главная проблема международно-правового регулирования деятельности по борьбе с финансированием терроризма связана с тем, что не любой режим санкций может применяться единообразно во всех государствах: ключевую роль, скорее, продолжают выполнять национальные институциональные механизмы, что, с одной стороны, сокращает глобальные возможности эффективно противодействовать данной проблеме, но, с другой стороны, позволяет учитывать специфику различных стран, которые, выполняя свои международно-правовые обязательства, могут при этом самостоятельно оценивать степень террористической угрозы, риски финансирования терроризма и иные сопряженные с этим вопросы. В дальнейшем все же представляется целесообразным разрабатывать и совершенствовать универсальные и обязательные международно-правовые механизмы контроля с целью скорейшего выполнения задач сдерживания и искоренения террористических и сопряженных с ними угроз.

Магомедова Ольга Сергеевна,
аспирант кафедры международного права
МГИМО МИД России

Концепция международно-правовой политики государства во французских доктринах международного права

Поведение государства на международной арене всегда оценивается с точки зрения его соответствия международному праву. И сами государства предпринимают те или иные шаги, подчеркивая их международно-правовую обоснованность. Такие наблюдения за международно-правовой практикой государств привели Ги Ладре де Лашаррьера, французского юриста и дипломата, к идее о существовании особой политики государств в области международного права подобно внутренней социальной или экономической политике. Так было положено начало концепции международно-правовой политики государства (*politique juridique d'Etat*).

Автор концепции определял международно-правовую политику лаконично, как «политику в отношении права, не обязательно определяемую правом»¹. Примечательно, что под правом следовало понимать правовые аспекты международных отношений. Такая характеристика исключает из области международно-правовой политики внутрен-

¹ Lacharrière G.L. de. La politique juridique extérieure. Paris : Economica, 1983. 231 p. P. 5.

ние организационные вопросы государства, как механизмы принятия внешнеполитических решений, но вместе с тем и ограничивает сферу действия международно-правовой политики вопросами межгосударственного взаимодействия. Поскольку автор говорит в своей работе о международном праве в целом, то его последователи используют понятие международно-правовой политики государства применительно ко всем отраслям международного права. Поэтому следуя классическому представлению о системе международного права, автор предполагает возможным выделить общую международно-правовую политику государства и отраслевые решения. Если говорить еще детальнее, то можно выделить международно-правовую политику по отдельным темам (проблемам), как применимость Конвенции по морскому праву в Северном ледовитом океане или правовой статус Западной Сахары.

Действительно, международно-правовая политика государства направлена на содержание существующих норм международного права. Предполагается, что государства стремятся оформлять нормы, толковать и применять их в соответствии со своими национальными интересами. Но поскольку содержание международного права определяется в процессе согласования воли государств, то международно-правовые нормы никогда не отражают позиции государств в том первоначальном виде, в котором они были представлены к согласованию. Это всегда положения, к которым государствам удалось прийти, совершая в разной мере уступки. Поэтому государства мотивированы продвигать свою позицию с наименьшими уступками, представляя ее как наиболее оптимальную для урегулирования какого-либо вопроса, или как не противоречащую традиционному пониманию существующих норм международного права. Таким образом, стремясь легитимировать свои позиции, государства

буквально маленькими шагами преобразуют международное право — представляя свое понимание норм, предлагая альтернативные или скорректированные толкования, отвергая неприемлемые решения или допуская иные предложения с условиями и оговорками.

Такой взгляд на взаимосвязь международного права и поведения государств притягателен своей ясностью, простой универсализацией, что позволяет утверждать: *международно-правовую политику проводит каждое государство*. Концепция обрела положение классики французской международно-правовой доктрины. При всей своей простоте концепция полна нюансов, которые критикуют или развивают современные исследователи. Поэтому следует рассмотреть основные тезисы концепции и их оценки.

1. Согласно первому тезису международно-правовая политика определяется национальными интересами. Лашаррьер отмечал, что МППГ различаются по содержанию, поскольку отражают различие национальных интересов государств. Причем во внимание принимаются интересы, как моральные, так и материальные. Хотя концепция «национального интереса» стойко ассоциирована с тезисами реализма, в концепции МППГ понятие «интереса» выходит за узкие рамки «эгоистичного мотива». В концепции МППГ приверженность национальным интересам не означает их противопоставления интересам международного сообщества государств в целом². Напротив, государства часто относят свои интересы к международным ценностям³. Это, с одной стороны, позволяет успешнее продвигать свою международно-правовую позицию, поскольку государство апеллирует к ее общей значимости, а с другой стороны, государства мотивированы к сотрудничеству и консолидации своих

² Lacharrière G.L. de. Op. cit. P. 13.

³ Ibid. P. 16.

усилий в достижении глобальных целей. Например, сейчас на мировой повестке стоят задачи по климату, в решение которых вовлечены практически все государства. Более того, понятие «интереса» не наделяется строго политическим характером. Государства открыто указывают на связь права и их национальных интересов⁴. В этом отношении особенно показательное отношение к международному праву стран третьего мира. Исследователи, работающие в направлении TWAAIL (Third World Approach to International Law), критикуют существующее международное право, поскольку оно сформировано без учета интересов новообразованных государств, но вместе с тем они не занимают нигилистической позиции в отношении международного права, а предлагают дополнять и корректировать международно-правовые нормы. Тем самым страны третьего мира стремятся ввести свои интересы в число факторов, определяющих содержание современного международного права или словами Лашаррьера «заявляют право участия» (*un droit de participation*)⁵. Вместе с тем такой взгляд не лишает понятие «интереса» его естественного субъективизма: в концепции МППГ интересы по-прежнему могут быть спонтанными, переменчивыми, спорными⁶.

Возникает вопрос, как государствам удастся видеть связь между своими интересами и международным правом, постоянно расходясь в позициях с другими государствами. Лашаррьер указывает на различие между практикой формирования международно-правовой позиции на основе своих интересов и практикой возвеличения своих интересов над чужими. Если бы государства проводили

⁴ Ibid. P. 14.

⁵ Ibid. P. 14.

⁶ Kolb R. *Réflexions sur les politiques juridiques extérieures*. Paris : Pedone, 2015. 138 p. P. 8.

международно-правовую политику, полагаясь исключительно на предпочтительность своих интересов перед чужими, ни одна позиция не могла бы быть легитимирована. Дело в том, что, отдавая приоритет одним интересам перед другими, государства руководствуются *качественным критерием*, а не критерием принадлежности⁷. Это наблюдение может быть проиллюстрировано заявлениями революционных правительств, которые приходят в стране к власти с новыми ценностными установками. Именно по ценностному принципу советское правительство отказалось от исключительного военного присутствия в Каспийском море, заключив новое соглашение с Персией в 1921 г. В современной внешней политике государства часть прибегают к качественным характеристикам чужих позиций, чтобы выразить свое несогласие. Например, называя интересы государства «агрессорскими» достигается нивелирование международно-правовых доводов такого государства. Качественная характеристика представляется сильным аргументом. Как указывает Лашаррьер, приоритет интереса ввиду множества субъектов, его разделяющих, не уступает приоритету, обоснованному качественным критерием⁸.

2. *Следующий тезис касается круга субъектов: международно-правовая политика может быть только у государств.* Принятие за основу концепции категории национальных интересов определило круг субъектов, которые

⁷ Lacharrière G.L. de. Op. cit. P. 17. «Государство обосновывает свое предпочтение своим национальным интересам их превосходящим качеством» [Le gouvernement justifie la préférence qu'il accorde à ses intérêts nationaux par la qualité supérieure de ceux-ci].

⁸ Ibid. P. 19. «Аргумент о превосходстве приводит для государства к тому же результату, что и аргумент о совпадении своих интересов с интересами остальных» [L'argument de supériorité qualitative aboutit, pour un État, au même résultat que l'argument d'identité entre ses intérêts et ceux des autres].

способны вести международно-правовую политику. Автор концепции говорит о международно-правовой политике государств и «дополнительно других субъектов международного права»⁹. Таким образом, Лашаррьер оставил открытым вопрос о группе субъектов международно-правовой политики. Логично полагать, что субъектами МПП могут быть только те участники международных отношений, которые выступают носителями национальных интересов. Наравне с государствами к такой категории субъектов относятся и государствовподобные образования и нации, борющиеся за самоопределение. Соответственно, автор не предполагает международно-правовой политики у международных организаций или надгосударственных образований, ведь государства проводят свою международно-правовую политику и в рамках международных организаций или институтов интеграционного объединения. Поэтому общая внешняя политика какого-либо межгосударственного объединения — это всегда результат работы международно-правовых политик государств-участников объединения, который в разной степени выражает их взгляды и интересы.

Тем не менее определение субъектов остается уязвимым местом концепции, поскольку она не объясняет международно-правового участия государства в случае двоевластия или временного международного правительства. В данном случае неприменим формально-юридический подход, когда носителем национальных интересов считается признанное народом правительство или тем более правительство, получившее международное признание. Безусловно государство в условиях кризиса внутренней системы управления не выпадает из международной жизни, однако за короткий период может сложиться противоречивая международно-правовая

⁹ Ibid. P. 5.

практика: либо противоречащая позициям предыдущего правительства, либо противоречащая интересам страны в принципе. Вероятно, в такой ситуации международно-правовая политика государства пользуется отложенным действием, когда нормообразующее значение практики государства признается вслед за урегулированием конфликта. Однако концепции МППГ еще предстоит решить вопрос о значении практики государства, находящегося в положении перманентного двоевластия или в ситуации длительного конфликта с сепаратистскими движениями.

Если международно-правовая политика может быть только у государств, то тем не менее государства не могут не учитывать позиции, транслируемые негосударственными участниками международных отношений при формировании собственной международно-правовой политики. В этом отношении Алэн Пелле обращает внимание на роль международных организаций, транснациональных компаний, гражданского общества и др.¹⁰

3. Другой программный тезис заключается в том, что международно-правовая политика подтверждает приверженность государства международному праву. Лашаррьер рассуждал: то, сколько усилий государства прилагают к разработке своей международно-правовой позиции и ее продвижению демонстрирует то значение, которое государства придают международному праву. Вместе с тем концепция МППГ рассматривает международное право как «социальный продукт», результат согласования воли государств. Представляется, что государства творят право, корректируют и по-своему толкуют международно-правовые

¹⁰ Pellet A. Le Sage, le prince et le Savant (A propos de ‘La politique juridique exterieure’ de Guy de Lacharriere) // Journal du Droit International. 1985. № 112. P. 407–414. P. 413.

нормы в обоснование своих позиций¹¹. Однако такой взгляд чреват инструментализацией международного права¹². Инструментальное понимание международного права помещает международно-правовую практику государств в систему, где координатами служат мера эффективности (выгоды или степени удовлетворенности) и юридическая форма¹³, нежели правовые основания. С этой точки зрения государства просто камуфлируют свои интересы юридической формой, используя право как инструмент легитимации *a posteriori* решений и действий принятых по внеправовым мотивам¹⁴.

Сам автор концепции признавал, что установление связи между содержанием международного права и национальными интересами, которые государства преследует в международно-правовой практике, делает право относительным¹⁵. Однако эта «относительность» (Винсент Куссира-Кустэр называет эту черту «пластичностью»¹⁶) и делает международное право «живым»: естественным образом государства по-разному оценивают для себя пользу различных международно-правовых норм, что мотивирует их постоянно согласовывать нормы или их интерпретации, тем самым развивая нормативную систему в той мере, которая бы отвечала соответствующему уровню международных отношений¹⁷.

¹¹ Alland D. Quelques observations sur la notion de politique juridique de l'Etat, Retour sur la politique juridique extérieure // *Annuaire français des relations internationales*. 2012. Vol. 13. P. 555–563. P. 557.

¹² Cazala J. Retour sur un classique: Guy de Lacharrière, La politique juridique extérieure // *Revue générale de droit international public*. 2013. Vol. 2. P. 411–416. P. 413.

¹³ Coussirat-Coustère V. Guy de Lacharrière. La politique juridique extérieure // *Politique étrangère*. 1983. Vol. 48 (4). P. 1000–1002. P. 1000.

¹⁴ Cazala J. *Op. cit.* P. 414.

¹⁵ Lacharrière G.L. de. *Op. cit.* P. 10 «Кто делает право относительным, лишает его сакральной ценности» [Qui relativise le droit le desacralise].

¹⁶ Coussirat-Coustère V. *Op. cit.* P. 1001.

¹⁷ Lacharrière G.L. de. *Op. cit.* P. 11.

Современник автора, юрист-международник Мишель Ви-ралли, отрицал проблему инструментализации права, указывая на активную роль международного права. Ви-ралли утверждает единство функции права и политики — обеспечение мира. Различие лишь в том, что политика ставит цели, а право предоставляет средства — разграничивает путь к этой цели. Международное право выступает социальным критерием для избрания тактики внешнеполитического поведения, поскольку государству важно сохранять свою репутацию в международных отношениях. Поэтому авторитет международного права не подвержен эрозии ввиду частных нарушений международного права или ложных правовых обоснований *post factum*. Авторитет международного права основывается на всеобщем принятии его норм, т.е. на коллективном убеждении, а не на самом воздействии правовых шагов отдельных государств. Поэтому явление легитимации международно-правовых норм нивелирует проблему инструментализации¹⁸.

Робер Кольб предлагает свое оригинальное видение проблемы инструментализации международного права. По его мнению, придание инструментального характера международному праву все-таки имеет место быть в практике государств, однако инструментализация является только одним из аспектов международно-правовой практики. Международное право служит не только для утверждения государством своей позиции (инструментальный аспект), но также в качестве основы для правотворчества (стратегический аспект), или для применения его норм на практике (операционный аспект). В этом отношении международное

¹⁸ Virally M. Réflexions sur la politique juridique des Etats // Guy Ladreit de Lacharrière et la politique juridique extérieure de la France. Paris ; Milan ; Barcelone ; Mexico ; Masson, 1989. P. 394–402. P. 400–401.

право представляется многомерным социальным феноменом (*phénomène social pluridimensionnel*)¹⁹.

4. Согласно следующему тезису, вызывающему широкие доктринальные дискуссии, международно-правовая политика не различает форм источников международного права. Как было ранее сказано, концепция МППГ сосредоточена на содержании международно-правовых норм. В этом отношении для реализации международно-правовой политики государства не имеет значение, какую именно форму обретает новая или скорректированная международно-правовая норма. Тем не менее необходимость закрепить достигнутое положение или исправить его определяет выбор источника для формализации легитимированной нормы. Здесь правят два принципа: принцип зависимости права от национальных интересов (*subordination du droit aux intérêts nationaux*) и принцип противопоставления себя другим (*distinction entre soi et les autres*)²⁰.

¹⁹ Kolb R. Op. cit. P. 7–8. «Этот правовой порядок [международно-правовой] с его стандартами и параметрами служит исходной точкой то для нормотворческой деятельности, то для представления правовой точки зрения в качестве стороны в споре, то для применения международно-правовой нормы, не вызывающей вопросов у исполнительных органов. Нет сомнений в том, что подход к праву должен быть различен в этих трех случаях, где поочередно преобладают то правовая политика, то инструментальный аспект, то исполнительный аспект. В этом смысле право представляется многомерным социальным явлением». [Cet ordre juridique avec ses normes et ses paramètres sert tantôt comme point de référence pour une activité de création du droit, tantôt pour une présentation d'un point de vue juridique en tant que plaideur, tantôt pour une mise en application d'une norme internationale non controversée au niveau de l'exécutif. Il n'est pas douteux que l'approche au droit soit différente dans ces trois cas, ou prévalent tour a tour la politique juridique, la perspective instrumentale et la perspective exécutive. En ce sens, le droit est un phénomène social pluridimensionnel].

²⁰ Lacharrière G.L. de. Op. cit. P. 23.

По лаконичному выражению французского юриста Винсента Кусира-Кустэр, выбор формы правотворчества государством зависит от того, какое место источник отводит воле данного государства и какое место — его согласию²¹. За этими гипотетическими вопросами стоит практическая необходимость утвердить свою волю на общем уровне, в некотором смысле воздействовать на чужие воли (*preoccupation offensive*) и защитить свою позицию от воли других государств (*preoccupation defensive*)²². Как замечает Робер Кольб, «за международно-правовой нормой всегда стоит воля, другой вопрос чья» [(l)е droit international a toujours pour fondement la volonté de quelqu'un, et il s'agit seulement de savoir de qui']²³.

Из наблюдений за ростом международных договоров во второй половине XX века, в том числе путем кодификации международного права, Лашаррьер приходил к выводу о предпочтительности договорной формы международно-правовых норм перед иными. Данное предпочтение может объясняться такими техническими преимуществами договорной формы, как скорость утверждения нормы, точность ее формулировки и определенность круга адресатов нормы, взаимность обязательств, возможность формализации межгосударственных договоренностей на перспективу, как арбитражные оговорки или отлагательные оговорки²⁴. Однако на практике ожидания от преимуществ договорной формы оправдываются не всегда. Например, переговоры по международному договору могут затянуться (например, положения Конвенции по морскому праву выработывались с 1968 по 1982 г.); точность формулировок глубоко зависима

²¹ Coussirat-Coustère V. Op. cit. P. 1001.

²² Lacharrière G.L. de. Op. cit. P. 31.

²³ Kolb R. Op. cit. P. 16.

²⁴ Lacharrière G.L. de. Op. cit. P. 29.

от ряда факторов, как цель согласования положений или состав участников; обязательства, принимаемые государствами по договору не всегда взаимны тем более с учетом оговорок и деклараций о толковании. Вопрос оговорок особенно чувствителен для клаузул об урегулировании споров²⁵. Но единственное преимущество договора перед иными источниками остается несомненным — открытая состязательность воле в переговорном процессе. Государства могут готовить собственные проекты урегулирования того или иного вопроса, заявлять свои позиции и опасения в отношении чужих предложений. Можно сказать, что государства заинтересованы не столько в форме договора, сколько в способе оформления права²⁶.

Тем не менее выбор формы зависит от конкретной ситуации: тогда отсутствие договорного закрепления международно-правовых норм представляется не временным явлением, а стратегическим. Например, пять Арктических государств не торопятся заключить Многостороннее соглашение об утверждении международно-правового статуса Арктического региона, поддерживая его региональный обычно-правовой режим. Даже при возможности оформления режима на универсальном уровне государства могут целенаправленно избегать договорной формализации. Так, поступили Арктические государства во время III Конференции ООН по международному морскому праву, достигнув негласного соглашения о предотвращении универсального регулирования арктического региона. Но в Арктике по-прежнему отсутствует и региональное соглашение о международно-правовом статусе Северного ледовитого океана. Объясняется это тем, что в Арктике действует региональный обычно-правовой режим, который был сформирован

²⁵ Ibid. P. 30–31.

²⁶ Ibid. P. 48.

главным образом национальной практикой прибрежных арктических государств. Хотя арктические государства заключают региональные соглашения по узким вопросам при участии государств из-за пределов региона, как например, Соглашение об укреплении научного сотрудничества 2017 г.

Интересно, как оценка источника международного права государством по волевому критерию объясняет значение судебной практики и доктрины для международного права. С точки зрения концепции МППГ государства остаются враждебны к тем источникам правовой мысли, которые они не могут контролировать, как судебная практика, и безразличны к тем, которые не способны менять право, как международно-правовая доктрина²⁷. По этой причине международным судебным решениям и доктринальным источникам была отведена роль «вспомогательных средств определения права» (согласно ст. 38 п. 1(d) Статута Международного Суда ООН). Логика учета волевого фактора применима и к таким международно значимым документам, как акты международных организаций или совместные декларации государств. Институциональный порядок в международных организациях и принятый в них порядок голосования обычно балансируют между необходимостью предотвратить появление государств в оппозиции к предложениям организации и необходимостью гарантировать способность организации к эффективному функционированию. Примечательно, что на конференции в Сан-Франциско Филиппины предложили сделать резолюции Генеральной Ассамблеи обязательными, однако большинство государств отвергло предложения и в результате ст. 13 Устава ООН установила, что в части развития международного права Генераль-

²⁷ Coussirat-Coustère V. Op. cit.

ная Ассамблея только организует исследования и делает рекомендации²⁸. Такое положение Генеральной Ассамблеи не лишает ее институциональной целесообразности, поскольку ее рекомендательные положения сбалансированы весомыми решениями Совета Безопасности. То же можно сказать и о декларациях, как совместных, так и односторонних: декларация может обретать особый вес, если она транслирует не столько ожидания и намерения, сколько актуальную позицию по какому-либо вопросу. Яркий пример тому — Иллулисатская декларация пяти арктических государств 2008 г., которая подтвердила региональный подход в определении правового статуса Арктики²⁹.

Таким образом, отношение государства к источникам международного права составляет неотъемлемую часть его международно-правовой политики в целом.

5. В работе Лашаррьера красной нитью проходит мысль о том, что международно-правовая политика государства сугубо индивидуальна и подчеркивает исключительность носителя национальных интересов. Именно сознание своей исключительности заставляет государства стремиться утвердить именно специальные нормы. Интересно, что индивидуалистская наклонность государств в построении международно-правовой политики может приводить к парадоксальным ситуациям, как использование «двойных стандартов». Политологи называют двойными стандартами принятие государством противоречащих позиций в отношении применимости одной и той же нормы различными субъектами международного права. Но с точки

²⁸ UN Conference on International Organization, 1945: San Francisco, Document Vol. IX. P. 70. URL : <https://digitallibrary.un.org/record/1300969?ln=ru> PJE P. 51 (дата обращения: 26.10.2021).

²⁹ Baseline of Russian Arctic Laws / Paul A. Berkman, Alexander N. Vylegzhanin, Oran R. Young (eds). Springer, 2019. P. x.

зрения концепции МППГ, такая ситуация не является патологией, и более того, полностью отвечает логике государства при разработке тактики реализации МППГ — ‘*nes pluribus impar*’. Это значит, что, предлагая норму, которая бы закрепляла какое-либо право, государство предпочитает, чтобы это право было закреплено исключительно за ним, или предлагая ограничительную норму, государство предпочитает, чтобы ограничение приняли только третьи государства. Проблема только в том, что такие явно ассиметричные нормы не могут быть легитимированы.

Данные рассуждения приводят к пониманию, что идеи общности, симметрии и взаимности введены в международно-правовую аргументативную практику искусственно³⁰, только с целью упрощения координации воли. Тот же вывод применим и для принципа равенства государств. Швейцарский юрист Дитрих Шиндлер назвал принцип равенства негативным принципом, поскольку он призван исключать следствия фактического неравенства, но признание этого принципа не создает права на фактическое равенство³¹. Различие представлений о равенстве государств с действительностью объясняется, тем что равенство является только целью. Эта цель достижима, но как отмечает Лашаррьер, для ее достижения необходимо принятие неравных правовых режимов (*regimes inégalitaires*). При равном применении одной нормы ко всем образуется ситуация «выгодного равенства» (*égalité avantageuse*), когда равно применяемая норма приносит одним субъектам преимущества перед другими, что про-

³⁰ Lacharrière G.L. de. Op. cit. P. 65.

³¹ Schindler D. Contribution à l'étude des facteurs sociologiques et psychologiques du droit international // RCADI. 1933. Vol. 46. P. 261. «Принцип равенства является негативным принципом. Он должен исключать некоторые последствия фактического неравенства». [‘(l)e principe d'égalité est un principe négatif. Il doit exclure certains effets de l'inégalité de fait; mais il ne donne aucun droit à l'égalité de fait].

тиворечит заявленному равенству и взаимности. Различие преимуществ, которыми государства пользуются при применении одних и тех же положений, в особенности отчетливо видны на примере международных договоров между государствами с развитой экономикой и государствами третьего мира. Так, первые двусторонние инвестиционные соглашения стали заключаться именно между странами-экспортерами капитала и странами-реципиентами инвестиций³². Хотя положения, возлагающие обязательства на государства-реципиентов инвестиций соблюдать права инвесторов, декларировались взаимными, фактически их преимуществами пользовались только страны с развитой экономикой. Такие положения можно назвать «ложно взаимными» (*des clauses faussement réciproques*)³³. Подобная ситуация фактического неравенства может усматриваться и в отношении универсальных норм международного морского права, и в отношении норм о научно-техническом сотрудничестве и др. Поэтому, естественно, государства могут стремиться компенсировать свое неравное положение нормами международного права.

Наблюдения показывают, что в международно-правовой практике каждое государство тяготеет к согласованию *специальных норм*, которые как раз позволяют утвердить его исключительное положение. Действительно, специальные положения закрепляют конкретное действие нормы для конкретной категории субъектов — другими словами, способны одновременно утвердить право и ограничить его применимость до привилегии конкретной группы субъектов или даже одного государства. В данном отношении в концепции

³² Salacuse J.W. BIT by BIT: The Growth of Bilateral Investment Treaties and Their Impact on Foreign Investment in Developing Countries // The International Lawyer. 1990. Vol. 24. № 3. P. 655–675.

³³ Lacharrière G.L. de. Op. cit. P. 65.

МППГ можно выделить два типа специфики согласуемых норм — индивидуальную и категориальную³⁴. В первом случае государства могут искать способ утвердить специальные условия исключительно для себя. Например, по свидетельству Лашаррьера, в ходе III Конференции ООН по морскому праву Шри-Ланка пыталась добиться для себя исключения из определения континентального шельфа и сделать возможным установить его внешний предел на уровне 500 морских миль³⁵. Однако индивидуальные нормы, если и встречаются в международном праве, то крайне редко³⁶. Индивидуальный подход государств к нормам международного права все же имеет легитимные юридические инструменты для самовыражения — оговорки и декларации о толковании — хотя по своему юридическому действию несопоставимые с нормой-исключением. Более вероятно согласовать специальные условия не для отдельного государства, а для группы государств, идентифицируемых по какому-либо признаку, как экономическое развитие или географическое положение. Например, на Конференции по морскому праву Румыния выступала за разработку специальных положений о доступе к рыболовству для государств с ограниченными природными ресурсами включая наличие и протяженность побережья³⁷.

³⁴ Lacharrière G.L. de. Op. cit. P. 67–69.

³⁵ Ibid. P. 67.

³⁶ Индивидуальные нормы, адресуемые конкретным субъектам, могут устанавливаться с целью легитимации международного соглашения, регулирующего специфичный вопрос. Например, Парижской договор о Шпицбергене разрабатывался без участия России. Поэтому ввиду исторического присутствия России в районе Шпицбергена, страны — участники переговоров включили в договор положение, распространяющее права, утверждаемые договором, на российские компания и физические лица (п. 1 ст. 10 Договора о Шпицбергене от 9 февраля 2020 г.). СССР присоединился к соглашению в 1935 г.

³⁷ Statement by the delegation of Romania dated 30 April 1982. A / CONF.62 / WS / 24. Extract from the Official Records of the Third United

Безусловно, согласование индивидуальной или категориальной специфики нормы является не единственным способом получения государством преимуществ из действующих международно-правовых норм. Международно-правовая политика требует нестандартных решений, в том числе юридических маневров (*des manoeuvres juridiques*)³⁸. В современной доктрине о юридическом маневрировании стали говорить в контексте феномена фрагментации международного права, сопровождающегося образованием множества автономных режимов и специальных норм в рамках отраслевого регулирования³⁹. Но следует помнить, что негативный аспект фрагментации, блокирующий системное международно-правовое регулирование, является только побочным эффектом стремления государств к специальному точному оформлению международно-правовых норм. Как было указано, международно-правовая политика во всем полагается на авторитет международного права, поэтому создание специальных норм, не способных к легитимации, и как следствие, не имеющих правового действия, для международно-правовой политики не имеет смысла.

Надо признать, что и сами по себе специальные нормы могут иметь блокирующий эффект. Дело в том, что стремление к утверждению частных норм еще можно охарактеризовать как стремление к предотвращению сторонних интерпретаций изначального смысла предлагаемых норм. Чем точнее формулировка, тем сложнее расширить ее толкование. Поэтому государства, в меньшей степени удовлетворенные

Nations Conference on the Law of the Sea. Volume XVI. URL: [https://legal.un.org/diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_1/a_conf62_sr38.pdf] (дата обращения: 26.10.2021).

³⁸ Kolb R. Op. cit. P. 15.

³⁹ Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. Понятие «международно-правовая политика государства» // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 21–37. С. 33.

результатами переговоров, могут на этом основании отказаться от участия в соглашении — ведь у государств нет возможности «нивелировать» неприемлемый для них аспект действия нормы в процессе толковательной и правоприменительной практики. Так случилось, например, с Конвенцией по международному морскому праву. Хотя Конвенцию подписали 10 декабря 1982 года 116 государств, Конвенция вступила в силу только 16 ноября 1994 года ввиду длительного отсутствия нужного количества ратификаций. К 1994 году было получено только 48 ратификаций из 60 необходимых, причем со стороны малых и развивающихся государств⁴⁰. Для государств, чьи интересы в большей степени связаны с морской деятельностью, сдерживающим фактором оставались положения Части XI Конвенции, устанавливающие правовой режим района морского дна за пределами национальных юрисдикций. И только с принятием Соглашения об осуществлении Части XI Конвенции от 28 июля 1994 года стало возможным преодолеть пороговое количество ратификаций⁴¹.

Таким образом, специальные нормы требуют больше усилий к их легитимации. С одной стороны, этот нюанс является естественным барьером к избытку таких норм. Поэтому фрагментация международного права может рассматриваться как предельный процесс: фрагментация до той степени, когда специальные положения или режимы не обретают действия международно-правовых норм, уже не является фрагментацией *международного права*.

⁴⁰ Oude Elferink A. What If the United Nations Convention on the Law of the Sea had Entered into Force Unamended: Business as Usual or Dystopia? // Contingency in International Law: on the possibility of different legal histories / by eds. I. Venzke, K.J. Heller. Oxford University Press, 2021. С. 215.

⁴¹ Гудев П.А. Конвенция по морскому праву: проблемы трансформации режима / ИМЭМО РАН. М., 2014. 201 с. С. 80.

С другой стороны, специальные нормы международного права обретают особое значение. Существование специальных норм международного права является свидетельством, как минимум, успешного согласования позиций государств, или как максимум, успешной реализации международно-правовой политики отдельных государств. По этой причине конвенционные нормы с общими неоднозначными формулировками зачастую подвергаются критике за свою несостоятельность. Однако нормы общего характера при согласовании частных или детальных технических вопросов не всегда следует рассматривать как нереализованный нормативный проект. Хотя уступки при согласовании нормы признаются вынужденными, сам консенсуальный характер нормы может быть частью международно-правовой стратегии.

б. Лашаррьер пришел к примечательному выводу, что для международно-правовой политики неопределенность норм имеет стратегическое значение. В международном праве существует множество норм общего характера, причем и в тех сферах, где необходимы конкретные формулировки. Однако общие неоднозначные положения в международных соглашениях не всегда появляются в результате согласования равносильных противоречащих друг другу позиций. В некоторых случаях можно говорить о стратегическом характере общих норм.

В рамках концепции МППГ согласование содержание нормы международного права происходит не только на этапе нормотворчества, но продолжается в дальнейшем при толковании и применении международно-правовых норм. Это значит, что даже в случае не самых удачных переговоров государство может продолжать настаивать на своем подходе к урегулированию того или иного вопроса, обращаясь к особому толкованию принятой нормы — заявляя декларацию о толковании или демонстрируя свою позицию

непосредственно в международно-правовой практике. Поэтому Лашаррьер назвал этап применения и толкования норм права «вторым туром» (*'la seconde mache'*)⁴². В международном праве не может быть постоянных достижений, поэтому и государства, чьи позиции полностью удовлетворены принятой нормой должны укреплять эту норму собственной последовательной практикой. Все государства сознают, что за этапом нормообразования следует не менее значимый для определения содержания международного права этап толкования и применения. Поэтому государства могут намеренно «откладывать» некоторые вопросы до следующего этапа⁴³. Кроме того, техническая возможность конвенционного процесса оставить неразрешенные вопросы до «лучших времен» особенно ценна в ситуации конфликта. Например, Канада и США расходятся в представлении о должном порядке разграничения морских пространств в море Бофорта, что не препятствует им сотрудничать в сферах общих интересов, как защита арктической окружающей среды. В 2016 г. стороны договорились об установлении моратория на выдачу лицензий для горнодобывающей деятельности в спорном районе, согласовав возобновление переговоров по данному вопросу через пять лет с учетом ситуации по климату и состоянию морской среды⁴⁴.

Если исходить из оценки нормы международного права, как успешной реализации некоторой международно-правовой стратегии, но наиболее ясная формулировка нормы

⁴² Lacharrière G.L. de. Op. cit. P. 102.

⁴³ Ibid. P. 90. Лашаррьер писал: «В неоднозначности международного права велика доля спонтанного, однако долю намеренного не стоит недооценивать» [Dans l'ambiguïté du droit international, la part du spontané est considérable, mais celle de l'intentionnel ne doit pas être sous-estimée].

⁴⁴ United States-Canada Joint Arctic Leaders' Statement. December 20, 2016.

подчеркивает преобладание одной позиции над остальными, тогда как наименее ясная размывает эффект от уступок других участников. Но у общей нормы нет проигравшей или выигравшей стороны, поэтому общие положения признаются компромиссными⁴⁵. Лашаррьер назвал компромиссное оформление норм «конструктивной неопределенностью» (*ambiguïté constructive*)⁴⁶. Речь идет о формулировках, одновременно допускающих несогласуемые версии. Хотя к таким конструктивно неопределенным нормам можно отнести и клаузулы, допускающие сосуществование противоречащих позиций. Например, такое техническое решение позволило СССР (затем России) и Японии последовательно заключать международные договоры в области рыбного хозяйства в отсутствие прямого согласия о признании российского суверенитета над Южно-Курильскими островами и примыкающими морскими районами⁴⁷. В соглашения включаются так называемые «защитные клаузулы», ограничивающие толкование Соглашения таким образом, чтобы это «не наносило ущерб позициям или точкам зрения Договаривающихся Сторон» по тем или иным вопросам, как «по вопросам морского права, по вопросам взаимных отношений».

Таким образом, неопределенность международного права может работать на благо сохранения мирных дружественных отношений хотя в тех областях, регулирование которых можно вынести за рамки неразрешенного вопроса.

Подводя итоги обзора базовых тезисов концепции международно-правовой политики, можно сказать, что большинство аспектов концепции получают положительный отклик

⁴⁵ Lacharrière G.L. de. Op. cit. P. 90.

⁴⁶ Ibid. P. 94.

⁴⁷ Вылегжанин А.Н., Неверова Е.В. Российско-японские договоренности о морских районах, примыкающих к оспариваемым Японией Южно-Курильским островам // Московский журнал международного права. 2016. № 2. С. 35–62.

доктрины, и, кроме того, находят видимые примеры в современной международно-правовой практике государств. Но самое примечательное, что концепция МППГ оптимально отвечает современной повестке в развития международных отношений. Как можно видеть, концепция построена вокруг представления об особой политике автономного суверенного субъекта международного права и тем самым сосредотачивается на индивидуальном подходе к государству — рассматриваются индивидуальные интересы, мотивы, подходы к толкованию, последовательность в международно-правовой практике и др.⁴⁸ Однако концепция транслирует фундаментальную идею невозможности международно-правовой политики государства вне социального контекста, в рамках которого разворачивается международно-правовая аргументативная практика государств и происходит легитимация позиций до норм международного права. Это делает концепцию МППГ жизнеспособной в контексте меняющихся международных условий и интересной для современных исследователей в сферах общих интересов государств, как климат, борьба с терроризмом, устойчивое развитие, сокращение разрыва в экономическом или технологическом развитии, равный доступ к жизненно важным достижениям мировой науки.

⁴⁸ Pellet A. *Le Sage, le prince et le Savant* (A propos de 'La politique juridique exterieure' de Guy de Lacharriere) // *Journal du Droit International*. 1985. № 112. P. 407–414. P. 413.

Сотскова Полина Викторовна,
аспирант кафедры международного права
МГИМО МИД России

Международно-правовое значение понятия «морские генетические ресурсы»

Введение. Мировой океан, который сосредотачивает в себе порядка 86% воды на Земле, является средой обитания большого количества видов флоры и фауны: по различным оценкам, в нем обитают порядка 150 тысяч видов животных и более 15 тысяч водорослей¹. Открытие новых форм жизни становится возможным благодаря развитию науки, в связи с чем исследование юридических вопросов, связанных с сохранением морского биоразнообразия, становится все более актуальным.

Осознание значимости морского биоразнообразия для различных сфер деятельности, включая рекреационную, продовольственную и коммерческую, пришло к международному сообществу относительно давно. Пандемия COVID-19, разразившаяся в мире в 2020 году, еще раз подчеркнула перспективы и возможности, связанные с использованием природных ресурсов для различных целей.

Одним из вопросов, который сегодня представляет особый интерес для международного сообщества, является вопрос о правовом режиме морских генетических ресурсов.

¹ Вылегжанин А.Н. Биоразнообразие морской среды // Государство и право. 2001. № 3. С. 69.

Перспективы использования этих ресурсов, согласно различным данным, могут быть связаны с решением таких значимых для человечества проблем, как борьба с различными болезнями путем разработки новых лекарств, помощь в борьбе с загрязнением морской среды, достижение продовольственной безопасности и удовлетворение растущего спроса на энергию за счет развития альтернативных источников энергии².

Разрабатываемый в настоящее время под эгидой ООН международный юридически обязательный документ на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции, охватывающий также и доступ к морским генетическим ресурсам, еще раз подтверждает тезис о том, что биоматериал, содержащийся в водах Мирового океана, представляет существенную ценность для всего человечества.

Понятие морские генетические ресурсы в международном праве

Решение вопроса о правовом режиме морских генетических ресурсах неизбежно приводит к необходимости юридической квалификации этого понятия. Первоначально вопрос о содержании понятия «морские генетические ресурсы» предполагалось решить в рамках естественных наук. Однако увеличение числа обсуждений как на дипломатическом уровне, так и в академических кругах, привело к необходи-

² Emerging and unresolved issues: The example of marine genetic resources of areas beyond national jurisdiction / Mario K. Vierros, Charlotte Salpin, Claudio Chiarolla, Salvatore Aricò // Ocean Sustainability in the 21st Century. Cambridge University Press, 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/298810138_Emerging_and_unresolved_issues_The_example_of_marine_genetic_resources_of_areas_beyond_national_jurisdiction

мости разработки именно правового определения, поскольку государства, которые приобретают соответствующие права и обязанности по международному договору, должны иметь единое понимания используемых терминов.

Отметим, что юридическая квалификация термина «морские генетические ресурсы» связана с такими понятиями, как «ген» и «генетика». Обычное понимание этих терминов, несомненно, содержится в естественных науках. Таким образом, под генетикой понимается «наука о наследовании» («the science of inheritance»), которая объясняет «сходства и различия между связанными организмами и способы, посредством которых черты передаются от родителей к их потомкам» («the differences and similarities between related organisms and the ways in which characters are passed from parents to their off spring»). Термин «ген» (от греческого *'genos'* — раса, род) означает «основную единицу генетического материала, которая находится в определенном месте хромосомы» («the basic unit of genetic material, which is carried in a particular place on a chromosome»). Учеными были открыты различные виды генов: структурные гены (гены, кодирующие информацию о первичной структуре белка), гены-регуляторы (гены, контролирующие скорость выработки белка) и иные³.

Несмотря на то, что различные исследователи ссылаются на достаточно древние нормы, касающиеся сохранения морского биоразнообразия, вопрос о правовом определении понятия «морские генетические ресурсы» был затронут на международном уровне сравнительно недавно. Считается, что основа регулирования была заложена в Конвенции о биологическом разнообразии 1992 года, так как именно в этом международном договоре содержатся положения, касающиеся генетических ресурсов. Однако нужно

³ Medical Dictionary. 7th ed. Oxford University Press, 2020. P. 315, 318.

подчеркнуть, что те определения, которые будут приведены ниже, носят достаточно общий характер.

В Конвенции 1992 года генетические ресурсы относятся к одной из трех групп, входящих в понятие «биологическое разнообразие». Согласно определению, содержащемуся в Конвенции, «биологическое разнообразие» означает «вариабельность живых организмов из всех источников, включая, среди прочего, наземные, морские и иные водные экосистемы и экологические комплексы, частью которых они являются; это понятие включает в себя разнообразие в рамках вида, между видами и разнообразие экосистем». «Разнообразие в рамках вида» подразумевает и разнообразие на генетическом уровне⁴.

Хотя Конвенция о биологическом разнообразии 1992 года и не содержит определения именно морских генетических ресурсов, они рассматриваются как подвид генетических ресурсов.

Генетические ресурсы определяются как «генетический материал, представляющий фактическую или потенциальную ценность» (ст. 2)⁵. При этом под генетическим материалом следует понимать «любой материал растительного, животного, микробного или иного происхождения, содержащий функциональные единицы наследственности»⁶. Таким образом, определение, содержащееся в Конвенции 1992 года, является общим и фактически охватывает все царства живой природы.

⁴ Vito De Lucia. The Concept of Commons and Marine Genetic Resources in Areas beyond National Jurisdiction // *Marine Safety and Security Law Journal*. Issue 5 — Special Issue on Ocean Commons, 2018–2019. P. 12. URL: https://www.marsafelawjournal.org/wp-content/uploads/2018/11/MarSafeLawJournal_Issue5_DeLucia.pdf

⁵ Конвенция о биологическом разнообразии 1992 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml

⁶ Там же.

Согласно статье 15 Конвенции 1992 года «в силу признания суверенных прав государств на свои природные ресурсы право определять доступ к генетическим ресурсам принадлежит национальным правительствам и регулируется национальным законодательством»⁷.

Схожее определение содержится и в Международном договоре о генетических ресурсах растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства 2001 года, целями которого являются «сохранение и устойчивое использование генетических ресурсов растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства и справедливое и равноправное распределение выгод, получаемых от их использования, в соответствии с положениями Конвенции о биологическом разнообразии для оказания содействия устойчивому ведению сельского хозяйства и созданию продовольственной обеспеченности»⁸ (ст. 1). В этом международном договоре «генетические ресурсы растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства означают любой генетический материал растительного происхождения, представляющий фактическую или потенциальную ценность для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства»⁹. А «генетический материал» означает любой материал растительного происхождения, включая репродуктивный и вегетативный материал для размножения, содержащий функциональные единицы наследственности (ст. 2)¹⁰.

⁷ Там же.

⁸ Международный договор о генетических ресурсах растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства, 2001. URL: <http://www.fao.org/3/i0510r/i0510r.pdf>

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Заключение этого международного договора было обусловлено тем, что ни одно государство не способно обеспечить себя в полном объеме растительными генетическими ресурсами. В связи с этим международное сотрудничество и обмен генетическими ресурсами имеют решающее значение для обеспечения продовольственной безопасности. На основании Договора государства взяли на себя обязательства по учреждению многосторонней системы в целях облегчения доступа к основным генетическим ресурсам растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства и справедливого и равноправного распределения выгод, получаемых в результате такого доступа¹¹.

Необходимо отметить, что все эти положения верны не только в отношении генетических ресурсов растений в сельском хозяйстве, но и в отношении морских генетических ресурсов, для эффективного освоения которых требуется осуществление всестороннего международного сотрудничества в сфере доступа к ним и их освоения.

Важным этапом на пути формирования международно-правового режима морских генетических ресурсов может стать разрабатываемый в настоящее время под эгидой ООН международный договор на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции.

Однако разработка этого международного договора подчеркнула еще раз отсутствие ясности в отношении пределов понятия «морские генетические ресурсы». Такое положение

¹¹ Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. URL: <http://www.fao.org/cgrfa/policies/global-instruments/plant-treaty/ru/>

подтверждается общими, широкими определениями, предложенными при разработке проекта соглашения¹².

В преддверии четвертой сессии подготовительного комитета Председатель отметил, что определение морских генетических ресурсов должно быть разработано с учетом различий между живыми организмами, которые используются в целях определения генетических свойств, и живыми организмами, используемыми в качестве сырьевых товаров¹³. Такое определение должно включать четыре элемента: 1) животное, растительное, микробное или иное происхождение из океанов и морей; 2) генетический материал, содержащий функциональные единицы наследственности; 3) фактическую или потенциальную ценность; 4) ресурсы, полученный из районов за пределами действия национальной юрисдикции¹⁴.

В проекте договора предложено следующее определение понятия морские генетические ресурсы: «Marine genetic resources» means any material of marine plant, animal, microbial or other origin, [found in or] originating from areas beyond national jurisdiction and containing functional units of heredity with actual or potential value of their genetic and biochemical properties. («Морские генетические ресурсы» означают любой материал морского растительного, животного, микробного или иного происхождения, [обнаруженный в районах

¹² Harriet Harden-Davies, Marine genetic resources beyond national jurisdiction: an integrated approach to benefit-sharing, conservation and sustainable use // University of Wollong thesis collection, 2018. URL: <https://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1558&context=theses1>

¹³ Chair's streamlined non-paper on elements of a draft text of an international legally-binding instrument under the United Nations Convention on the Law of the Sea on the conservation and sustainable use of marine biological diversity of areas beyond national jurisdiction, fourth session of the PrepCom (10–21 July 2017). URL: http://www.un.org/depts/los/biodiversity/prepcom_files/Chairs_streamlined_non-paper_to_delegations.pdf

¹⁴ Ibid.

за пределами действия национальной юрисдикции или] происходящий из них и содержащий функциональные единицы наследственности, представляющий фактическую или потенциальную ценность его генетических и биохимических свойств)¹⁵.

В международно-правовой доктрине не раз отмечалось, что определение, содержащееся в Конвенции о биоразнообразии 1992 года, не отражает реальную ценность, биологическую функцию или использование генетических ресурсов. Некоторые ученые даже отмечают, что в результате такого широкого и общего характера имеющихся определений генетических ресурсов термин «морские генетические ресурсы в районах за пределами действия национальной юрисдикции» может пониматься как охватывающий все морские живые ресурсы в таких районах¹⁶.

Кроме того, такие общие определения морских генетических ресурсов, разработанные в международном праве, приводят к ряду вопросов. К их числу относятся, в частности, вопрос о том, что следует понимать под словосочетанием «представляющий фактическую или потенциальную ценность» и действительно ли у государств имелось намерение исключить из сферы действия международных договоров сохранение потенциально опасных видов (включая паразитов и вирусы) или иных видов, которые в настоящее время

¹⁵ The Revised draft text of an agreement under the United Nations Convention on the Law of the Sea on the conservation and sustainable use of marine biological diversity of areas beyond national jurisdiction. URL: <https://www.un.org/bbnj/content/fourth-substantive-session>

¹⁶ Marine defaunation: Animal loss in the global ocean / Douglas J. McCauley et al. // *Science*. 2015. № 347 (6219); An ocean of surprises — Trends in human use, unexpected dynamics and governance challenges in areas beyond national jurisdiction / Andrew Merrie et al. // *Global environmental change-human and policy dimensions*. 2014. Vol. 27. P. 19–31; A global map of human impact on marine ecosystems / Benjamin S. Halpern et al. // *Science*. 2008. № 319. P. 948–952.

не используются и не могут быть использованы человечеством, но могут стать ценным сырьем в будущем?

Кроме того, в контексте Конвенции о биоразнообразии, Нагойского протокола к ней и разрабатываемого договора о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции разрешению подлежит вопрос о том, следует ли в понятие «генетический материал» включать также и дериваты, под которыми согласно статье 2(е) Нагойского протокола понимается «естественно встречающееся биохимическое соединение, являющееся результатом генетической экспрессии или метаболизма биологических или генетических ресурсов, даже если он не содержит функциональных единиц наследственности»¹⁷. Аналогичный вопрос возникает и в отношении понятия «данные о генетической последовательности», определяемое как генетическая информация в цифровой форме¹⁸.

Заключение. Все живые организмы (растения, животные и микроорганизмы) являются носителями генетического материала, который может принести пользу людям в различных сферах.

Как отмечалось выше, использование генетических ресурсов связано с огромной потенциальной выгодой для различных сфер человеческой деятельности. Такие ресурсы

¹⁷ Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии 2010 года. URL: <https://www.cbd.int/abs/doc/protocol/nagoya-protocol-ru.pdf>

¹⁸ Vito De Lucia. The Concept of Commons and Marine Genetic Resources in Areas beyond National Jurisdiction // Marine Safety and Security Law Journal. Issue 5 — Special Issue on Ocean Commons, 2018–2019. P. 12. URL: https://www.marsafelawjournal.org/wp-content/uploads/2018/11/MarSafeLawJournal_Issue5_DeLucia.pdf

можно считать важнейшим источником информации для понимания мира природы. С их помощью человечество может создавать разнообразные продукты и услуги, который могут быть использованы на благо всего человечества, в том числе лекарственные и косметические препараты, новые технологии сельского хозяйства и защиты окружающей среды¹⁹.

Эффективное освоение морских природных ресурсов, включая морские генетические ресурсы, требует расширения международного сотрудничества в этой сфере. Одним из вопросов, который представляет сегодня интерес для международного сообщества, является вопрос о международно-правовом режиме именно морских генетических ресурсов. В рамках этого вопроса возникает необходимость разработки детального определения понятия «морские генетические ресурсы».

Как следует из вышесказанного, к настоящему моменту на уровне универсального международного договора пока не разработано конкретное, детальное определение морских генетических ресурсов. Возможно, именно в ходе переговоров в рамках ООН о сохранении и устойчивом использовании морского биоразнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции удастся согласовать такую юридическую дефиницию понятия «морские генетические ресурсы», которая будет закреплена в новом международном договоре. Однако не следует забывать, что разработка универсального международного договора — это очень длительный процесс, в ходе которого неизбежно возникнет необходимость согласования позиций различных государств

¹⁹ Конвенция о биологическом разнообразии: ABS (доступ и совместное использование выгод). Понятие доступа и совместного использования выгод. URL: <https://www.cbd.int/abs/infokit/revise/web/brochure-ru.pdf>

по ключевым вопросам. Таким образом, вряд ли можно рассчитывать, что такой договор будет заключен в ближайшие годы (и даже если текст будет разработан за достаточно короткий срок, то в таком случае он будет, с большой долей вероятности, носить очень общий и компромиссный характер).

Штодина Дарья Дмитриевна,
аспирант кафедры международного права
МГИМО МИД России

Понятие киберпространства в международном праве

1. Введение. Понятие «киберпространство»: история происхождения термина

Прежде чем перейти к тексту доклада, представляется возможным использовать латинское выражение ‘*Nic sunt leones*’ («Здесь обитают львы»)¹, которое обозначало неоткрытые земли. Киберпространство можно отнести именно к такой «земле», которая была фактически «открыта» в XX в., но до сих пор ведутся дискуссии относительно международно-правового режима, который действует в ней.

Учитывая необходимость введения понятийного аппарата, следует все же не забывать о том, что единого определения для киберпространства не существует. Карл Саган однажды сказал о том, что современное общество зависит от науки и технологий, но едва ли кто-нибудь имеет представление об этих двух понятиях.

Принято считать, что термин «киберпространство» впервые появился в фантастике, в произведении Уильяма Гибсона «Нейромант» в 1984 г.: «Киберпространство. Коллективная галлюцинация... Графическое представление данных,

¹ Roscini M. World Wide Warfare-Jus ad bellum and the use of cyber force // Max Plank Yearbook of United Nations Law. 2010. Vol. 14. P. 85–130.

извлекаемых из банков памяти любого компьютера в человеческой системе... Световые линии, расчертившие кажущееся пространство разума...» Так как киберпространство обладает своими отличительными чертами, например виртуальностью, представление о нем на начальном этапе могло сформироваться лишь в литературе.

Позднее, в 1990-е гг., появилась т.н. «Всемирная паутина» (World Wide Web, сокр. — WWW), основателем которой стал Тим Бернерс-Ли. Не останавливаясь подробно на истории появления Интернета, можно отметить, что первооткрывателями в этой области являются США. К 1995 г. лишь 1% населения Земли имел доступ в Интернет, к 2005 г. цифра превысила один миллиард пользователей по всему миру, в 2010 г. — 2 млрд пользователей, а в 2014 г. показатель достиг критической отметки в 3 млрд человек.

Киберпространство — это принципиально новое пространство, которое не может быть не урегулировано нормами права, однако в процессе правоприменения законодателью необходимо учитывать дискуссионный вопрос о применимости понятия государственного суверенитета в нем, об отсутствии универсального международного договора, позволяющего регулировать поведение государств в киберпространстве, а также единой судебной системы.

По мере развития применения технологий в современном мире, появилась потребность в «демистификации» киберпространства и разработке норм, направленных на регулирование его правового режима.

Для определения киберпространства в международном праве необходимо рассмотреть общее определение данного термина, сложившееся, как было упомянуто выше, в фантастике. Киберпространство состоит из двух слов: «кибер» относится к электронной и относящейся к компьютерным технологиям информации, а «пространство» —

к фактической территории, созданной электронной техникой для получения информации через взаимосвязанные системы и связанной с ними инфраструктурой. Киберпространство — это уникальный режим физических и виртуальных объектов, средств аппаратного обеспечения (hardware) и программного обслуживания (software), т.е. всех компьютерных сетей в мире, включая Интернет и другие сети, обособленные или не подключенные к Интернету. Киберпространство намного шире понятия Интернет и оттого не сводится лишь к использованию Интернета.

Jacqueline Lipton² обозначила основные черты, присущие киберпространству:

- глобальное распространение Интернета;
- отличительные нормы, регулирующие поведение в онлайн-среде, в отличие от норм, регулирующих поведение в обычном, «физическом» мире;
- виды ущерба, понесенного в результате недобросовестного поведения в онлайн среде.

В науке встречаются точки зрения, согласно которым не имеет смысла регулировать киберпространство и рассматривать вопрос о применении в нем каких-либо норм, т.к. данный процесс больше напоминает изучение «права лошади» ('Law of the horse'), т.к. для изучения используются отдельные, не связанные между собой нормы, которые не представляется возможным унифицировать с целью изучения³.

Lawrence Lessig, напротив, полагает, что с помощью киберпространства можно защитить все базовые ценности человечества. Более того, право киберпространства включает в себя не только законы, прецеденты, статуты, но и все по-

² Lipton J. Rethinking cyberlaw: a new vision for internet law. Cheltenham, UK : Edward Elgar, 2015. 176 p.

³ Frank H. Easterbook. Cyberspace and the law of the horse // University of Chicago Legal Forum. 1996. P. 207–216.

строение Интернета, нормы необязательного характера, различные стандарты, применимые в этой области⁴.

В международном праве насчитывается двадцать восемь определений термина «киберпространство», что обусловлено постоянным развитием технологий⁵.

Профессоры Heike Krieger и George Nolte⁶ отмечают, что регулирование киберпространства в международном праве может создать определенные вызовы устоявшемуся международному правопорядку.

В международном праве уже были схожие проблемы, связанные с регулированием воздушного и космического пространств. Основная сложность состояла в разграничении этих пространств, разработке универсальных международных договоров по регулированию поведения государств в воздушном и космическом пространствах⁷.

Применимо ли такое сравнение в контексте киберпространства? Однозначного ответа на этот вопрос дать не представляется возможным.

François Delerue в своем исследовании⁸, посвященном возможности применения международного права в киберпространстве, выделяет основные дискуссионные тезисы, на которые следует обратить внимание при попытке регулирования данной «территории» международным правом:

⁴ Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. New York : Basic Books, 1999. 320 p.

⁵ Мигулева М.В. Киберпространство как стратегический инструмент социальной инженерии (доклад на 5-й Международной научной конференции «Китай и Россия», 28.05.2018, Санкт-Петербург). URL: <https://whatisgood.ru/theory/analytics/kiberprostranstvo-kak-strategicheskiy-instrument/>

⁶ Krieger H., Nolte G. The international rule of law-rise or decline? Points of departure // KFG Working Paper Series. 2016. № 1. P. 2–22.

⁷ Delerue F. Cyber operations and international law. Cambridge University Press, 2020. P. 1–50.

⁸ См.: Ibid.

- термин «киберпространство» впервые появился в фантастике, это понятие не разрабатывалось инженерами или же специалистами в области техники;
- на данный момент неясным остается вопрос о рассмотрении термина как территории, где могут проводиться военные действия;
- ввиду отсутствия суверенитета государства в киберпространстве, дискуссионным остается вопрос о применимости концепции общего наследия человечества.

Автор исследования опровергает тезис о киберпространстве как о пятом измерении (наряду с земным пространством, водным, воздушным и космическим). В отличие от существующих четырех пространств в международном праве, у киберпространства нет никакой территории в классическом представлении науки международного права. Напротив, все четыре существующих пространства уже так или иначе связаны с использованием виртуальных технологий, зависят от них (например, Дистанционное зондирование Земли в космическом праве). Любое ограничение киберпространства носит условный характер и включает в себя среду, состоящую из Интернета и других компьютеров и телекоммуникационных сетей, подключенных к Интернету или нет. Интернет представляет собой лишь одну из многочисленных компьютерных сетей. Что касается вопроса о применимости международного права к киберпространству, то ответить на него следует положительно, однако в XXI в. основным вопросом для международного права является не простая констатация применимости существующих норм международного права, а ответ на другой, остро дискуссионный вопрос, — как применять эти нормы.

В докладе речь пойдет о тех аспектах, которые необходимо раскрыть для понимания природы киберпространства:

- значение термина в международном праве (рассмотрено выше);
- вопрос о суверенитете и его применимости;
- источники регулирования;
- актуальные проблемы и текущие тенденции регулирования.

2. Суверенитет в киберпространстве: дискуссионные аспекты

Как уже было сказано в предыдущем пункте, киберпространство нельзя приравнять к Интернету. «Кибертерритория» транснациональна по своей природе, не имеет единого контролирующего центра и может контролироваться лишь в определенных областях⁹. Ни о каких актах делимитации и демаркации говорить не приходится. Дискуссионным является вопрос о суверенитете государств в киберпространстве. Напомним, что признаками суверенитета государства являются: верховенство государства в пределах его территории и самостоятельность в международных отношениях. Элемент суверенитета — территориальное верховенство, т.е. распространение верховенства государства по всему пространству государственной территории¹⁰. Именно о территориальном верховенстве и пойдет речь. Киберпространство не может рассматриваться отдельно от суверенитета государственного, так как любые объекты критической информационной инфраструктуры, находящиеся в пределах государства, потенциально могут представлять опасность для других государств в случае вмешательства в работу объектов

⁹ Pallavi Khanna. State Sovereignty and Self-defence in Cyberspace // BRICS Law Journal. 2018. № 5 (4). P. 139–154.

¹⁰ Международное право : учебник для вузов / А.Н. Вылегжанин и др. ; отв. ред. А.Н. Вылегжанин. В 2 ч. Ч. 1. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2021. 329 с.

на территории других государств. Установление суверенитета в этом пространстве могло бы поставить под вопрос классическую концепцию суверенитета государства, ведь речь пойдет о правомочии государства контролировать пространство за пределами государственных границ.

В науке международного права долгое время велись споры относительно ограничения суверенитета государства в киберпространстве. Либерально настроенные выступали против какого бы то ни было регулирования со стороны государств и отстаивали право киберсистемы на внутреннее регулирование. По их мнению, киберпространство-классический пример «terra nullius» («ничейной земли») ¹¹, где невозможно применять государственное регулирование. Если развить эту мысль дальше, то можно предположить, что речь пойдет о некоем «надтерриториальном» пространстве, но в классическом международном праве нет норм, которые могли бы его регулировать.

По мнению Pallavi Khanna, ни одно государство не признало «самостоятельный» суверенитет киберпространства в прямо выраженной форме, что дает основания считать вторичный, зависимый характер киберпространства от первичного, основного государственного суверенитета. Отсутствие признака территориальности у такого пространства позволяет государствам частично наделить его признаками территориальности посредством введения контрольных механизмов для обеспечения безопасности информационных потоков, поступающих через границы государств. В статье Pallavi Khanna приводится пример дела с участием компании Yahoo! ¹², которая отказывала Франции в прекращении прода-

¹¹ Shoshan Ella. Applicability of international law on cyber espionage intrusions, thesis / Faculty of law, Stockholm University, 2014.

¹² LICRA v. Yahoo! (Ligue contre le racisme et l'antisémitisme et Union des étudiants juifs de France c. Yahoo! Inc. et Société Yahoo! France),

жи с аукциона атрибутов нацизма, ссылаясь на свободное регулирование Интернета. Позднее французскому суду удалось доказать, что американская компания не проводила торги в правовом вакууме, а распространяла рекламу на территории Франции, где подобные действия по оправданию нацизма запрещены уголовным законом.

Этот пример чрезвычайно важен для понимания регулирования действий компаний и государств в киберпространстве. Безусловно, применения концепции классического территориального верховенства в данном пространстве ожидать не приходится, однако государство действует в киберпространстве через серверы, собственную инфраструктуру, находящуюся под юрисдикцией государства, следовательно, и будет нести ответственность за противоправные действия.

Что касается суверенитета государства, то необходимость уважения к нему было подтверждено в деле Никарагуа против США¹³. На основании данного решения было признано, что все враждебные кибероперации, направленные против киберинфраструктуры, располагающейся на территории другого государства, подразумевают нарушение суверенитета пострадавшего государства даже если подобные операции не влекут за собой причинение вреда или ущерба, т.к. любые враждебные действия приравниваются к незаконному вмешательству посредством осуществления верховенства над территорией пострадавшего государства.

Осознав опасность безграничности киберпространства и изъятия его из-под государственного контроля, некоторые государства выдвинули инициативу по регулированию

decided by the High Court of Paris (Tribunal de grande instance) in 2000. Also see Jon Henley, *Yahoo! Cleared in Nazi Case*, *The Guardian*, 13 February 2003 (Nov. 10, 2018). URL: <http://www.theguardian.com/technology/2003/feb/12/newmedia.media>

¹³ Schmitt M.N. *The Law of Cyber Warfare: Quo Vadis?* // *Stanford Law & Policy Review*. 2014. Vol. 25 (269).

национального сегмента Интернета. Так, Китай, Северная Корея выступают за полную изоляцию национального сегмента Интернета¹⁴. Причем в последней разрешен доступ лишь к изолированному национальному сегменту Интернета — «Кванмён». Несмотря на попытки группы хакеров в 2013 г. подключить северокорейский сегмент к мировой сети, сделать это так и не удалось, поскольку такие драконовские законы часто обосновываются необходимостью защиты государственного суверенитета от кибератак со стороны западных государств¹⁵. В настоящее время сложилась реалистическая концепция суверенитета, которая позволяет государствам использовать свою юрисдикцию на основании принципа территориальности (т.е. государство обладает правом регулировать передачу информации наряду с правом регулировать использование информации лицами в киберпространстве в пределах границ государства). Суверену принадлежит право контроля за аппаратным и программным обеспечением на своей территории. Другим принципом регулирования деятельности в киберпространстве принято считать т.н. «доктрину последствий», согласно которой учитываются последствия противоправных действий, которые могли быть совершены на территории другого государства, но причинили вред первому государству. В Стратегии национальной кибербезопасности США¹⁶ перечислены те действия, которые могут быть отнесены к нарушению суверенитета государства: атаки на сетевое оборудование,

¹⁴ Cyberspace Regulation and the Discourse of State Sovereignty. 1680, 1685 // Harvard Law Review. 1999. URL: <http://cyber.law.harvard.edu/property00/jurisdiction/hlr.html>

¹⁵ Guest account on Pastebin, 'OpNorthKorea-Release 2 (Pastebin, April 2013). URL: <https://pastebin.com/ULEyQma4>

¹⁶ International Strategy for cyberspace. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf

использование такого оборудования и другие враждебные действия, совершаемые в киберпространстве, которые могут угрожать миру и стабильности, гражданским свободам и охране частной жизни лиц.

В международном праве не существует запрета на регулирование государством своего сегмента киберинфраструктуры, однако это право может быть реализовано только в том случае, если государства соблюдают принципы международного права.

3. Источники регулирования поведения государств в киберпространстве

Следует отметить, что основной проблемой на сегодняшний день принято считать отсутствие универсальной конвенции, которая бы позволила урегулировать действия государств в киберпространстве. Основная сфера регулирования киберпространства — это кибербезопасность. Согласно терминологии, составленной Международным союзом электросвязи (МСЭ), кибербезопасность включает в себя различные средства¹⁷, направленные на защиту киберпространства как «киберокружающей» среды, защиту организации ее работы, а также защиту лиц, включенных в нее. По мнению профессора Joseph Nye¹⁸, вопрос о кибербезопасности должен быть разделен с учетом четырех базовых угроз: шпионаж, преступность, кибервойны, кибертерроризм. Причинами появления этих угроз могут служить недостатки в самой системе Интернета, аппаратного и программного обеспечения и попытки государств и компаний перенести многие объекты критической инфраструктуры

¹⁷ UN ITU-T X.1205 Overview of cyber-security URL: <https://www.itu.int/rec/T-REC-X.1205-200804-I>

¹⁸ Nye Joseph S. Cyberpower. Cambridge, Mass. : Harvard Belfer Centre for Science and International Affairs, 2010. P. 1–23.

в сферу онлайн. Автор доклада остановится лишь на некоторых источниках, направленных на регулирование кибербезопасности.

Для характеристики источников международного права, регулирующих киберпространство, необходимо привести примеры трех подходов к регулированию этого пространства в международном праве: «киберинституционалистский», «киберлибертарианский» и подход «государственников». Киберинституционалисты (Wu /1997/¹⁹) выступают за институционализацию и принятие международно-правовых норм, которые позволили бы регулировать кибесреду. Киберлибертарианцы (John Barlow /1996/²⁰), напротив, отказываются применять какие бы то ни было нормы в киберпространстве, ссылаясь на свободу Интернета. «Государственники» (James Lewis /2010/²¹) уверены в том, что в сложившейся ситуации только государства как первичные субъекты международного права могли бы предпринять усилия по созданию необходимых универсальных норм по регулированию киберпространства²².

В Статуте Международного суда ООН (ст. 38) приведен перечень источников международного права²³:

«а) международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами;

¹⁹ Wu T. Cyberspace Sovereignty — The Internet and the International System // Harvard Journal of Law and Technology. 1997. № 10 (3). P. 647–666.

²⁰ Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace / Electronic Frontier Foundation. February 1996.

²¹ Lewis J.A. Sovereignty and the Role of Government in Cyberspace // Brown Journal of World Affairs. 2010. № 16 (2). P. 55–65.

²² Abid A. Adonis. International law on Cyber Security in the Age of Digital Sovereignty. URL: <https://www.e-ir.info/2020/03/14/international-law-on-cyber-security-in-the-age-of-digital-sovereignty/>

²³ Статут Международного суда ООН. URL: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml>

б) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы».

Универсальных международных конвенций, направленных на регулирование поведения государств в киберпространстве, на настоящий момент не существует. Государства не могут договориться о возможностях ограничения суверенитета, создании универсального судебного органа, уполномоченного рассматривать дела в киберпространстве и т.д. Немаловажным остается и вопрос о появлении новых субъектов, которые действуют в киберпространстве от своего имени и диктуют правила игры в этой области. Далее будут кратко рассмотрены противоречия государств и новые инициативы по регулированию кибербезопасности, исходящие в т.ч. от мировых гигантов в кибериндустрии (Майкрософт)²⁴.

Для начала предлагаю обратиться к дискуссионному вопросу о применимости международного обычного права в киберпространстве. Сложились ли некие международно-правовые обычаи, которые могли бы быть признаны всеми государствами?

Gary Brown и Keira Poellet в своей статье «Обычное международное право в киберпространстве»²⁵ проанализировали применимость международного обычая в «пятом измерении». Рассуждая о применимости обычая, следует помнить о двух необходимых элементах обычая — «объективного» («общая практика») и субъективного («признания ее в качестве права»). По их мнению, первая кибератака произошла

²⁴ Digital peace now / Microsoft. 2018. URL: <https://blogs.microsoft.com/on-the-issues/2018/09/28/digital-peace-now-launches-this-weekend/>

²⁵ Brown G., Poellet K. The Customary International Law of Cyberspace // Strategic Studies Quarterly. 2012. Vol. 6. № 3. Cyber special edition. P. 126–145.

в Советском Союзе в 1982 г.²⁶, когда на Транссибирской магистрали произошел взрыв на газопроводе. Сообщалось, что взрыв произошел из-за запуска вредоносной программы и был результатом спецоперации ЦРУ. Позднее кибератаки стали возникать на территории США — например, Moonlight Maze (1998–2001), Code Red (2001), Mountain View (2001). В 2010 г. компания Гугл сообщила о неправомерных действиях китайских хакеров, пытавшихся украсть интеллектуальную собственность компании. Хакеры установили вредоносные программы и взломали данные владельцев аккаунтов гугл-почты, которые отстаивали права человека. В результате Гугл был вынужден ограничить ведение бизнеса в данном государстве. Однако в данном контексте не идет речь о возникновении международно-правового обычая, т.к. для его возникновения необходимо наличие действующего субъекта, совершающего данные действия, для появления *opinion juris*, как, например, в случае с запуском первого спутника в СССР и, в дальнейшем, появления принципа неприсвоения космического пространства.

Шпионаж мог бы рассматриваться как пример появления обычной нормы международного права в киберпространстве, но и здесь возникают сложности применения обычая в том понимании, в котором о нем говорится в ст. 38 Статута. В международном обычном праве нет норм, запрещающих осуществлять шпионаж в мирное время. В государствах на национальном уровне могут быть законы, запрещающие подобные действия. Так, примером могут служить США, где шпионаж наказывается смертной казнью²⁷.

²⁶ Stephens B. Long before there was the Stuxnet Computer Worm, there was the Farewell Spy Dossier // Asian Wall Street Journal. 2010.

²⁷ 18 U.S.C pt. 1, chap. 37 “Espionage and Censorship”, para. 793-98. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title18/part1/chapter37&edition=prelim>

По общему правилу, шпионаж не запрещен международным правом. Говоря о действиях в киберпространстве, следует отнести их по своей природе не к военным действиям, а к шпионажу, т.к. вредоносные программы внедряются в системы государственных органов и фактически «собирают и аккумулируют» накопленную информацию. Точно так же, как и классический шпионаж в международном праве, кибершпионаж подпадает под разрешительный режим, при котором государства сами, на основании норм международного права, решают вопрос о правомерности тех или иных действий. С одной стороны, кибератаки и другие противоправные действия могут, подобно вооруженному нападению на территорию другого государства, привести к конкретным физическим последствиям (взрыв, причинение ущерба, вывод из строя). С другой стороны, если предположить, что подобные действия относятся к боевым, то что делать в том случае, если программа временно выводит из строя электроэнергетическую сеть? В данном примере не были совершены боевые действия, но сеть временно прекратила работу. В таком случае атака носит «околобоевой» характер и также подпадает под определение вооруженного нападения²⁸. Для регулирования международным обычным правом необходимо сформировать позицию государств по рассмотрению данных кейсов либо на основании понятия «шпионаж» (разрешительный режим), либо на основании концепции «вооруженного нападения» (запретительный режим в международном праве).

В 2011 г. в США была разработана Стратегия национальной безопасности США²⁹, где была дана попытка

²⁸ Schmitt M.N. Computer Network Attack and the Use of Force in International Law: Thoughts on a Normative Framework // Columbia Journal of Transnational Law. 1998–1999. Vol. 37. P. 1–54.

²⁹ International Strategy for Cyberspace: Prosperity, Security in a Networked World. Washington : White House, May 2011.

повлиять на развитие обычных норм в киберпространстве. В документе подчеркивается, что для создания таких норм не нужно пересматривать международные обычные нормы, международное право в целом. Все действующие международно-правовые нормы будут действовать и в мирное, и в военное время. Безусловно, нормы, содержащиеся в документе, не могут считаться обычными нормами международного права, но могли бы создать предпосылки для сотрудничества государств ввиду нежелания принимать первичные источники международного права — международные договоры универсального характера. Представляется чрезмерно недалёковидным подход к рассмотрению кибершпионажа на основании разрешительного порядка, что может привести к массовым кибератакам в дальнейшем.

Важным шагом на пути к решению проблемы, связанной с кибербезопасностью и регулированием поведения государств в киберпространстве, могло бы стать принятие конвенции, которая включала бы в себя базовые определения и нормы. На сегодняшний день единственным документом, регулирующим киберпреступность, является Будапештская конвенция 2001 г.³⁰, однако она была принята в Совете Европы и носит региональный характер, хотя участниками конвенции являются в т.ч. и неевропейские государства.

Как европейские, так и неевропейские государства должны предпринять усилия по определенной адаптации существующих норм международного права к киберпространству, однако на практике это требование вряд ли может быть реализовано в ближайшее время. Так, в 2013 и 2015 гг. группа правительственных экспертов подготовила доклады,

³⁰ Будапештская конвенция 2001 г. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680081580> (дата обращения: 27.09.2020).

в которых было признано и подтверждено применение положений международного права и, в частности, Устава ООН 1945 г. к киберпространству.³¹ В 2017 г. в ГПЭ велась дискуссия о возможности применения всех отраслей международного права на кибертерритории³², например, споры велись о возможности применения всех норм международного гуманитарного права в киберпространстве, о возможности применения контрмер, о праве на самооборону. Три государства — Россия, Китай и Куба последовательно отстаивали необходимость отказа от применения вышеперечисленных режимов, но с соблюдением норм всех других отраслей международного права. Позиция России объясняется тем, что отсутствие специальных норм регулирования киберпространства может послужить пусковым механизмом для развязывания гонки вооружений в «пятом измерении». А.В. Крутских³³ заявляет о недопустимости милитаризации киберпространства, недопущении применения силы, уважении государственного суверенитета, прав и свобод человека. По его мнению, не учитываются основные признаки киберпространства и вытекающая из них проблема установления

³¹ UN Doc A/68/98, Report of the Group of Governmental Experts on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security. URL: <https://undocs.org/A/68/98>; UN Doc A/70/174; Report of the Group of Governmental Experts on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security. URL: <https://undocs.org/en/A/70/174>

³² UN GGE on Cybersecurity: The End of an Era? / The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2017/07/un-gge-on-cybersecurity-have-china-and-russia-just-made-cyberspace-less-safe/>

³³ Ответ спецпредставителя Президента Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества в области информационной безопасности А.В. Крутских на вопрос Инфомагента ТАСС о состоянии международного диалога в этой сфере. 2017. URL: www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2804288

источника кибератаки. Для США³⁴ и Великобритании³⁵, напротив, хотя вопрос о применении общих норм права не вызывает сомнений, но, согласно позиции данных государств, не нужно разрабатывать новые нормы международного права для регулирования киберпространства и тем самым поставить под сомнение существующий международный правопорядок, т.к. в дальнейшем неизбежно придется пересматривать весь каркас уже действующих международно-правовых норм. С другой стороны, если отказаться от принятия каких бы то ни было специальных норм, то достичь консенсуса в позициях государств вряд ли будет возможно, тогда как уровень неопределенности будет возрастать, а развитие, предположительно, новой отрасли международного права будет остановлено. Актуальным остается и вопрос о различиях в терминологии на национальном уровне. Так, если для большинства государств речь идет о регулировании cybersecurity (кибербезопасности), где акцент ставится на безопасность в понимании науки международного права, то для России и Китая акцент делается на information security (информационной безопасности внутри государства) и на защите государственного суверенитета³⁶.

³⁴ US Explanation of Position, United States Mission to the United Nations, Explanation of Position at the Conclusion of the 2016–2017 UN Group of Governmental Experts (GGE) on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security. June 23, 2017. URL: <https://usun.usmission.gov/explanation-of-position-at-the-conclusion-of-the-2016-2017-un-group-of-governmental-experts-gge-on-developments-in-the-field-of-information-and-tele/>

³⁵ UK Attorney General, Speech: Cyber and International Law in the 21st Century. May 23, 2018 URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/cyber-and-international-law-in-the-21st-century>

³⁶ Henriksen A. The end of the road for the UN GGE process: The future regulation of cyberspace // Journal of Cybersecurity. 2019. P. 1–9.

4. Актуальные проблемы и текущие тенденции регулирования

Осознавая сложность единообразного мнения по многим вопросам, государства идут по пути регионального сотрудничества. ООН, ЕС, СНГ, АСЕАН, ОАГ разрабатывают многочисленные нормы по регулированию кибербезопасности и многим другим аспектам сотрудничества, однако повышенное продуцирование норм не может привести к единообразной практике применения в международном праве.

В киберпространстве главными субъектами считаются не только государства, но и компании — Google, Facebook, Microsoft и др. В 2018 г. компания Майкрософт запустила инициативу ‘Digital Peace Now’³⁷ для принятия цифровой Женевской конвенции или т.н. «Женевской конвенции 5.0», которая бы позволяла защитить права граждан от кибератак в мирное время с помощью специализированных компаний, т.е. использовалось *jus contra bellum*, направленное на предупреждение активных ответных действий со стороны государств³⁸.

Очевидно, что киберпространство не может оставаться *law-free zone*, поэтому Harold Honnju Koh предлагает использовать сложившийся подход США по данной проблеме, вызванной нехваткой источников регулирования. Позиция США заключается в применимости всех принципов международного права в киберпространстве, т.е. например кибератака может подпадать под действие ст. 2 п. 4 Устава ООН, а сами действия необходимо квалифицировать как использование силы в случае соблюдения следующих условий:

³⁷ UK Attorney General, Speech: Cyber and International Law in the 21st Century. May 23, 2018. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/cyber-and-international-law-in-the-21st-century>

³⁸ Cyber operations and international law. Cambridge University Press, 2020. P. 3.

наличие соответствующего контекста, субъекта, действия, цели, местонахождения, последствия, намерения. В киберсреде могут и должны, по его мнению, применяться меры самозащиты для пострадавших государств, а также необходимо на основе критерия необходимости и пропорциональности применять *jus in bello*. От государств будет требоваться пересмотреть представление о классических видах оружия и включить новые виды кибероружия.

Для квалификации деяния необходимо разобраться с вопросом о его присвоении государству, однако данный вопрос на практике практически не может быть разрешим, т.к. кибероружие могут приобретать не только государства, но и не-субъекты международного права. Попытка уравнять государства с различным уровнем развития технических возможностей в киберпространстве также вряд ли может увенчаться успехом. Таким образом, может возникнуть фрагментация международного права — функциональная (различные нормы и режимы регулирования поведения государств в киберпространстве) и географическая (увеличение региональных договоров и соглашений), не способствующая согласованию позиций государств.

Различные инициативы, центры и неправительственные организации также участвуют процессе стабилизации международного правопорядка в киберсреде. Так, важную роль играет Глобальная комиссия по стабильности киберпространства, состоящая из 26 выдающихся лиц, специализирующихся в области изучения киберпространства³⁹.

В рамках такого специализированного учреждения ООН, как МСЭ, разрабатываются определения основных терминов, инициативы в области правового регулирования

³⁹ “About — GCSC” (Global Commission on the Stability of Cyberspace). URL: <https://cyberstability.org/about/>

киберпространства. Так, в 2014 г. была запущена инициатива по введению Индекса глобальной кибербезопасности для отслеживания ее уровня в мире⁴⁰. В 2020 г. Россия в данном рейтинге заняла почетное пятое место, а США заняли первое⁴¹.

Последнее, на чем хотелось бы остановиться, — это текущие тенденции в части регулирования киберпространства в международном праве. 28 мая 2021 г. Группой правительственных экспертов ООН был разработан доклад по вопросам применимости норм международного права в киберпространстве⁴². Примечательно, что впервые с 2017 г. сторонам удалось достичь консенсуса по многочисленным вопросам, включенным в повестку дня. Отдельные государства — Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Китай — предложили принять Международный кодекс поведения в области информационной безопасности. Важнейшим шагом на пути к решению сложившихся проблем в части применения норм международного гуманитарного права стало подтверждение применения данной отрасли к киберпространству во время вооруженного конфликта. Было подтверждено применение всех основополагающих принципов международного права. От государств в данной ситуации требуется взаимное сотрудничество и обмен практикой разрешения спорных ситуаций в киберпространстве, о чем уже говорилось выше.

⁴⁰ Global Cybersecurity Index 2020. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Pages/global-cybersecurity-index.aspx>

⁴¹ Global Cybersecurity Index 2020. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-GCI.01-2021-PDF-E.pdf

⁴² Report of the Group of Governmental Experts on Advancing responsible State behavior in cyberspace in the context of international security, letter of transmittal. 28.05.2021. URL: <https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/2021/06/final-report-2019-2021-gge-1-advance-copy.pdf>

Однако даже с учетом данных достижений, остается неясным, когда же государства смогут разработать конвенцию, которая бы позволила регулировать киберпространство с учетом существующих норм. Можно было бы предположить, что со временем вопрос будет так или иначе решен как в случае с космическим пространством, в освоении которого участвовали Россия и США, однако не государства играют важную роль и диктуют правила поведения в киберпространстве, а частные компании, физические лица, корпорации и т.д., которые, в свою очередь, не могут считаться субъектами международного права. Далее, остается нерешенным вопрос, связанный с анонимностью поведения в киберпространстве, и вытекающей из этого проблемы присвоения деяния. На международном уровне (ООН) не наблюдается прогресса в процессе решения поставленных задач, многие нормы носят характер *soft law*, а не *hard law*, что приводит к дублированию норм и несогласованной практике поведения государств.

Michael P. Fischerkeller⁴³ предлагает неоднозначный, на первый взгляд, выход из сложившейся ситуации. Он говорит о необходимости пересмотра подхода к невмешательству в части принуждения в пользу эксплуатации (использование информации) киберпространства. Не все меры принуждения в международном праве могут считаться противоправными, так же, как и не все меры по эксплуатации могут относиться к противоправным. Принцип эксплуатации позволит государствам самостоятельно перечислить те действия, которые будут рассматриваться как вмешательство в «национальный сектор» киберпространства (например, государство, как это сделали США, может отнести эксплуатацию интеллектуаль-

⁴³ Fischerkeller M.P. Current international law is not an adequate regime for cyberspace. *Lawfare*, 2021. URL: <https://www.lawfareblog.com/current-international-law-not-adequate-regime-cyberspace>

ной собственности к противоправному действию). Согласно классическому определению, эксплуатация — это противоправное действие, совершаемое в киберпространстве с целью получения информации, однако автор статьи не согласен со столь узким и однобоким представлением об эксплуатации. Вместо этого было бы правильным рассматривать данный термин как использование технологий одним государством для получения выгод от несовершенств в киберпространстве другого государства с целью получения конкурентного преимущества.

На взгляд докладчика, подобные меры не повлияют на изменение ситуации с существующими пробелами в области универсального киберрегулирования в международном праве.

Одним из шагов на пути к международному правотворчеству может стать проведение международного саммита с участием государств, международных организаций, представителей компаний для согласования проекта будущей конвенции; пересмотр существующего каркаса норм мягкого права с целью выявления единообразных норм; отказ от информационной безопасности в пользу кибербезопасности; начало работы Комиссии международного права ООН для представления проекта конвенции.

Научное издание

«К УПРОЧЕНИЮ ПРАВОПОРЯДКА В МИРЕ
НА ОСНОВЕ УСТАВА ООН»

Материалы международной научно-практической конференции,
посвященной 30-летию «Московского журнала международного права»
(Москва, 20–21 октября 2021 г.)

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Компьютерная верстка
и художественное оформление обложки *Ю.Г. Кучмаева*

Подписано в печать 17.08.2022. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 17,6. Уч.-изд. л. 12,4. Заказ

Издательство «МГИМО-Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76